

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАТРОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАВАНІЕ

И. Песоукинъ.

VIII.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

РЕШЕНЫ

СТАВЛЯ

И

ИЛИ

ВЪСХОДИЛИ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 14-го Апрѣля, 1842 года.

Ценсоръ: *И. Корсаковъ*

ИЛИ

ИЛИ

ИЛИ

ИЛИ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

ИЛИ

ИЛИ

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПЕРВОЕ ВОЛОКИТСТВО

РИШЕЛЬЕ. (*)

(LES PREMIERES ARMES DE RICHELIEU).

КОМЕДІЯ СЪ КУПЛЕТАМИ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, Гг. БЛЯРА И ДЮМАНГАРА.

Переводъ съ Французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Герцогъ Ришелье, 16-ти лѣтъ.
Герцогиня де Ноайль.
Диана де Ноайль, ея дочь.
Маркизь Матиньонъ.
Сезарина де Носе.
Баронъ де Бель-Шассъ.

Багонесса, его жена.
Дюбуа, камердинеръ Ришелье.
Мерлакъ, парикмахеръ.
Мишленъ, драпировщикъ.
Каретникъ.
Придворные, слуги.

Дѣйствіе 1-е. Версаль. Комнаты Герцогини де Ноайль, на половинѣ Герцогини Бургундской. Дѣйствіе 2-е. Домъ Герцога Ришелье.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Большая зала, въ глубинѣ три растворенныя двери; вдали галерея; съ правой стороны па-
таенная дверь въ комнаты Герцогини Бургундской; съ лѣвой—столъ, покрытый ковромъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сезарина, потомъ Матиньонъ.

Сезарина.

Боже мой! неужели церемонія до сихъ поръ не кончилась? — (вынимаетъ письмо и читаетъ) «Вы прекрасны, Сезари-

на: ревность вамъ не къ лицу; Диана мнѣ кузина, одно родство даетъ мнѣ право на нѣкоторую короткость съ нею, между тѣмъ какъ вы...

Матиньонъ (входя).

Ха, ха, ха!

(*) Сообщаемая нами здѣсь пьеса играна въ Москвѣ, въ бенефисъ Г-жи Орловой, подъ заглавіемъ: Мужъ-мальчикъ, или Женитба при Лудовикѣ XIV.

Сезарина (*прячетъ письмо*).

Онъ!

Матиньонъ (*обмахиваясь платкомъ*).

Жаръ неспосный! тѣснота ужаснѣйшая! Весь дворъ на лицо! Только здѣсь, на половицѣ Герцогини Бургундской, можно вздохнуть свободнѣе... (*подходитъ къ Сезаринѣ*) Сезарина...

Сезарина (*прерывая его*).

Вы изъ пріемной залы, Маркизь... Что новаго?

Матиньонъ.

Жаръ нестерпимый — вотъ самая свѣжая новость.

Сезарина.

А церемонія?

Матиньонъ.

Великолѣпна!

Сезарина.

Молодые уже представлялись Королю?

Матиньонъ.

О, да!... Надо было посмотреть на нихъ въ эту торжественную минуту... Я видѣлъ какъ ихъ вѣнчали... отсюда они отправились прямо въ Версаль, представляться Королю... Признаюсь, я никакъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣть церемонію...

Сезарина.

Очень вѣрю! Вамъ хотѣлось полюбоваться гордымъ личкомъ вашей хорошенькой кузины... быть свидѣтелемъ ея торжества... Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней назадъ, что она была такое? Подруга, во всемъ намъ равная... а теперь.. Герцогиня Фронсакъ...

Матиньонъ.

То есть, Герцогиня Ршелье... Вы знаете, что Король дозволилъ молодому Герцогу принять этотъ титулъ еще при жизни отца.

Сезарина.

Тѣмъ болѣе повода ей гордиться.

Матиньонъ.

О, напротивъ, увѣряю васъ... Во всю

церемонію никто не обращалъ на нее вниманія... Всѣ взоры были устремлены...

Сезарина.

На Короля?

Матиньонъ.

Нѣтъ!

Сезарина.

На Маркизу Ментенонъ?

Матиньонъ.

На молодого Герцога. Надо было видѣть: мальчикъ подходилъ къ Королю съ самоувѣренностью посѣдлага царедворца... За то шутки, эпиграммы сыпались со всѣхъ сторонъ... Да и какъ же иначе? Мужъ, котораго тотчасъ изъ-подъ вѣнца отправляютъ путешествовать съ гувернеромъ... (*въ сторону*) Счастливой дороги!

Сезарина.

А Діана?

Матиньонъ.

Бѣдняжка!.. На нее жаль было смотреть!... Она краснѣла, блѣднѣла, не знала куда дѣвать глаза!.. И мудрено ли?... Итти рука объ руку съ ребенкомъ, котораго она все таки должна считать мужемъ.

Сезарина (*насмѣливо*).

Бѣдненькая!

Матиньонъ.

Но когда Король удостоилъ привѣтствіемъ молодого Герцога...

Сезарина.

Онъ потупилъ глаза, какъ школьникъ передъ своимъ учителемъ, и принялся съ отчаянія грызть ногти!

Матиньонъ.

Не угадали! Подойдя къ трону, малютка окинулъ гордымъ взоромъ все собраніе, и кажется, собирався отвѣчать на вопросъ Короля... Въ эту минуту я поспѣшилъ выйти изъ залы, чтобы не прервать церемоніи громкимъ смѣхомъ.

Сезарина.

Что же вы пашли смѣшинаго?.. Молодой Герцогъ очень милъ.. такой живой, развязный!..

Матиньонъ.

Вы его знаете?

Сезарина.

Да, иногда видала... онъ изрѣдка встрѣчался намъ, когда мы гуляли въ свѣтъ Герцогини Бургундской.

Матиньонъ.

Тѣмъ лучше! Сейчасъ вы будете имѣть случай повѣрить свое мнѣнiе о немъ. Откланявшись Королю, онъ долженъ представиться Герцогинѣ Бургундской на ея половинѣ, и слѣдовательно пойдетъ здѣсь мимо, по галереѣ... *(Смѣясь.)* Вотъ выдался день комическихъ представлений... Въдъ нынче же будетъ представляться Баронъ Белль-Шассъ съ своею молодою супругою... Она бывшая вдова Грибушь... купчиха! Баронъ женился по расчету... Но вы не смѣетесь, Сезарина? Вы задумались?

Сезарина.

Да, немножко!

Матиньонъ.

О чемъ же, если это не тайна?

Сезарина.

Не тайна, нисколько! Я думала о вашемъ двоюродномъ братцѣ, объ этомъ бѣдномъ Герцогѣ...

Матиньонъ.

О Герцогѣ!

Сезарина.

Да, Маркизь, именно о Герцогѣ... Мнѣ казалось, что не смотря на свою молодость, онъ будетъ умѣть защищать свои новыя права, сумѣетъ отклонить нѣкоторыя притязанiя *(показывая письмо, которое она читала)*. Но вы правы; его бояться нечего — онъ ребенокъ.

Матиньонъ *(въ сторону)*.

Она все знает!

Сезарина.

И молодая жена принуждена уже краснѣть за него!

Матиньонъ *(въ сторону)*.

Тѣмъ скорѣе можно ожидать успѣха.

Сезарина.

Вамъ не трудно будетъ завладѣть имъ.

Матиньонъ *(въ сторону)*.

Нестараясь.

Сезарина.

Потомъ останется только идти прямо къ цѣли.

Матиньонъ *(въ сторону)*.

Прямая дорога, самая лучшая.

Сезарина.

Напримѣръ, написать письмо въ родѣ того, которое я получила сегодня.

Матиньонъ *(въ сторону)*,

но забывшишь нѣскольکو).

Ужъ написано!

Сезарина.

Что вы говорите?

Матиньонъ.

Повторяю вамъ, милая Сезарина — ревность вамъ не къ лицу... Вѣрьте, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, который любилъ бы такъ пламенно, такъ постоянно, какъ я люблю васъ.

Сезарина *(нѣжно)*.

Извергъ!

Матиньонъ *(цѣлуя ея руку)*.

Очаровательница! *(въ сторону.)* Надѣюсь, двоюродный братецъ мой скоро будетъ... *(Голосъ Герцогини Ноайль прерываетъ фразу: Маркизь и Сезарина мимовременно отходятъ другъ отъ друга.)*

ЯВЛЕНIЕ П.

Тѣже и Герцогиня Ноайль.

Герцогиня.

Нѣтъ! я не переживу этой счастливой минуты... а! Сезарина... Маркизь... Я вѣ себя отъ восторга...

Сезарина.

Позвольте и намъ принять участiе...

Герцогиня.

О, онъ былъ великъ.. неподражаемъ!

Матиньонъ (*удерживаясь отъ смѣха*). представиться... (*Гордо Матиньону.*) Она крестила его, Маркизь.

Кто? Король?

Герцогиня.

Герцогъ Ришелье! мой зять! Такъ вы, Маркизь, не были въ приемной залѣ, когда Король удостоилъ молодаго Герцога вопросомъ: Зачѣмъ вы не смотрите мнѣ прямо въ глаза?... Кровь застыла у меня въ жилахъ... я съ трепетомъ ждала отвѣта малютки... Все кончено, онъ погибъ, думала я про себя... И что же? Онъ отвѣчалъ твердымъ, громкимъ голосомъ: «Государь, по неволѣ потушишь глаза, когда приходится смотрѣть на солнце!»

Сезарина.

Въ самомъ дѣлѣ?

Герцогиня.

Невѣроятнo даже; неправда ли? Еще дитя, едва изъ пеленокъ, и такое присутствіе духа, такая находчивость, такой умъ!

Маркизь (*въ сторону*).

Старая пѣсня!.. всегдашній мадригалъ!

Герцогиня (*торжественно*).

По неволѣ потушишь глаза...

Матиньонъ (*въ сторону*).

Попугай!

Герцогиня.

Въ эти лѣта!.. просто недостижимо! Покойный Герцогъ, мой мужъ, прожилъ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, но во всю жизнь ему не удалось сказать ничего подобнаго. За то Король награждалъ умный отвѣтъ милостивою улыбкою, и эта улыбка, какъ электрическая искра, сообщилась всему Двору. Торжество было несомнѣнное! восторгъ всеобщій!

Матиньонъ (*въ сторону*).

Стоило того!

Герцогиня.

Наконецъ, изнемогая отъ радости, отъ восторга и жара, я вышла изъ тронной залы... Надобно предупредить Герцогиню Бургундскую, что молодые желаютъ ей

представиться... (*Гордо Матиньону.*) Она крестила его, Маркизь.

Матиньонъ (*въ сторону*).

Это не такъ давно... некогда еще было забыть!

Герцогиня.

А! вотъ и они! (*общее движеніе*). Когда приходится смотрѣть на...

Матиньонъ!

На солнце!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Герцогъ Ришелье, Діана, придворныя дамы и кавалеры.

(*Кортежъ молодыхъ медленно проходитъ по галерей. Герцогъ Ришелье въ парадномъ мундирѣ идетъ, держа за руку Діану, которая старается смотрѣть въ другую сторону. Выйдя на средину сцены, Герцогъ останавливается, устремляетъ взоръ на молодую жену свою, глубокий вздохъ вырывается изъ его груди; потомъ шествіе продолжается. Герцогиня де Ноайль уходитъ съ ними.*)

Сезарина (*въ сторону*).

Очень не дурень!

Матиньонъ (*въ сторону*).

Мужъ, котораго прямо изъ-подъ вѣнца посылаютъ путешествовать!... Бѣдная жена!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маркизь, Сезарина, Баронъ Бель-Шассъ, Баронесса.

Матиньонъ.

А, Баронъ Бель-Шассъ!... О, госпожа Грибушъ!...

Баронесса (*оглядывая встѣх*).

Что они смѣются, эти господчики?

Баронъ (*въ полголоса*).

Баронесса, баронесса!... Вы обѣщали мнѣ молчать... вспомните!

Баронесса.

Сдѣайте одолженіе, ужъ не безпокойтесь обо мнѣ... Я, слава Богу, не ребенокъ какой.... сама кой-что смѣваю...

Баронъ (*увидя Матиньона.*)

А, Матиньонъ... Здорово, Маркизь... (*Кланяется Сезаринь.*) Позвольте вамъ представить Баронессу Белль-Шассъ, мою жену... (*Баронесса жеманно приспѣдаетъ и собирается говорить; Баронъ ей на ухо.*) Хорошо! хорошо! довольно!

Маркизь.

Молва уже предупредила васъ, Баронъ! Нѣсколько дней назадъ при Дворѣ разнесся слухъ, что вы женились.....

Баронесса.

Въ день свадьбы на мнѣ было....

Баронъ (*тихо.*)

Довольно, довольно! (*въ слухъ.*) Мы молодые! Недавно обвѣнчаны. Сегодня представлялись Королю.— Жена моя непременно хотѣла имѣть прїездъ ко Двору... А знаете... чего захочетъ молодая жена...

Баронесса (*забываясь.*)

Еще бы!... Да я только для того и вышла за васъ замужъ....

Баронъ (*тихо, съ живостію.*)

Баронесса, ради Бога!..

Матиньонъ (*отвѣщаясь.*)

О!

Сезарина.

Стало быть, вы еще въ первый разъ при Дворѣ.

Баронесса.

Какъ же!... Покойный мужъ мой былъ изъ купеческаго званія... Такъ тутъ не зачешешься во дворецъ! Но и тогда я только и бредила какъ бы попасть ко Двору. Бывало, встрѣтишь гдѣ нибудь придворную даму, такъ кошки и заскребуть по сердцу отъ зависти... Вотъ съѣла бы ее!

Баронъ (*тихо.*)

Вы слишкомъ много говорите.

Матиньонъ.

Ахъ, Баронъ, ради Бога, не лишайте насъ удовольствія слышать такія наивныя признанія!

Баронесса (*съ увлеченіемъ.*)

Да что жъ? ужъ что правда, то правда: шила въ мѣшкѣ не утаишь! Покойникъ мой, который только и думалъ какъ бы мнѣ угодить, наконецъ скончался. Ужъ тутъ я дала себѣ слово, во что бы то ни стало попасть ко Двору.. если для этого нужно быть Графинею, Маркизою, Баронессою, буду Графинею, Маркизою, Баронессою.... Съ деньгами только выбирай жениховъ. Всякіе найдутся.— Баронъ посватался первый, и я вышла за него.

Н. 1.

При богатствѣ, что за диво,
Разомъ кончись, лишь начать;
Я къ тому же не спѣсива —

Баронъ.

Общали вы молчать.

Баронесса.

Мужъ баронъ— одно въ прибавкѣ;
А поближе поглядѣть....
О суконной прежней лавкѣ
Не пришлось бы пожалѣть!

Баронъ (*тихо.*)

Ради Бога, довольно!

Баронесса.

За то ужъ послѣ свадьбы я не долго думала. Сегодня утромъ велѣла заложить своихъ лошадей, надѣла всѣ свои брилліанты, взяла съ собою мужа, и явилась сюда во дворецъ.— И если всѣ здѣшнія Маркизы да Графини лопнутъ отъ зависти, глядя на мое богатство,— тѣмъ лучше! плюю я на нихъ!

Баронъ.

Баронесса, Баронесса!

Баронесса (*живо.*)

Нѣтъ! нѣтъ! я не плюю на нихъ!

Баронъ *(тихо)*.

Замолчите.

Матиньонъ *(тихо Сезаринъ)*.

Она, право, прелесть!

Сезарина *(закрываетъ ве-
рою)*.

Мила, какъ нельзя больше!

Баронесса *(въ сторону)*.

Что они шепчутся?

Матиньонъ.

Вѣрно, Король встрѣтитъ васъ какимъ-
нибудь привѣтствіемъ.

Баронесса.

Такъ чтожъ?... Того намъ и надобно.
Въ карманъ за словами не полеземъ...
найдемъ что отвѣчать... да еще на сла-
ву... я ужъ за себя постою!

Баронъ.

Вамъ нельзя отвѣчать Королю, Баро-
несса!

Баронесса.

Вотъ прекрасно!

Матиньонъ *(тихо Сезаринъ)*.

Стоять другъ друга!

Баронъ.

Отвѣчать слѣдуетъ мужу.... и если на
то пойдетъ, я надѣюсь сказать не хуже
этого молокососа.... Ришелье!

Баронесса.

Ришелье!.. пожалуйста, потише... Я съ
роду не видывала такого чудеснаго ре-
бенка.... Настоящая картинка!

Баронъ.

Баронесса!....

Матиньонъ.

Вы знаете Герцога?

Баронесса.

Маленькаго Фронсака!... еще бы!... При
первомъ мужѣ.... знаете, у насъ была су-
конная лавка....

*(Маркизъ и Сезарина едва удержива-
ются отъ смѣха.)*

Баронъ *(въ сторону)*.

Теперь ее не остановишь... *(тихо Ба-
ронессъ)* Вы слишкомъ много говорите.

Баронесса.

—Чтожъ за диво?... Мы все поставляли
на стараго Герцога... на отца-то... Ко-
гда, бывало, пойдешь къ управителю со
счетомъ — вѣчно найдешь тамъ малютку
съ учителемъ, такимъ гадкимъ старични-
кою.... посадишь его къ себѣ на колѣни...

Матиньонъ.

Учителя?

Баронъ *(съ достоинствомъ)*.

Маркизъ Матиньонъ!...

Баронесса.

Нѣтъ! того, молодого... и ужъ такой
былъ рзвый... плутишка... глазенки во-
ровскіе! Я сколько разъ выговаривала му-
жу... бывало, все со мною заигрываетъ
(живо) не мужъ!... О, этотъ малютка...
будетъ со временемъ... бѣда молодымъ
дѣвушкамъ и старымъ мужьямъ!

Баронъ *(внѣ себя)*.

Госпожа Грибушъ!

Баронесса.

Не съ вами говорятъ!

Баронъ.

Госпожа Грибушъ! Вы вѣчно остане-
тесь Госпожею Грибушъ!

Баронесса.

Нечего слушать!

(Уходитъ въ глубину сцены).

Матиньонъ.

Продолжайте, продолжайте, Баронес-
са... не церемоньтесь.

Сезарина *(также удалив-
шаяся въ глуби-
ну сцены)*.

Кто-то вышелъ изъ комнатъ Герцогини
Бургундской.

Баронесса.

А вотъ и онъ, легокъ на поминѣ...
нашъ малютка... Фронсакъ.

Сезарина.

Онъ очень милъ... Ссылаюсь на всѣхъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ, РИШЕЛЬЕ.

(Онъ входитъ въ большомъ волненіи, и не замѣчая никого, бросается въ кресла на правой сторонѣ.)

РИШЕЛЬЕ.

Уф!.. задыхаюсь!....

СЕЗАРИНА (приближался).

Что съ вами?

РИШЕЛЬЕ (вставая вдругъ).

А, это вы?.. Маркизь Матиньонъ!... Госпожа Грибушъ!....

БАРОНЪ (въ сторону).

Узналъ!

БАРОНЕССА (гордо).

Баронесса Бель-Шассъ, къ вашимъ услугамъ.

РИШЕЛЬЕ.

Баронесса!... въ самомъ дѣлѣ?... Вотъ какъ!

БАРОНЕССА.

Тѣшится, ребенокъ!

БАРОНЪ.

Герцогъ шутить!..

РИШЕЛЬЕ.

Признаюсь! я теперь, кажется, ни сколько не расположенъ шутить.... голова моя горитъ, кровь бьетъ въ сердце горячимъ ключемъ!

БАРОНЕССА.

Ахъ, Боже мой!... онъ, бѣдняжка, болѣвъ.

РИШЕЛЬЕ.

Нисколько! (въ сторону.) Не поумиѣла.

СЕЗАРИНА.

Но что же такое случилось, Герцогъ?

РИШЕЛЬЕ (съ жаромъ).

Еслибъ вы знали, какъ она приняла меня... съ какимъ вниманіемъ и благосклонностію....

МАТИНЬОНЪ (съ удивленіемъ).

Герцогиня Бургундская?

РИШЕЛЬЕ.

Да. Когда она увидѣла меня, у нея невольно вырвались слова: какъ онъ милъ!... потомъ она протянула мнѣ руку... я прижалъ ее къ пылающимъ устамъ.... а она поцѣловала меня въ анцо!.. Діана разсматривала діадему... подарокъ Герцогини.... между тѣмъ, я... Везувій былъ у меня въ груди... Я желалъ быть на единѣ съ Герцогинею, чтобъ броситься къ ея ногамъ... но завистливые глаза свидѣтелей отнимали у меня возможность повиноваться внушенію сердца... Въ страхѣ... безмолвный, неподвижный, стоялъ я передъ нею.

БАРОНЕССА (въ сторону).

Бѣдняжка!... Жаль его!

СЕЗАРИНА (въ сторону).

Глаза его горятъ!....

МАТИНЬОНЪ.

Но что же все это значитъ?

РИШЕЛЬЕ.

Самъ не понимаю! Уже цѣлые два мѣсяца она не цѣловала меня (Сезаринъ.) Не правда ли?

МАТИНЬОНЪ.

Кто?... она?.. Герцогиня Бургундская?

СЕЗАРИНА (въ сторону).

Боже мой, онъ все расскажетъ!

РИШЕЛЬЕ.

Ахъ! вы не знаете!... Послушайте! Давно.... годъ назадъ... я еще тогда былъ ребенокъ... (Матиньонъ и Сезарина улыбаются).

БАРОНЕССА.

Чтожъ онъ теперь?... Взрослый человекъ!

БАРОНЪ.

Какое намъ до этого дѣло.

РИШЕЛЬЕ.

Когда отцу моему случалось пріѣзжать въ Трианонъ, онъ бралъ меня съ собою, и посылалъ гулять въ садъ. Тамъ я встречалъ молодую и прекрасную даму, которая ласкала меня, цѣловала... Такъ весе-

ло!.. Она давала мнѣ конфеты и называла своею маленькою куколкою... Забавное названіе, не правда-ли? И никакъ не хотѣла сказать своего имени! Съ нею было всегда множество хорошенькихъ дѣвицъ, которыя меня тоже цѣловали. (Сезаринъ) Помните?

Сезарина (съ смущеніемъ).

Я?.. нѣтъ — не помню! (Матиньонъ смотритъ на нее улыбаясь).

Баронесса.

Ага, скромница!

(Баронъ держитъ ее за платье).

Ришелье.

Два мѣсяца назадъ... вмѣстѣ съ этими дѣвицами... я сидѣлъ у ногъ моей незнакомки... вдругъ, откуда не возьмись, старушка... (тихо) Госпожа Ментенонъ.... Она разгнѣвалась и запрѣтила мнѣ ходить въ Трианонъ... Тогда-то рѣшили женить меня на Діанѣ... О! Діана или другая, для меня все равно... я хотѣлъ только попасть ко Двору, больше ничего!... Можете представить мое удивленіе... я въ первый разъ видѣлъ Герцогиню... и черты ея напомнили мнѣ... голосъ ея показался мнѣ сладкимъ эхомъ прошедшаго... Она!.. я узналъ ее... узналъ Трианонскую незнакомку... и, какъ прежде, она поцѣловала меня... Я былъ смущенъ, совсѣмъ потерялся... Она сжалилась надо мною... Мой милый малютка, сказала она мнѣ: отъ тебя здѣсь всѣ безъ ума... не забывай меня... приходи почаще... діанѣ подарила я діадему... но тебѣ... подарокъ за мною... Въ шесть часовъ, прибавила она потомъ въ полголо-са... Въ эту минуту подошла Герцогиня Ноайль... старухи, знаете, вѣчно помѣшаютъ! — Вотъ, продолжала Герцогиня смѣясь: къ свитѣ моей прибавилось новое лицо... отнынѣ я буду называть его моею маленькою куколкою...» Тутъ она ушла; теща моя, разкрасившись отъ злости, пошла за нею... Всѣ разинули рты.. а я... приближалъ сюда... и такъ

счастливъ, такъ счастливъ, что готовъ каждому рассказывать о моемъ счастьи...

Матиньонъ.

Еще не научился скромности.

Баронесса.

Милый мальчикъ!.. Я сама готова разцѣловать его.

Герцогиня Ноайль* (за кулисами).

Останься здѣсь, Діана...

Баронесса.

Это что еще за старуха!..

Баронъ.

Тише... Это Герцогиня Ноайль.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Герцогиня Ноайль.

Герцогиня.

Я задыхаюсь! Это ужасно!.. непростительно! (Сойдъсь лицомъ къ лицу съ Герцогомъ). Гдѣ же ваша жена, Герцогъ?

Ришелье.

Жена моя!.. въ самомъ дѣлѣ... гдѣ же моя жена?

Матиньонъ.

Вотъ мило! потерялъ жену!

(Уходитъ въ глубину сцены).

Ришелье.

Она разсматривала діадему и... я пойду за нею.

Герцогиня.

Нѣтъ, останьтесь!... Сезарина, ступайте къ Герцогинѣ.

Сезарина.

Иду (тихо Ришелье, проходя мимо него). Герцогъ! мало быть счастливымъ... надо умѣть быть скромнымъ (въ сторону, уходитъ). Иду предупредить Герцогиню. (Ришелье смотритъ на нее въ недоумѣніи; она уходитъ; Матиньонъ хочетъ идти за нею).

Герцогиня.

Нѣтъ, останьтесь, Маркизь... вы не можете быть лишнимъ, вы намъ родственникъ!... Что же касается до Барона...

Одинъ изъ придворныхъ (*въ глубинѣ сцены*).

Королю угодно принять Барона Белль-Шасса.

Баронесса (*съ радостію*).

Дождались таки! насъ принимаютъ!

Баронъ (*въ сильномъ волненіи*).

Ахъ, Боже мой, поскорѣе, мой другъ! (*тихо*). Ради Бога, не говори ни слова. (*Беретъ ее подъ руку.*)

Герцогиня (*въ сторону*).

Вдова Грибушь... фуй!

Баронесса.

Я увижу Короля... великаго Короля... до свиданія почтенная компанія... До свиданія, малютка!... (*въ сторону*) Этотъ ребенокъ сведетъ меня съ ума! (*уходитъ разговаривая*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ришелье, Герцогиня, Матиньонъ.

Герцогиня.

Вспомните, Герцогъ... вы мужъ!

Ришелье.

И кажется очень недурной... Посмотрите!

Герцогиня.

Не въ томъ дѣло... Еслибы вы были постарше, любезный зять мой... (*движеніе Ришелье*) я сказала бы вамъ, что вы дѣйствовали совершенно наперекоръ приличіямъ и этикету.

Ришелье.

Потому что Герцогиня...

Герцогиня.

Отвѣчая за всѣ поступки Герцогини, за ея малѣйшія движенія, даже за тайныя мысли и мечты, я стараюсь быть при ней... неотступно...

Ришелье.

Веселая обязанность, для нее и для васъ!

Герцогиня.

За ея честь отвѣчаю я своею собственною.... И потому я чуть не упала въ обморокъ, когда она взяла васъ за руку и поцѣловала въ лицо.... Стыдитесь, Герцогъ Ришелье!

Матиньонъ.

Стыдитесь, Герцогъ!

Ришелье.

Стыдитесь, стыдитесь.... чего же тутъ стыдиться? Это весело, приятно, вотъ и все тутъ!

Герцогиня.

Но, подумайте; называть васъ: маленькою куклою.

Матиньонъ (*строго*).

Ужасно!

Ришелье.

Не понимаю.... что тутъ ужаснаго... Кто бы не захотѣлъ быть куклою молодой и хорошенькой женщины?

Герцогиня.

Хорошо еще, что на него какъ на ребенка—не можетъ быть ни какихъ подозрѣній...

Ришелье (*поднимая голову*).

Ни какихъ подозрѣній!

Герцогиня (*уходя*).

Это вы узнаете по возвращеніи...

Ришелье (*удивляясь*).

По возвращеніи... развѣ я куда нибудь поѣду?

Матиньонъ (*въ сторону*).

Часъ отъ часу забавнѣе.

Герцогиня.

Сегодня же вечеромъ... это рѣшено... Экипажи готовы, и я прикажу подать....

Ришелье.

Вотъ прекрасно! (*удерживая ее.*) Позвольте, милая матушка.... (*Онъ съ важностію выходитъ на авансцену.*) Вы кончили.... теперь моя очередь....

Матиньонъ.

Семейныя объясненія.. Я не стану вамъ мѣшать!

Ришелье (*удерживая его*).

О, нѣтъ, останьтесь, останьтесь.... вы нашъ родственникъ.... (*Тихо.*) Вы меня поддержите! (*вслухъ.*) Любезная матушка, вчера вечеромъ, гувернеръ мой объявилъ мнѣ, что я сегодня буду женатъ.... Женатъ.... Это слово произвело на меня удивительное дѣйствіе, и я зануль съ самыми сладкими мечтами.... Мнѣ снилось.... такъ много.... такъ много.... Сегодня утромъ контрактъ былъ прочитанъ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей.... Я подписалъ его безъ малѣйшаго возраженія.... Присутствіе отца налагаетъ всегда печать молчанія на мои уста.... это слабость, отъ которой со временемъ.... ну, да не въ томъ дѣло.... Въ этомъ контрактѣ есть статья; вы должны уничтожить ее.

Матиньонъ.

Прекрасно!

Герцогиня.

Какая статья?... Приданое моей дочери....

Ришелье.

Слишкомъ велико.... Я взялъ бы ее и безъ этого.

Герцогиня.

Условенныя нами обезпеченія!...

Ришелье.

Я даже не слушалъ этого.

Герцогиня.

Но что жъ такое?

Ришелье.

Припомните.... статья V-я.

Герцогиня.

Статья V? Не помню....

Ришелье.

Подумайте хорошенько.

Матиньонъ (*въ сторону*).

Что изъ этого будетъ!

Герцогиня (*припоминала*).

А!

Ришелье.

Вспомнили?... Ну, такъ я вамъ скажу, что въ этой статьѣ нѣтъ здраваго смысла, да и въ томъ, кто ее выдумалъ также....

Герцогиня.

Я.... я ее выдумала....

Ришелье.

А, въ такомъ случаѣ.... въ такомъ случаѣ.... Посудите сами, любезный Маркизь.... Послушайте.... я требую вторичнаго прочтенія.

Матиньонъ.

Готовъ слушать!

Герцогиня.

Но это невозможно....

Ришелье.

Статью, статью!... потрудитесь прочесть....

Матиньонъ.

Прочтите, Герцогиня!

Герцогиня (*рѣшаясь*).

Статья V. Тотчасъ по совершеніи брака, Герцогъ долженъ разлучиться съ Герцогинею, съ которою онъ можетъ видѣться только въ присутствіи ея матери.... до достиженія имъ двадцати-лѣтняго возраста.

Ришелье (*съ увѣренностію*).

Именно!... Именно... вотъ это-то и надо исключить.... и сегодня же.... сейчасъ же.... сейчасъ же.... Не правда ли, Маркизь?

Герцогиня.

Да это просто ужасъ!

Матиньонъ (*въ сторону*).

Каковъ?

Ришелье.

Исключить! непременно исключить!

Герцогиня.

Но подумали ли вы?

Ришелье.

Подумаешь ли я? Еще как!

Герцогиня.

Вамъ всего только шестнадцать лѣтъ.

Ришелье.

По вашему контракту, по свидѣтельству о рожденіи... можетъ быть... Но головѣ моей и сердцу... двадцать лѣтъ, Герцогиня, полныхъ двадцать лѣтъ.

Герцогиня.

Слышите, Маркизь?

Матиньонъ.

Къ несчастію слышу, Герцогиня (*въ сторону.*) Видно не нравится женская опека!

Ришелье (*съ новымъ жаромъ*).

Женатъ я наконецъ, или нѣтъ?... Женатъ, кажется!... Жена моя очень мила.... Я люблю ее, я полюбилъ ее съ перваго взгляда.... и нынче люблю больше, чѣмъ когда нибудь.... Сегодня я совсѣмъ переродился.... Какія-то тайныя мечты волнуютъ меня.... не даютъ покоя!... Я хочу, хочу, и во что бы то ни стало, буду мужемъ, какъ и всѣ другіе.

Герцогиня.

Слышите, Маркизь?

Матиньонъ.

Слышу, Герцогиня!

Герцогиня.

Да постарайтесь же хоть вы урезонить его.

Матиньонъ.

Въ этомъ случаѣ, кажется, ни какое краснорѣчіе не поможетъ.

Ришелье.

Видите, онъ за меня!... Онъ держитъ мою сторону!... Очень ясно.... ему жаль свою кузину.... бѣдная Діана!... Желалъ бы я знать, что бы сами вы сказали, Герцогиня, если бы, въ день свадьбы, знаменитаго супруга вашего отправили путешествовать.... услали бы, Богъ знаетъ куда....

Герцогиня.

Это такъ и было.

Ришелье.

Такъ поздравляю васъ!... Онъ повиновался, а я — нѣтъ. Я не ѣду.

Герцогиня.

Это ни на что не похоже!

Матиньонъ.

Да, ни на что не похоже!

Ришелье.

Что такое?... Хорошо! такъ-то онъ держитъ мою сторону.

Герцогиня.

Вы сами не знаете, что говорите.

Матиньонъ.

Разумѣется, не знаете, что говорите (*въ сторону.*) Пусть себѣ ѣдетъ, голубчикъ.

Ришелье.

А! всѣ противъ меня!... Тѣмъ лучше!... Какъ вамъ угодно.... Я все таки поставлю на своемъ.... Не потерплю такого униженія, такого позора.... Нѣтъ, нѣтъ.... никогда!

Матиньонъ (*въ сторону*).

Каковъ!

Ришелье.

Вы исключите эту проклятую статью!

Герцогиня.

Ни за что въ свѣтъ.... не исключу....

Матиньонъ (*въ сторону*).

Дѣло идетъ не на шутку.

Ришелье.

Исключите, непременно исключите!

Герцогиня.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (*Маркизу.*) Поддержите меня!

Матиньонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Герцогиня.

Тысячу разъ, нѣтъ!

Ришелье.

Хорошо, извольте. (*Хладнокровно.*) Я увезу свою жену....

Герцогиня.

О! это невыносимо!

Ришелье.

Да, я увезу жену свою, убью гувернера, зажгу домъ, и уѣду на какойнибудь пустынный островъ.... тамъ никто не помѣшаетъ мнѣ наслаждаться всѣми прелестями супружеской жизни.

Герцогиня (*задыхалась отъ гнѣва*).

Но.... я.... я.... О! я задыхаюсь отъ гнѣва!... Я переговорю съ Г-жею Ментенонъ, увижусь съ Королемъ.

(*Преслѣдуетъ Ришелье*).

Ришелье.

Все, что вамъ угодно.... только не мѣшайте мнѣ видѣться съ женою.

Герцогиня.

Поѣду къ Герцогу Бургундскому.

Ришелье.

Очень радъ! Герцогиня ожидаетъ меня въ шесть часовъ.

Герцогиня.

Вы не увидите съ нею!

Ришелье.

Увижусь!

Герцогиня.

Если только осмѣлитесь, если.... если.... сегодня же, сейчасъ же, вы должны отправляться... я поставлю на своемъ.... я докажу... я.... вотъ вы увидите....

Ришелье.

Герцогиня! вы увидите, что я останусь здѣсь.

Герцогиня.

Посмотримъ! (*Уходитъ съ гнѣвомъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ришелье, Матиньонъ.

Матиньонъ (*бросался въ кресла, хохочетъ во все горло*).

Ха, ха, ха!

Ришелье (*съ удивленіемъ*).

Это что еще такое?... что ему смѣшно?...

Матиньонъ.

Ха, ха, ха! бѣдняжка!

Ришелье.

Онъ смѣется надо мною!

Матиньонъ.

Мужъ безъ жены!... Мужъ.... такъ, только для виду.... ха, ха, ха!

Ришелье.

Маркизь!

Матиньонъ (*вставая*).

Успокойтесь, любезный Герцогъ, не горячитесь!... Я удерживался сколько могъ... но это ужъ изъ рукъ вонъ смѣшно.... Славную комедію вы сейчасъ разыграли вдвоемъ... Исключите!... Нѣтъ, не исключу!... ха, ха, ха!

Ришелье (*ходитъ по сценѣ*).

Она исключить! или, чортъ возьми, я обойдусь и безъ нее.

Матиньонъ.

О-го! пожалуй.... чего добраго.... Постараясь....

Ришелье.

Во-первыхъ, я влюбленъ безъ памяти.... и, сверхъ того, упрямъ.

Матиньонъ.

Неужели вы думаете, что Герцогиня меньше васъ упряма: вѣдь она женщина.

Ришелье.

Ну, мы еще посмотримъ!...

Матиньонъ.

Потомъ, вспомните, кузина моя тремя годами старше васъ, можетъ быть, судя по вашему росту....

Ришелье.

Маркизь!

Матиньонъ.

Она обойдется съ вами какъ съ ребенкомъ.

Ришелье.

Какъ съ ребенкомъ!

Матиньонъ.

Такъ, я думаю.... и на вашемъ мѣстѣ....

Ришелье (*живо*).

Что бы вы сдѣлали?

Матиньонъ.

Я?... я. (*посль молчанія.*) Нѣтъ, вы не поймете меня.

Ришелье.

Говорите, говорите... я все понимаю, кромѣ того, что мнѣ толкуеть гувернеръ.

Матиньонъ.

Вотъ въ чемъ дѣло!... Меня разлучаютъ съ женою... сказалъ бы я самъ себѣ. Чортъ возьми, тѣмъ хуже для нихъ... на свѣтѣ много женщинъ и кромѣ ея.

Ришелье (*хватая его за руку*).

Мнѣ ужъ самому приходило это на мысль!

Матиньонъ.

Браво!... теперь я вижу, что наставленія мои пойдутъ вамъ въ прокъ.

Ришелье.

Въ такомъ случаѣ, вы можете похвалиться передъ моимъ гувернеромъ.

Матиньонъ (*хвастливо*).

Не даромъ же я считаюсь величайшимъ негодяемъ, котораго только можно вообразить себѣ. Вотъ видите ли, дѣло въ томъ... что женщины... О! надо умѣть обходиться съ ними...

Ришелье.

Умѣть обходиться съ ними... Кажется я уже кое-что смыслю по этой части.

Матиньонъ.

Уже? ... Всѣхъ до одной увѣрять въ любви....

Ришелье.

Всѣхъ.... до одной.... не слишкомъ ли? Ну, да впрочемъ это должно быть очень весело!

Матиньонъ.

Изъясненія въ любви могутъ быть двухъ родовъ: на словахъ, или черезъ письмо.

Ришелье.

А!...

Матиньонъ.

Это зависитъ отъ лѣтъ.... Отъ пятнадцати до двадцати пяти объясняются письменно, а тамъ ужъ прямо на словахъ.

Ришелье.

Стало быть.... я....

Матиньонъ.

Вы еще не вышли изъ возраста письменныхъ объясненій.

Ришелье.

Однако, чортъ возьми!... Написать объясненіе въ любви... для этого требуется такъ много условій.

Матиньонъ.

Три.... Немножко любви....

Ришелье.

Это будетъ.

Матиньонъ.

По больше смѣлости....

Ришелье.

За этимъ дѣло не станетъ.

Матиньонъ.

И нѣкоторыя познанія въ правописаніи.

Ришелье.

За этимъ.... (*Останавливаясь*). Такъ вы говорите: надобно имѣть нѣкоторыя познанія въ правописаніи?

Матиньонъ.

Да, тому кто умѣетъ писать правильно....

Ришелье.

А кто не умѣетъ?

Матиньонъ.

Тотъ пишетъ какъ нибудь.

Ришелье.

Прекрасно!... Стало быть стоитъ только умѣть взять перо въ руки....

Матиньонъ.

И если бы вы общали быть скромнымъ, я показалъ бы вамъ маленькій образчикъ въ этомъ родѣ, небольшую записочку....

Ришелье (*съ живостію приближась къ нему*).

Которую вы написали?

Матиньонъ.

Сегодня утромъ.

РИШЕЛЬЕ *(старалась взглянуть на записку).*

Къ кому?

МАТИНЬОНЪ *(прячетъ отъ него письмо).*

Потише, потише? Не торопитесь!... *(Срываетъ конвертъ).* Для чего вамъ это знать.... *(Насмѣшливымъ тономъ).* Записка эта писана къ одной новобрачной.... *(Въ сторону).* Бѣдняжка!

РИШЕЛЬЕ.

Къ новобрачной.... постойте.... къ кому же бы это?... Къ госпожѣ Грибушь....

МАТИНЬОНЪ.

Умилосердитесь!... Баронесса Белль-Шассъ!... Неужели она вамъ нравится?

РИШЕЛЬЕ.

Мнѣ женщины нравятся всѣ безъ исключенія.... Дайте.

(Развертываетъ записку).

МАТИНЬОНЪ *(въ сторону).*

Пусть приволочнется за Баронессою.

РИШЕЛЬЕ *(читая).*

«Несравненная....» Имени нѣтъ?...

МАТИНЬОНЪ.

Нѣтъ!... Пока пишешь письмо, можно передумать къ кому его послать.

РИШЕЛЬЕ.

А въ концѣ?... Твой на вѣки.

МАТИНЬОНЪ.

Всегда.... Это неизмѣнная подпись.

РИШЕЛЬЕ.

И ни къ чему не обязываетъ. *(Читая).* «Несравненная, увидѣвъ васъ однажды, нельзя не полюбить на вѣкъ, а полюбивъ, нельзя уже владѣть собою.... Съ радостію отдалъ бы я сердце свое за одинъ взглядъ вашъ, всю жизнь за одно слово, мѣръ цѣлый за взаимность!»

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ, БАРОНЪ и БАРОНЕССА БЕЛЛЬ-ШАССЪ.

БАРОНЕССА *(съ досадою, проходя галерею).*

Поѣдьте, Баронъ, поѣдьте скорѣе.

БАРОНЪ *(также).*

Вы слишкомъ много говорили.

МАТИНЬОНЪ *(къ Ришелье съ живостію).*

Кто-то идетъ!... Записку.

РИШЕЛЬЕ *(кладя ее въ карманъ).*

Будьте покойны.... *(Въ сторону).*

Оставляю ее у себя.

БАРОНЕССА *(Барону).*

Не зачѣмъ здѣсь оставаться.... поѣдьте.

МАТИНЬОНЪ *(останавливая ее).*

Что новаго Баронесса.... Довольны ли вы приѣмомъ Короля?

БАРОНЕССА.

Хорошъ приѣмъ, нечего сказать.... стоитъ того, чтобъ рассказать.

БАРОНЪ.

Напротивъ, вовсе не слѣдуетъ рассказывать.... и такъ довольно.

РИШЕЛЬЕ.

Но что же такое?... что такое?... Скажите Г. Грибушь?

БАРОНЕССА *(подходя къ авансценѣ).*

А, это вы мой малютка!... Вы можете похвалиться своимъ участіемъ въ нашей неудачѣ.

РИШЕЛЬЕ.

Я?

БАРОНЕССА.

Вы или ваша теща.

МАТИНЬОНЪ.

Какимъ образомъ?

РИШЕЛЬЕ.

Объяснитесь.

БАРОНЕССА *(вдруг р-
шаясь)*.

Что жъ, въ самомъ дѣлѣ.... Весь Дворъ слышалъ... пусть же еще двое посмѣются...

РИШЕЛЬЕ.

Баронъ разсмѣшилъ?

БАРОНЪ.

Нѣтъ, заставилъ улыбнуться... Поѣдемте.

БАРОНЕССА.

Начиная съ того... выступаетъ себѣ журавлемъ... глаза въ потолокъ... и не видитъ, что зацѣпилъ ногами за мой шлейфъ и запутался въ немъ... я дергаю, а онъ идетъ себѣ, и вдругъ...

(Досказываетъ жестомъ).

РИШЕЛЬЕ.

Въ самомъ дѣлѣ?... Онъ....

БАРОНЪ.

Только спотыкнулся, только спотыкнулся... Никто не замѣтилъ... Поѣдемте!

МАТИНЬОНЪ и РИШЕЛЬЕ.

Подождите.

БАРОНЕССА.

На чемъ бишь я остановилась.... дай Богъ память.... Ну, ужъ Дворъ... стоило ѣздить.... нечего сказать!...

МАТИНЬОНЪ.

Тише!

БАРОНЕССА.

Король изволилъ заговорить съ нимъ.... сказалъ ему.... не припомню, что онъ ему сказалъ... А знаете ли, онъ что отвѣтилъ?

БАРОНЪ *(съ жаромъ)*.

Если такъ, знайте же, что я горжусь своимъ отвѣтомъ.... Можно быть не ребякомъ, да отвѣчать умно Королю.

РИШЕЛЬЕ.

Но что же потомъ?

БАРОНЕССА.

Онъ отвѣчалъ, глядя на старуху, на Ментенонъ.... Она стояла почти рядомъ съ Королемъ.... «Государь, я невыразимо горжусь тѣмъ, что имѣю счастье видѣть въ одно время и солнце... и луно.

МАТИНЬОНЪ и РИШЕЛЬЕ *(зады-
хаясь отъ
смѣха)*.

О, о, о!

БАРОНЕССА *(глядя на
нихъ тоже
смѣется)*.

Точь въ точь Король.... Онъ сдѣлалъ такую кислую гримасу... И та... старуха... закусила себѣ губы... обидѣлась... она ужъ выживетъ васъ изъ Двора... Вотъ если бы меня послушались... дали бы мнѣ волю говорить... я бы ужъ не ударила лицомъ въ грязь... показала бы себя.

БАРОНЪ.

Говорю вамъ, что оба были довольны, очень довольны мною!

РИШЕЛЬЕ.

Солнце и луна!

БАРОНЪ.

Но Герцогиня Ноайль... у ней страсть вѣчно мѣшаться въ чужія дѣла... подвернулась къ Г-жѣ Ментенонъ... шепнула ей что-то на ухо... а та передала Королю... Онъ нахмурилъ брови и съ гнѣвомъ сказалъ: ужъ этотъ мнѣ мальчишка Ришелье!...

РИШЕЛЬЕ.

Онъ сказалъ это?...

БАРОНЕССА.

Сказалъ, и потомъ всталъ... то есть его подняли съ кресель... Тутъ онъ обернулся къ моему мужу, и сказалъ ему.... Что онъ вамъ сказалъ?

БАРОНЪ.

Г. Белль-Шассъ, я совѣтовалъ бы вамъ показать свои помѣстья Баронессѣ; тамъ, на свободѣ, вы можете любоваться солнцемъ и луною.

БАРОНЕССА.

Вотъ прекрасно!... Какъ будто луна рѣдкость кака!

РИШЕЛЬЕ.

Но, скажите, наконецъ, Герцогиня Ноайль.... да вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Герцогиня Ноайль и двое слугъ.

Герцогиня.

Герцогъ, любезный зять мой... дорожная карета ваша готова... губернёръ васъ ожидаетъ....

Ришелье.

Что ему надобно?

Матиньонъ (въ полголоса).

Можетъ быть, онъ хочетъ дать вамъ урокъ въ правописаніи.

Ришелье (также).

Онъ самъ его не знаетъ.

Баронесса (также).

Да и кто же знаетъ?

Герцогиня.

Онъ поѣдетъ съ вами.

Ришелье.

Поѣдетъ со мною!

Герцогиня.

Сю же минуту, такъ угодно Королю.

Ришелье.

Но, послушайте, Герцогиня. . . . Это ужасно!... Вы не знаете....

Герцогиня.

Теперь шесть часовъ... васъ ждутъ?

Ришелье.

Меня ждутъ!... въ самомъ дѣлѣ.. Герцогиня... въ шесть часовъ... бѣгу къ ней.

Герцогиня.

Герцогъ... Это невозможно!

Ришелье.

Помилуйте, милая матушка, вы сами очень хорошо знаете, что заставлять дожидаться.... особенно, такую хорошенькую и такую знатную даму.... и которая, сверхъ того, любить меня... это значитъ дѣйствовать наперекоръ всѣмъ приличіямъ и этикету.

Герцогиня.

Герцогъ!... Я запрещаю вамъ идти къ ней.

Баронесса.

Экой повѣса!

Ришелье.

Прощайте, прощайте. (Хочетъ идти, но обернувшись, сходится лицомъ къ лицу съ Діаною и Сезариною, которыя входятъ.) Моя жена!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Діана, Сезарина.

Ришелье (тихо Герцогинь съ насмѣшкою).

Кажется, моя жена!

Діана (съ гордостію, но съ нѣкоторымъ волненіемъ).

Герцогъ... Герцогиня Бургундской угодно было призвать меня къ себѣ... Она сказала мнѣ: «Діана, я общала Ришелье (съ усиленіемъ) вашему мужу... достойный его подарокъ... прошу васъ отдать ему этотъ ящичекъ отъ моего имени.»

Ришелье (въ сторону).

Это ужъ совсѣмъ не то.

Діана (подавая ему красивый ящичекъ).

Вотъ ящичекъ.

Ришелье.

Ящичекъ?

Матиньонъ (подходя къ Ришелье).

Что тамъ такое?

Ришелье.

Посмотримъ!

Герцогиня.

Какая неосторожность!... Не открывайте.... Этотъ ящикъ долженъ быть предварительно осмотрѣнъ.

Ришелье.

Оставьте меня въ покоѣ!... (Отворяя ящичекъ.) Посмотримъ... Боже! (Онъ стоитъ неподвижный, держа въ рукахъ отворенный ящичекъ. До окончанія явленія тихо играетъ музыка).

Матиньонъ.

Конфекты!

Всѣ.

Конфекты!...

Герцогиня.

О, Герцогиня!... великая, достойная Герцогиня! Какое тонкое чувство приличій!... Конфекты!...

Баронъ (смыется).

Ха, ха, ха! (Ришелье смотритъ на него пристально и тотъ умолкаетъ.)

Баронесса.

Нечего сказать, чудная шутка!

Матиньонъ (подходитъ къ Ришелье, беретъ одну конфекту и ѣстъ ее.)

Чудесныя конфекты!

Баронесса (также).

Вкусны!

Герцогиня (также).

Очень вкусны!

Баронъ (также, Ришелье закрываетъ ящикъ и прищепляетъ его руку).

Ай, ай, ай! Прелесть, конфекты!

Герцогиня.

Неоцѣненный подарокъ!

Всѣ.

Ха, ха, ха!

(Ришелье бросаетъ бѣглый взглядъ на Діану, которая смотритъ на него съ презрѣніемъ. Всѣ, за исключеніемъ Діаны и Сезарины, отходятъ немного отъ авансцены.)

Ришелье.

И еще при ней! это ужасно!

Сезарина (тихо Ришелье).

Вотъ слѣдствія нескромности.

Ришелье (тихо).

Постараюсь воспользоваться урокомъ. (Плачетъ).

Герцогиня.

Прикажите позвать карету Герцога. (Одинъ изъ лакеевъ подаетъ ему шляпу)

и беретъ отъ него ящикъ съ конфектами.) Поспѣшите къ вашему гувернеру.

Матиньонъ (приближаясь).

Счастливой дороги, братецъ!

(Подаетъ руку Сезаринѣ, и они уходятъ).

Баронъ.

Избалованный ребенокъ!

Баронесса.

Лакомка!... И еще плачетъ! Фу! какъ не стыдно!

(Баронъ беретъ ее подъ руку, и они уходятъ).

Ришелье.

Да, плачу... отъ злости!

Герцогиня.

Проститесь съ вашею женою...

(Она подходитъ къ Діанѣ, беретъ ее за руку и нѣжно цѣлуетъ.)

Ришелье (въ сторону).

Нѣтъ, я не поѣду!

Герцогиня.

Я позволяю вамъ поцѣловать... меня. (Ришелье надѣваетъ шляпу, и быстро уходитъ. Приносятъ огонь, лакеи запираютъ двери).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Герцогиня, Діана.

Герцогиня.

Ты страдаешь, Діана.

Діана.

Да!... Сердце мое полно гнѣва и негодованія... Ахъ! кому вы пожертвовали мною, матушка!

Герцогиня.

Громкое имя!... Точно такъ былъ покойный Герцогъ, мой мужъ, когда уѣзжалъ... но послѣ... черезъ пять лѣтъ... я не могла нахвалиться имъ!

Діана.

Пять лѣтъ!.. А мнѣ теперь уже восемнадцать...

Герцогиня.

Терпѣніе, милая дочь моя.... Вспомни, Кн. VIII—3.

какія обязанности налагаетъ на тебя твое рожденіе.

Діана.

Мужъ, который сдѣлался посмѣшищемъ, игрушкою цѣлаго Двора... которому не даютъ ни полка, ни мѣста при Дворѣ, а дарятъ ящикъ съ конфетами! О, если бы онъ остался... я отмстила бы за себя.

Герцогиня.

Если бъ онъ остался... Ты и тогда не измѣнила бы своему долгу... Впрочемъ, пора успокоиться. Ступай въ свою комнату, помолись Богу и *(цѣлуя ее)* спи спокойно, дочь моя!

Діана *(вздыхая)*.

Покойной ночи, матушка!

Герцогиня *(отворяя потаенную дверь на лѣвой сторонѣ)*.

Я пройду еще къ Герцогинѣ. Прощай, дочь моя!

Діана.

Прощайте, матушка! *(Герцогиня уходитъ; Діана садится на правой сторонѣ)*. Онъ уѣхалъ... тѣмъ лучше!...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Ришелье, Діана.

Ришелье *(выглядывая изъ-за двери)*.

Она одна!

Діана.

Я забуду его... чего не забываютъ со временемъ? И онъ игралъ такую смѣшную роль... не могу вспомнить безъ ужаса.

Ришелье *(подходя потихоньку)*.

Смѣлье!... слезы мои, казалось, ее тронули... Ахъ! какъ у меня бьется сердце... смѣлье!... *(кашляетъ)*.

Діана *(встаетъ, испуганная)*.

Кто здѣсь?

Ришелье *(подбывая къ ней)*.

Не пугайтесь!... Это я.

Діана.

Великій Боже!... Герцогъ!

Ришелье.

Вашъ мужъ.

Діана.

Какимъ образомъ? Вы должны быть уже въ дорогѣ.

Ришелье.

Губернеръ мой отправился одинъ.

Діана.

Но что же вамъ угодно? Зачѣмъ вы здѣсь?

Ришелье.

Зачѣмъ я здѣсь? Вы меня спрашиваете зачѣмъ я здѣсь?... это слишкомъ жестоко!... Но если вы хотите непременно, я скажу вамъ, что пришелъ просить васъ выслушать меня.... Да! я знаю, вы не отвергнете моей просьбы.... стоитъ только намъ согласиться.... и мы отмстимъ за себя.... отмстимъ этому пустому хвосту Мативьону, глупцу Барону.... Герцогинѣ, которая оскорбила меня... и вашей матушкѣ.... которую я ненавижу!...

Діана.

Герцогъ!

Ришелье.

Нѣтъ, что я говорю, я далекъ отъ того, чтобы ненавидѣть ее.... я готовъ любить ее, лишь только бы вы любили меня... хоть немножко.... Вспомните, что я вашъ мужъ!...

Діана.

Дитя.

Ришелье.

Что я люблю васъ!

Діана.

Вы? Ха, ха, ха! любите, какъ дитя.

Ришелье.

Какъ мужъ!

Діана.

Какъ дитя!

Ришелье *(топая ногою)*.

Какъ мужъ, говорю я вамъ.

Диана.

Вы забываетесь, Герцогъ; уйдите отсюда....

Ришелье.

Сию минуту, но только вмѣстѣ съ вами!... Поѣдьте, заклинаю васъ, поѣдьте.... Черезъ минуту вы будете въ домъ вашего мужа....

Диана.

Оставьте меня... я позову матушку!

Ришелье.

О нѣтъ! умоляю васъ... не зовите ее.

Диана (презрительно).

Въ самомъ дѣлѣ, что боятся мнѣ... ребенка.

Ришелье.

Опять ребенокъ!... Нѣтъ! увѣрю васъ.... приложите руку къ моему сердцу, и вы услышите, что оно бьется, какъ у взрослога человѣка... Нѣтъ! Любовь моя къ вамъ, страсть моя, не ребяческое чувство... И въ разлукѣ съ вами меня утѣшить можетъ только одно....

Диана.

Конфеты...

Ришелье.

О, это уже слишкомъ!... Я вашъ мужъ, повелитель нашъ! Я имѣю право, священныя права!... Я могу заставить васъ любить мужа на законномъ основаніи.... Что жъ? Такая любовь не рѣдкость въ наше время! Да, смѣйтесь, смѣйтесь! Я докажу вамъ, что я уже не ребенокъ.... И не смотря на вашу матушку, я хочу, я требую, я вамъ приказываю....

Диана (принявъ вдругъ строгій видъ).

Герцогъ! вы горячитесь не по лѣтамъ!

Ришелье.

Нѣтъ, я ничего не требую, я не приказываю, я васъ прошу, умоляю....

Но 2.

За что вы гоните меня

Своей наемщишкой и презрѣльней?

Любовь и молодость моя

Вамъ дали поводъ къ оскорбленіямъ!

Жестоки вы, и почему жъ

Я васъ робью, какъ виновникъ;

Я могъ бы приказать, какъ мужъ,
И умоляю, какъ любовникъ.

Я такъ сердечно васъ люблю —
Я къ вамъ, а вы со мной ни слова;
Въ шестнадцать лѣтъ ужъ я терплю,
Не меньше старика пнова.
Жестоки вы, и я къ тому жъ
При васъ робью, точно школьникъ;
Я могъ бы приказать, какъ мужъ,
И умоляю, какъ невольникъ!

(Становится на колѣни).

Диана (сперва тронутая, принимаетъ равнодушный видъ, и смотритъ на него съ улыбкою).

Встаньте дитя... что бы сказалъ вашъ гувернеръ, если бы онъ засталъ васъ въ такомъ положеніи? (Она уходитъ, оставляя Ришелье на колѣняхъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Ришелье (одинъ. Онъ встаетъ, отираетъ колѣни платкомъ, и бросаетъ свою шляпу).

Ступай... съ Богомъ! (Ходитъ большими шагами и въ сильномъ волненіи). О! я въ изступленіи! Теперь я понимаю сладость мщенія!... Жена моя... притворщица... какъ и всѣ прочія женщины!... Женщины!... Да, да, на свѣтѣ много женщинъ, кромѣ жены моей... и съ этой минуты... кончено... Клянусь... объявляю войну имъ всѣмъ, всѣмъ безъ исключенія... берегитесь у меня, женщины!... Съ хорошенькимъ личикомъ васъ не мудрено заставить пострадать!... Да, держите наготовѣ ваши предательскія слезы, ваши живыя увѣренія, и обмороки, и вертижи, всѣ необходимыя принадлежности глубокой страсти.... Я бросаю вамъ перчатку, и для начала... (Остановливается). Чортъ возьми, для начала.... съ чего начать? А, да что жъ я въ самомъ дѣлѣ... Матиньонъ вѣдь говоритъ... надобно на-

писать... написать одно письмо, два, три письма, двадцать писемъ... и всѣ пламенные, страстные... (Думая). Написать письмо... но къ кому?... Э, да что мнѣ за дѣло къ кому... Къ первой женщинѣ, которая попадетъ на глаза...

Матильонъ (въ галерею).

Прощайте, Сезарина.

Ришелье (слушает).

Сезарина... Сезарина де Носе... та самая, которая еще недавно... здѣсь... Не дурна собою!... Вѣрно у нея есть уже любовникъ. Ну, что жъ, будетъ два... Это еще не много! (Садится за письменный столъ). Но что писать?... (Вдругъ вспомнилъ). Ахъ, я и забылъ! (Вынимая записку Матильона). «Несравненная и твой на вѣки!...» Спасибо, Матильону! (Пишетъ). Подписано Ришелье! (Кладетъ письмо въ конвертъ). Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! (надписывая). Дѣвицѣ Носе... И съ Богомъ!...

Баронъ (съ Баронессою, проходятъ по галерею).

Поѣдемте, Баронесса, пора домой!

Ришелье (весело).

Баронесса... вдова Грибушъ!... А почему же нѣтъ! Она тоже не дурна собою, и притомъ она за мужемъ... (Улыбаясь). За мужемъ... это должно быть еще лучше... О, мужья! мужья! Мнѣ не позволяютъ вступить въ вашу блаженную семью... такъ я объявлю и вамъ войну... войну на смерть!.. Пишу къ Баронессѣ... Вотъ ужъ двѣ есть? (Садится). О! къ этой я напишу чудесное посланіе... Тутъ можно писать смѣло!... Она не больше меня смыслить въ правописаніи... Постараюсь быть наглымъ, дерзкимъ... Съ женщинами надо уметь обходиться. (Пишетъ). «Ангель мой!» (Продолжая писать). Я покажу моей любезной матушкѣ и женѣ, какой я ребенокъ! женѣ, въ особенности... Пусть бѣсится, ревнуетъ... (Вставая). Я теперь ужъ началъ, и

ничто меня не остановитъ... Всѣ женщины мои! (Живо). Исключая только моей матушки... Всѣ вдругъ если угодно! Въ этомъ сердцѣ есть мѣсто для всѣхъ... Я разсердился не на шутку... готовъ любить кого ни попало!

Но 3.

Я ужасно избѣшевъ,

Чѣмъ отметить?

А! нашелъ! Всѣхъ любить

Чужихъ женъ.

Бегите же, мужья!

Докажу каковъ я!

(Голосъ Герцогини).

Спокойной ночи!

Ришелье.

Боже!... Матушка!... Я попался... Куда спрятаться?... куда?... А! (Гаситъ свѣчи и прячется за столомъ на право. Темно).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Ришелье, Герцогиня.

Герцогиня (выходя въ потаенную дверь со свѣчею въ рукахъ).

Надѣюсь, никто не скажетъ, что я дурно исполняю свою обязанность.

Ришелье (въ сторону).

Потаенная дверь!...

Герцогиня.

Мнѣ что-то послышалось...

(Идетъ быстро въ глубину сцены и прислушивается. Ришелье выходитъ изъ засады и прячется за маленькою дверью, которая оставалась открытою).

Ришелье (въ сторону за дверью).

Ага! не хотѣла исключить V-ю статью. Постой же.

Герцогиня (запирая маленькую дверь).

Все спитъ глубокимъ сномъ, и все въ порядкѣ.

(Занавѣса опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Роскошный будуаръ въ домѣ Ришелье. Въ глубинѣ большая дверь; маленькія двери съ правой и съ лѣвой стороны, на первомъ планѣ. На лѣвой сторонѣ туалетъ, на право софа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дюбуа, Мерлакъ, Мишленъ, Каретникъ; потомъ Маркизь Матиньонъ.

Дюбуа.

Герцогъ изволилъ уже встать.

Мерлакъ.

Надо все приготовить!

Каретникъ.

А я принесъ счетецъ ихъ милости.

Мишленъ.

А я пришелъ узнать.... не прикажутъ ли они чего?

Дюбуа.

Хорошо, хорошо!

Мерлакъ (*отводя его въ сторону*).

Правда ли, Г-нъ Дюбуа, говорятъ будто Король запретилъ молодому Герцогу выѣзжать.

Дюбуа.

А тебѣ каковъ до этого дѣло?

Мишленъ (*приближаясь*).

Смѣю васъ спросить.... Г-нъ Дюбуа.... понравилась отдѣлка спальни Герцогини?

Дюбуа.

Она не видала ее.

(*Подходитъ къ каретнику*).

Мишленъ (*Мерлаку*).

Не видала.... а ужъ восемь дней за мужем!

Мерлакъ.

За ребенкомъ.

Мишленъ.

Неужели до сихъ поръ еще.... ничего?

Мерлакъ.

То-то и есть, что ничего.

Мишленъ.

Чтожъ онъ дѣлаетъ одинъ въ этихъ великолѣпныхъ покояхъ?

Мерлакъ (*смѣясь*).

По приказанію Короля учится правописанію.

Дюбуа (*подходя къ нимъ*).

Тише, тише, господа!

Матиньонъ (*подходя*).

Маркизь Матиньонъ.... Меня вѣрно при-
метъ.

Дюбуа.

Маркизь!

Матиньонъ.

Спать еще, а?... Чортъ возьми, всѣ эти мужья такой сонный народъ! (*въ сторону*.) Особливо такіе мужья, какъ онъ. (*Садится на софу*.) Хорошо, я положу. (*Прочіе разговариваютъ между собою въ глубинѣ сцены. Матиньонъ продолжаетъ самъ съ собою*.) А, любезный Герцогъ!.... вы ужъ производите соблазнъ.... очень хорошо! Это намъ пріятно... Діана оскорблена до глубины души.

Ришелье (*за кулисами*).

Дюбуа!

Дюбуа.

Что прикажете!

Матиньонъ.

Онъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ, Ришелье (*выходитъ изъ средней двери, въ халатъ*).

Ришелье.

Дюбуа, Дюбуа! (*Останавливается посреди сцены, и потягиваетъ руки, зпявая*.)

Матиньонъ, *(въ сторону,
сидя на софѣ.)*

Не выросъ нисколько!

Ришелье.

Дюбуа, что это за люди?

Дюбуа.

Парикмахеръ вашъ, Герцогъ!

Ришелье.

А, хорошо!... пусть подождетъ.... А
другой.... тамъ....

Дюбуа.

Каретникъ, который желаетъ знать....

Каретникъ.

Когда вамъ угодно будетъ уплатить
по моему счету?

Ришелье.

Слишкомъ много хочешь знать!... *(Миш-
леню.)* Ты что за человекъ? Что тебѣ на-
добно?

Дюбуа.

Онъ будетъ развѣшивать зеркала въ
новомъ будуарѣ.

Ришелье.

Такъ это обойщикъ?

Мишленъ *(подходя.)*

Мишленъ.... прикащикъ его и зять.

Ришелье.

А! ты тоже женился?

Мишленъ.

Точно такъ-съ!

Ришелье.

И жена твоя... не дурна собою, а?
(смотритъ на Дюбуа.)

Дюбуа.

Красавица!

Ришелье.

А, Г-жа Мишленъ красавица!... На
дняхъ, я самъ заѣду къ тебѣ.... Дюбуа!
запиши адресъ его.

Матиньонъ *(въ сторону.)*

Каковъ? и вѣдь просто хвалится!

Ришелье.

Боже!... Матиньонъ!... Здравствуйте...
извините, я васъ не замѣтилъ.

Матиньонъ.

Я все любовался вами!

Ришелье *(въ сторону.)*

Я очень хорошо это видѣлъ. *(Отпу-
ская людей, выгоняетъ ихъ платкомъ.)*
Ступайте, ступайте, господа! *(Мерлаку.)*
Ты подожди... Мерлакъ.

Матиньонъ.

Поздравляю... Герцогъ!... Большіе успѣ-
хи!

Ришелье.

Въ самомъ дѣлѣ? *(Жметъ ему руку.)*
Это меня радуетъ.

Матиньонъ.

За то я и говорилъ Герцогинѣ Ноайль...
Напрасные хлопоты...! Не смотря ни на
какія запрещенія, Герцогъ ускользнетъ
изъ своего дома....

Ришелье.

Можетъ быть!

Матиньонъ.

Обманетъ гувернера.

Ришелье.

Я ужъ напоилъ его три раза.

Матиньонъ.

Явится къ своей тещѣ.

Ришелье.

Никогда!

Матиньонъ.

Проберется къ женѣ... *(Вздыхаетъ.)*

Ришелье.

Ни за что въ свѣтъ!

Матиньонъ.

Станетъ просить у нея прошенія...

Ришелье.

Этому не бывать!

Матиньонъ.

И, разумѣется, выпроситъ....

Ришелье.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!...

У-ая статья сидитъ у меня на шеѣ... я
ни за что не поѣду къ женѣ... она сама
должна.... пріѣхать сюда ко мнѣ.

Матиньонъ *(смѣясь, въ
сторону.)*

Ха, ха, ха!... Не дурно!

Ришелье.

Да! просить у меня прошенія.

Матиньонъ.

Ха, ха, ха... Прекрасно!

Ришелье.

И я еще не поддамся на ея просьбы!

Матиньонъ.

Хотите пари?

Ришелье.

Держу! тысячу лудировъ!

Матиньонъ.

Тысячу лудировъ.... идти! (въ сторону.) Во всякомъ случаѣ я буду въ выигрышъ.

Ришелье.

О, я не поддамся.... буду неумолимъ!... я докажу дѣвицѣ Ноайль... потому что она все еще дѣвица Ноайль, — я докажу ей, что мы и безъ нее можемъ обойтись.

Матиньонъ.

Браво! (въ сторону.) И она безъ тебя обойдется тоже!

Ришелье.

И если нужно.... мой любовный приключенія...

Матиньонъ.

Она не повѣритъ имъ.

Ришелье.

Легко можно сдѣлать гласными... такъ, что она по неволѣ повѣритъ!

Матиньонъ.

Она будетъ смѣяться, и больше ничего!.. точно также какъ тогда... у Г-жи Муши.. рассказывали приключеніе, случившееся съ Герцогинею Бургундскою.... Да, постойте! именно въ день вашей свадьбы....

Ришелье.

Чтожь это за приключеніе?... Расскажите пожалуйста.

Матиньонъ.

Полноте!... вы знаете....

Ришелье.

Я?... Ровно ничего не знаю...! Ну, такъ вы говорите, Герцогиня Бургундская....

Матиньонъ.

Герцогиня Бургундская, войдя въ свой

будуаръ... вдругъ вскрикнула... отъ испуга...

Ришелье.

Что же такое испугало ее?

Матиньонъ.

Мужчина....

Ришелье (улыбался самодовольно.)

А!... понимаю!... Что же дальше?

Матиньонъ.

Онъ забился въ уголокъ... и старался скрыться за занавѣсами.

Ришелье.

Вотъ какъ!

Матиньонъ.

«Сюда, сюда! мужчина у меня въ комнатѣ...» на этотъ крикъ скоро явилась Герцогиня Ноайль, а за нею и самъ Герцогъ Бургундскій...

Ришелье.

И виновный (гордо) мужчина?

Матиньонъ.

Его не нашли...! Онъ скрылся.... Говорятъ, что онъ спрятался въ каминъ.

Ришелье.

Какая неосторожность!

Матиньонъ.

Нельзя этого сказать... потому что, часъ спустя, изъ дворца вынесли огромный чемоданъ, въ сопровожденіи двухъ лакеевъ.

Ришелье.

Это удивительно!

Матиньонъ.

Какъ, неужели вы до сихъ поръ еще не знали?

Ришелье.

Рѣшительно — не зналъ!... Въ первый разъ слышу.

Матиньонъ.

Вы меня удивляете.

Ришелье.

Чѣмъ же?

Матиньонъ.

Тѣмъ, что мужчина, спрятанный въ будуаръ и потомъ въ чемоданъ, былъ....

Ришелье.

Кто жъ?

Матиньонъ (спокойно.)

Вы сами!

Ришелье.

Маркизь, Маркизь!

Матиньонъ.

Боже мой! Объ этомъ знаетъ цѣлый Дворъ... Исключая только Герцога Бургундскаго... потому что такія вещи мужья узнаютъ послѣдніе—это ужь такъ водится.

Ришелье!

Вы шутите! Я и не думалъ.

Матиньонъ (продолжал).

Впрочемъ, Диана... Она говорила: Ни за что не повѣрю, чтобы ребенокъ могъ имѣть столько присутствія духа...

Ришелье.

Ребенокъ!.. опять!

Матиньонъ.

Развѣ только онъ надѣялся унести конфетъ.

Ришелье (внѣ себя отъ негодованія).

Она сказала это! Такъ знайте же: герой этого приключенія действительно я! Скажите ей отъ меня! Нѣтъ! не говорите... я буду имѣть удовольствіе передать ей это лично.

Матиньонъ.

А! вы у нее будете?

Ришелье.

Не буду! Мы держали пари.

Матиньонъ.

И я выиграю. Прощайте, Герцогъ.

Ришелье.

Прощайте, Маркизь.. тысяча лундоровъ за вами. (Провожая его до двери). Они мнѣ нужны... вмѣстѣ съ тѣми, которые я выигралъ у Барона... на одну важную покупку...

Матиньонъ.

А вы у него... То-то онъ говорилъ, уходя отъ васъ: дѣтское счастье!

Ришелье.

Дѣтское счастье... За это заплатится со мною Г-жа Грибушь!

Матиньонъ.

Н. 4.

Но согласитесь, Герцогъ, сами,

Я говорю вамъ не шутя:

Вы вашимъ гнѣвомъ и слезами

Похожи были на дитя.

Утѣштесь впрочемъ: нынче въ свѣтъ

Примеры эти не рѣдки.

Старикъ охотой лезетъ въ дѣти,

А дѣти лезутъ въ старики.

(Уходитъ смѣясь).

Ришелье (также смѣясь
наильно).

Ха, ха, ха!

ЯВЛЕНІЕ III.

Ришелье, Дюбуа, Мерлакъ.

Ришелье (переставая
смѣяться).

И онъ такъ равнодушно уходитъ... осмѣявшись смѣется надо мною въ глаза.. Къ несчастію онъ не женатъ... мщеніе невозможно! (Дюбуа входитъ въ сопровожденіи Мерлака). Что тебѣ нужно?

Дюбуа.

Парикмахеръ ожидаетъ.

Ришелье.

Пусть войдетъ... (Про себя). Они всѣ смѣются надо мною.. Ну да и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. (Кашель Мерлака прерываетъ его.) Ступай сюда... завей меня! (Садится на стулъ, который Дюбуа ставитъ на срединѣ сцены).

Дюбуа.

Письма, Герцогъ.

Ришелье (читал).

Кстати Дюбуа... Какъ твое знакомство съ женою камердинера моей тещи?

Дюбуа.

Герцогъ!

Ришелье.

Ты говорилъ самъ!.. Впрочемъ, я хвалю

тебя за это... она замужемъ.. а замуженія считаются вдвое.

Мерлакъ.

О!

Ришелье.

Ты тоже женатъ?.. (Читаетъ.) «Ожидаю васъ... Баронесса...» о, Г-жа Грибушь! (къ Дюбуа, между тѣмъ, какъ Мерлакъ убираетъ его.) Ну, скажи же мнѣ, пожалуйста, что дѣлается... (съ усиліемъ) у моей жены? (Въ сторону.) На силу выговорилъ! (вслухъ) Что жъ?

Дюбуа, (которому Мерлакъ дѣлаетъ знаки).

Герцогъ....

Ришелье (опрокидываясь на стуль, замѣчаетъ движенія Мерлака).

Что у васъ тамъ за телеграфъ? (Дюбуа.) Обувай меня (Дюбуа становится на колѣни, снимаетъ туфли и надѣваетъ башмаки.) Ну, что жъ?

Дюбуа.

Герцогиня, говорятъ...

Ришелье.

Что такое?

Дюбуа.

Печальна!... Очень огорчена!

Ришелье.

Она груститъ по мнѣ... я увѣренъ... ну, еще что?

Мерлакъ.

Слышно, что Герцогиня влюблена...

Ришелье.

Въ меня—разумѣется... тѣмъ хуже для нея! (съ улыбкою самодовольствія смотритъ въ зеркало, поданное ему Мерлакомъ.) Въ эти лѣта не умѣла прочесть въ глазахъ монхъ... (Мерлаку) Брѣй меня!

Мерлакъ.

Чего изволите?

Ришелье.

Брѣй меня!

Мерлакъ (съ замѣшательствомъ).

Если прикажете... только... что же...

Ришелье.

Что такое? у тебя нѣтъ съ собою бритвы, что ли!

Мерлакъ.

Не то... бороды-то у васъ нѣтъ...

Ришелье.

Какъ нѣтъ? (глядя себя по подбородку). Въ самомъ дѣлѣ... онъ правъ.. А какъ ты думаешь?... скоро будетъ?

Мерлакъ.

Да лѣтъ черезъ пять...

Ришелье (съ интвомъ бьетъ его ногою).

Точь въ точь пятая статья!... (Мерлакъ быстро удаляется въ глубину сцены. Дюбуа беретъ туфли, приноситъ кафтанъ, и снимаетъ съ Герцога халатъ. Ришелье продолжаетъ, надѣвая платъе.) Что новаго въ городѣ?

Мерлакъ.

Ничего, Герцогъ.

Ришелье.

Ничего новаго..! А еще парикмахеръ..! Дурно исполняешь ты свою должность. (Съ надутымъ видомъ). Обо мнѣ что говорятъ?

Мерлакъ.

Ничего не говорятъ, Герцогъ.

Ришелье (вспыльчиво).

Какъ ничего?... Я заставлю васъ говорить обо мнѣ.... (Подзываетъ Мерлака.) Ты долженъ разболтать все, что здѣсь видѣлъ.

Мерлакъ.

Я еще ничего не вижу...

Ришелье.

Ну, чего не видишь... догадывайся.... выдумывай... и для начала...

Дюбуа (ушедшій съ халатомъ, быстро возвращается).

Герцогъ!... молодая дѣвушка желаетъ видѣться съ вами.. Прикажете?..

Ришелье *(живо)*.

Для молодыхъ... я всегда дома... для старухъ и для заимодавцевъ — никогда!... *(Мерлаку.)* И для начала ступай къ Герцогинѣ Нозилль... отбрынь тамъ хорошенько всѣхъ у кого есть борода, а за остальныхъ я самъ берусь... да расскажи мимоходомъ, что при тебѣ прѣехала ко мнѣ женщина рѣдкой красоты!... Герцогиня... Маркиза...

Мерлакъ.

Позвольте...

Ришелье *(толкая его)*.

Ступай! *(Видя молодую двушку, которая входитъ.)* Кто бы это могъ быть? Это даже пугаетъ меня съ непривычки... Никого не принимать... Дюбуа, слышишь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ришелье, Сезарина де Носсе *(въ черной мантиліи, лице закрыто капшономъ)*.

Ришелье.

Ужъ не жена ли моя! *(Сезарина приподнимаетъ капшонъ.)* Сезарина де Носсе! *(въ сторону)* право, не дурно! А?

Сезарина.

Герцогъ!... *(въ волненіи)* Боже мой! я едва стою, мнѣ страшно... мнѣ дурно!

Ришелье.

Ну, если она упадетъ ко мнѣ на руки... Ничего, сдержу.

Сезарина *(приходя въ себя)*.

Я надѣюсь на вашу честь, Герцогъ, на вашу скромность...

Ришелье.

О, не сомнѣвайтесь, Сезарина... я клянусь... *(въ сторону)* Жена непременно узнаетъ, я постараюсь.

Сезарина.

Я пришла... *(потупивъ глаза)* Вы ужъ забыли ваши клятвы... это письмо...

Ришелье.

Письмо! мое письмо! *(въ сторону)* Со-сѣмъ было забытъ!

Сезарина.

Я не сердилась за это сначала, почла за дѣтскую шалость...

Ришелье.

Шалость!

Сезарина.

Но всмотрѣвшись въ почеркъ...

Ришелье *(въ сторону)*.

Смѣлье!...

Сезарина.

Я...

Ришелье.

Сезарина! я не скрываюсь... долго болелъ я съ несчастною страстью; но наконецъ тайна вырвалась у меня изъ сердца.

Сезарина.

Герцогъ!

Ришелье.

Я у ногъ вашихъ, цѣлую ваши миленькія ручки... *(въ сторону)* Сжалится.

Сезарина.

Но это письмо...

Ришелье.

Да, я осмѣлился писать къ вамъ; чтожъ мнѣ было дѣлать? Я люблю васъ такъ пламенно, безумно...

Сезарина.

Перестаньте. Это письмо писали не вы!

Ришелье.

Не я! *(вставая)* Разумѣется не я!

Сезарина.

И вы признаетесь.

Ришелье.

Подумайте... я женатъ, готовлюсь въ отцы семейства, и потому неловко самому. Я попросилъ одного изъ моихъ друзей, не сказывая къ кому писать...

Сезарина.

Вы ждете!

Ришелье.

Можетъ быть!

Сезарина.

Да, ждете: это письмо Маркиза Матиньона.

Ришелье.

Маркиза Матиньона?

СЕЗАРИНА.

Да это его рука.

РИШЕЛЬЕ.

Ну, чтожь? его я и просилъ.

СЕЗАРИНА.

Неправда.

РИШЕЛЬЕ.

Это письмо такъ сильно выражало любовь, такъ сходно съ моими мыслями, что....

СЕЗАРИНА.

Нѣтъ, Герцогъ, тутъ мысли и любовь Маркиза и письмо писано....

РИШЕЛЬЕ.

Къ вамъ!

СЕЗАРИНА.

Посмотрите, прочтите: вотъ другое письмо, слово въ слово, и Маркизъ писалъ его... къ вашей женѣ.

РИШЕЛЬЕ.

Къ женѣ, къ моей женѣ!...

СЕЗАРИНА.

Къ ней. Онъ влюбленъ въ нее страстно и давно уже.

РИШЕЛЬЕ.

Давно уже!

СЕЗАРИНА.

Не знаю, какъ попало оно опять въ руки Маркиза; но онъ забылъ, потерялъ его у меня.

РИШЕЛЬЕ.

У васъ! (*въ сторону*) Понимаю.СЕЗАРИНА (*потупя глаза*).

Не подумайте.... онъ только....

РИШЕЛЬЕ.

И представьте онъ училъ меня браниться съ Герцогиней, давалъ мнѣ совѣты.... Предатель!

СЕЗАРИНА.

Я и пришла объясниться съ вами.

РИШЕЛЬЕ.

Ахъ, что мнѣ пришло на мысль! ха, ха, ха! Я еще не успѣлъ быть и мужемъ порядочно; что если я ужъ... того... ха, ха, ха! (*перемѣняя тонъ*) Этому не быть!...

СЕЗАРИНА.

И васъ это ничуть не трогаетъ, вы не оскорблены?

РИШЕЛЬЕ.

Покуда я стану оскорбляться, уйдетъ время для мщенія. Да, мстить! мстить! Вы согласны?...

СЕЗАРИНА.

Но....

РИШЕЛЬЕ.

Вы колеблетесь.... отвергаете меня, мою любовь, подумайте: первую любовь!

СЕЗАРИНА.

Ахъ, я бы желала, чтобъ измѣнникъ узналъ....

РИШЕЛЬЕ.

Положитесь на меня: узнаетъ непременно.

БАРОНЕССА (*за дверью*).

Вздоръ! войду! мнѣ нужно!

СЕЗАРИНА.

Послушайте, кто-то идетъ!

РИШЕЛЬЕ.

Никто не войдетъ... Кто тамъ?

СЕЗАРИНА.

Женскій голосъ.

РИШЕЛЬЕ.

Не можетъ быть! (*въ сторону*) въ самомъ дѣлѣ женскій Прекрасно!

СЕЗАРИНА.

И послѣ всѣхъ клятвъ, вы не стыдитесь....

РИШЕЛЬЕ.

Это жена моя!

СЕЗАРИНА.

Я погибла!

РИШЕЛЬЕ (*показывая на право*).

Войдите скорѣе сюда, и не выходите, покуда я не дамъ знать. Я три раза ударю рукою по столу. (*Сезарина уходитъ*).

РИШЕЛЬЕ.

Шумить, кажется, дерется. Узнаю вдову Грибушъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

РИШЕЛЬЕ и БАРОНЕССА.

БАРОНЕССА.

Не по лѣтамъ, повѣсничаетъ, стыдно!

РИШЕЛЬЕ.

Милое начало!

БАРОНЕССА.

Да какъ вы осмѣлились; за это вотъ я какъ *(бьетъ его запиской по головѣ)*.

РИШЕЛЬЕ *(отодвигаясь)*.

Что вы, что вы?

БАРОНЕССА.

Не повѣсничай! Ну, вы меня обидѣли, я отплатила, и честь удовлетворена. Теперь, здравствуйте, какъ ваше здоровье?

РИШЕЛЬЕ.

Слава Богу, покорно благодарю. Стало быть, вы на меня ужъ не сердитесь.

БАРОНЕССА.

Какъ не сержусь... да я вамъ глаза выцарапаю, жаль только, больно хороши. Да какъ вы смѣли? Я за себя не обижаюсь... что обижаться дѣтскою шалостію!

РИШЕЛЬЕ *(въ сторону)*.

Каково слушать.... каждый разъ!

БАРОНЕССА.

Но за Барона, за моего мужа обидно и страшно. Ну, если бы письмо попало ему?

РИШЕЛЬЕ.

А письмо? *(въ сторону)* Другое-то! Скажите на милость, я объ этомъ забылъ.

БАРОНЕССА *(читаетъ)*.

«Ангель мой! Я тебя люблю. Полюби меня: это тебя развяжетъ и поможетъ бросить мѣщанскія привычки.

РИШЕЛЬЕ.»

РИШЕЛЬЕ.

Въ самомъ дѣлѣ?

БАРОНЕССА.

Ни какого стыда нѣтъ въ тебѣ! *(РИШЕЛЬЕ смѣется, потомъ и она начинаетъ смѣяться)*.

РИШЕЛЬЕ.

Ха, ха, ха! Славное объясненіе въ любви!

БАРОНЕССА.

Настоящій бѣсенокъ! ха, ха, ха!

РИШЕЛЬЕ *(сердито)*.

Вдова Грибушь!.. Послушайте!..

БАРОНЕССА *(тоже)*.

Далась вамъ вдова Грибушь! Я, сударь, Баронша, и во дворцѣ была. Говори кто что хочетъ, а я таки Баронша. Слышите, крошка моя! У меня мужъ Баронъ и какой гордецъ; а ужъ силенки вовсе нѣтъ.

РИШЕЛЬЕ *(ласково)*.

Вы его любите?

БАРОНЕССА.

Теперь не могу.— А ужъ какъ деньги любить, такъ и старается, какъ бы что взять — и только. А я развѣ не вижу всего этого, дура что ли я какая? Вотъ покойникъ былъ человекъ — нечего сказать, и какъ угождалъ мнѣ. За то спросите всѣхъ, никто обо мнѣ худаго слова не скажетъ; а этотъ....

РИШЕЛЬЕ.

И вы сердитесь на меня за письмо?

БАРОНЕССА.

Ахъ, чудовище! какъ же не сердиться; но послушай, я думаю ты писалъ не съ худымъ намѣреніемъ...

РИШЕЛЬЕ.

Разумѣется....

БАРОНЕССА.

За то ты видишь, у меня у самой сердце незлое. Вѣдь я пришла спасти тебя.

РИШЕЛЬЕ.

Какъ спасти? отъ чего?

БАРОНЕССА.

Отъ тюрьмы.

РИШЕЛЬЕ *(въ испугъ бьетъ по столу. Сезарина отворяетъ дверь, онъ подбѣгаетъ къ двери и, затворяя, говоритъ въ полголоса)*.

Нельзя, нельзя еще!

БАРОНЕССА.

Боятся нечего. Я и хотѣла тебя предупредить: вотъ за чѣмъ и пришла сюда.

РИШЕЛЬЕ.

Да кто вамъ сказалъ?

БАРОНЕССА.

Какъ кто? мужъ сказалъ. Есть и приказаніе отправить тебя въ Бастилію.

СЕЗАРИНА *(вскрикивая)*.

Боже мой! *(дверь затворится)*.

БАРОНЕССА.

Кто тамъ?

РИШЕЛЬЕ.

Тамъ? никого....

БАРОНЕССА.

Какъ никого. Кто-то говорилъ *(идетъ къ двери)*.

РИШЕЛЬЕ *(удерживая)*.

Послушайте... тамъ жена моя!

БАРОНЕССА.

Ваша жена?

РИШЕЛЬЕ.

Да, она пришла тайкомъ... *(въ сторону)* По крайней мѣрѣ, я отдѣлываюсь женой.

БАРОНЕССА.

Что же она вамъ не сказала... вѣдь повелѣніе-то выпросила Герцогиня Ноайль...

РИШЕЛЬЕ.

Вотъ истинно мать, а не теща!

БАРОНЕССА.

Съ тѣмъ, чтобы при первомъ безпорядкѣ, непослушаніи — васъ и засадить.

РИШЕЛЬЕ.

Вотъ хорошо! Стало быть, я одной ногой ужъ въ Бастиліи.

БАРОНЕССА *(къ двери громко)*.

Ну, я и приходила только спасти васъ.

ДЮБУА *(поспѣшно)*.

Герцогиня Ноайль и Герцогиня Ришелье!

БАРОНЕССА.

Кто?

РИШЕЛЬЕ.

Жена моя.

БАРОНЕССА.

Какъ жена ваша? а тамъ кто же?

РИШЕЛЬЕ *(отворяя дверь на лѣво)*.

Спасайтесь, уходите; тамъ другая.

БАРОНЕССА.

А! я говорила, что ты чудовище?

РИШЕЛЬЕ.

Пожалуй, чудовище; только уйдите сюда.

БАРОНЕССА.

Другой двери нѣтъ! а какъ выйти-то?

РИШЕЛЬЕ.

Я ударю по столу.

БАРОНЕССА.

Ахъ, негодяй какой!

РИШЕЛЬЕ.

Прощайте.

(Дюбуа вводитъ Диану и Герцогиню Ноайль).

ЯВЛЕНІЕ VI.

РИШЕЛЬЕ, Герцогиня и Диана.

РИШЕЛЬЕ.

Да это превесело!

Герцогиня *(оглядываясь угрюмо)*.

Никого нѣтъ.

Диана.

Боже мой!

РИШЕЛЬЕ *(идя на встрѣчу)*.

Я очень радъ, что имѣю честь... Дюбуа, стульевъ!

Герцогиня *(сухо)*.

Не нужно.

РИШЕЛЬЕ *(въ сторону)*.

Ого! *(Громко)* Но дѣвица Ноайль!

Герцогиня.

То есть Герцогиня Ришелье, вы хотите сказать.

РИШЕЛЬЕ.

Какая же Герцогиня? вспомните пятую статью! Дѣвицъ де Ноайль, неуждо ли?..

Диана.

Герцогъ!

Герцогиня.

Ничего неуждоно *(тихо Дианѣ)*. Ты дрожишь, успокойся и ни одного слова.

РИШЕЛЬЕ *(смотря на Диану, въ сторону)*.

Жена моя здѣсь! и какъ она хороша,

Боже мой (*пересиливая волнение*). Вотъ еще! совсѣмъ не хороша, просто дурна.

Герцогиня.

Герцогъ!

Ришелье.

Что прикажете?

Герцогиня (*очень сухо*).

Безъ предисловій... я ихъ не люблю...

Ришелье (*также*).

Я тоже (*въ сторону*). Подожди, увидимъ!

Герцогиня.

Я должна сказать вамъ, что Королю известны всѣ поступки ваши...

Ришелье (*въ сторону*).

Объими ногами въ Бастилію!

Герцогиня.

И чтобы прекратить ваше безнравственное поведеніе, получено приказаніе отъ править васъ въ Бастилію.

Ришелье.

Ну, что же? Я готовъ исполнять волю Короля! (*идетъ къ дверямъ*).

Диана.

Въ Бастилію!

Ришелье (*остановясь*).

Диана!... дѣвица Нойаль, мнѣ послышалось....

Герцогиня.

Герцогиня Ришелье не сказала ни слова, нечему послушаться.

Ришелье.

Какая Герцогиня? дѣвица Нойаль!

Герцогиня.

Однако же, по снисходительности и семейственному участию, мы рѣшились предложить вамъ средство спастись.

Ришелье.

А въ чемъ состоитъ это семейственное участие?

Герцогиня.

Здѣсь, у вашихъ воротъ, стоитъ дорожная карета, и вы можете выбрать сами дорогу.

Ришелье.

Я могу выбрать?

Герцогиня.

Да, или въ Нормандію, въ замокъ Нойаль, или здѣсь, въ Бастильскій Замокъ.

Ришелье.

Что же тутъ выбирать. Какъ я радъ, разумѣется въ Нормандію. Ѣхать вмѣстѣ съ женой, и она за тѣмъ здѣсь.....

Герцогиня.

Нѣтъ! вы поѣдете со мной!

Ришелье.

Опять выбирать нечего. (*Рѣшительно*). Я готовъ въ Бастилію.

Диана (*вскрикиваетъ*).

Въ тюрьму!

Ришелье.

Дѣвица Нойаль дурно. Она нездорова.

Герцогиня.

Нѣтъ, ей, Герцогинѣ Ришелье, ничего. Она здорова.

Ришелье.

Герцогиня, совсѣмъ не Герцогиня, дѣвица Нойаль, просто.

Герцогиня.

Я обязана сказать, что если вы несогласны, Герцогъ... (*Въ кабинетъ на право падаетъ стулъ*.) Что тамъ такое?

Ришелье (*въ сторону*).

Вотъ въ пору уронила!

Герцогиня.

Тамъ есть кто-то. (*На льво слышенъ стукъ разбитаго зеркала*.) И тамъ тоже! (*Диана, смотрявшая внимательно на право, подходитъ нѣсколько на льво, въ волненіи*).

Ришелье (*въ сторону*).

Зеркала летятъ!

Герцогиня.

Здѣсь кто-то спрятанъ, въ обѣихъ комнатахъ.

Ришелье.

Тамъ моя же.... (*въ сторону*.) Совсѣмъ смѣшался!

Герцогиня.

А! тамъ женщина!

РИШЕЛЬЕ.

О, нѣтъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Даже двѣ, можетъ быть.

РИШЕЛЬЕ (*въ сторону*).

Вѣрно угадываетъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Это ужасъ, это невыносимо!

ДИАНА (*въ сторону*).

Онъ меня не любитъ!

РИШЕЛЬЕ (*въ сторону*).

Я радъ: это ее тревожитъ. Она печальна.

ГЕРЦОГИНЯ.

Герцогъ, я обязана сказать вамъ.... объяснитесь съ вами, но здѣсь....

РИШЕЛЬЕ.

Да, не прилично. Дюбуа, проводи Герцогиню съ дочерью на половину Герцогини Ришелье.

(*Герцогиня идетъ къ двери*).

ДИАНА (*тихо*).

Онъ не сказалъ мнѣ ни слова!

РИШЕЛЬЕ (*тоже*).

Она на меня ни разу не взглянула!

(*встрѣчаются глазами*).

ОБА (*протяжно*).

Ахъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Что? (*оборачивается, Ришелье ей низко кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

РИШЕЛЬЕ, потомъ Баронъ и Матиньонъ.

РИШЕЛЬЕ.

Она посмотрѣла на меня, и какой взглядъ, Боже мой! Я готовъ былъ забыть свое пари, Матиньона и все. Теперь я еще больше увѣренъ, что она придетъ! Ну, можно, кажется освободить моихъ плѣнницъ. (*Бъжитъ на право, потомъ на льво, не зная кого выпустить прежде*).

МАТИНЬОНЪ.

Въ передней нѣтъ никого, стало быть можно войти.

РИШЕЛЬЕ (*съ сторону*).

Нечего дѣлать, еще посидать.

БАРОНЪ.

Двери открыты.... мы и вошли. (*Матиньону*). У него никого нѣтъ.

МАТИНЬОНЪ.

Да и кому быть? Ха, ха, ха!

РИШЕЛЬЕ.

Чему вы смѣетесь?

МАТИНЬОНЪ.

Я встрѣтилъ Барона, онъ, кажется, принесъ вамъ проигрышъ.

БАРОНЪ.

Да, триста лундоровъ! (*подавая кошелекъ*). Вотъ, возьмите!

РИШЕЛЬЕ (*беретъ*).

Дѣтское счастье!

БАРОНЪ.

А! Вамъ сказали объ этой острогѣ. Не правда ли, не дурно сказано?

МАТИНЬОНЪ.

Кажется, Герцогу это не по сердцу.

РИШЕЛЬЕ.

Можетъ быть, но не безпокойтесь: все пройдетъ. Острота Барона будетъ у меня въ памяти недѣли двѣ, его деньги не больше сутокъ (*въ сторону*), а жена не дольше двухъ часовъ.

БАРОНЪ.

Такъ вы опять отдадите мнѣ.

РИШЕЛЬЕ.

Все ваше вамъ назадъ.

БАРОНЪ.

Благодарю!

МАТИНЬОНЪ.

А наше пари; я держалъ 1000 лундоровъ.

РИШЕЛЬЕ.

И вамъ также, какъ Барону.

МАТИНЬОНЪ.

Мнѣ даже совѣстно.... я держалъ навѣрное. Ну, можно ли вообразить, что молодая Герцогиня Ришелье будетъ здѣсь и станетъ просить прощенія.

РИШЕЛЬЕ.

Что жъ? Можетъ быть она ужъ собирается.

Матиньонъ и Баронъ.

Ну, ну, ну!

Ришелье.

Да еще, можетъ быть, и не одна она!

Баронъ.

Остерегитесь, Маркизь: вѣдь Герцогъ влюбленъ въ Сезарину Носсе.

Матиньонъ.

Кажется, большой опасности нѣтъ!

Ришелье.

Въ самомъ дѣлѣ?

Матиньонъ.

А вотъ Баронъ не хотѣлъ даже идти сюда. Представьте, онъ подумалъ, что у васъ свиданіе ... ха, ха, ха!

Баронъ.

Нѣтъ, не свиданіе, а я думалъ, не поѣшать бы вамъ вѣсть конфекты.... ха, ха, ха!

Ришелье.

Баронъ!

Матиньонъ.

Какіе конфекты? я ему сказалъ, Герцогъ теперь вѣрно съ учителемъ... уроки беретъ.... (смѣется).

Ришелье.

И этому вы смѣялись! Такъ вы не вѣрите, что у меня могутъ быть свиданія. А?

Матиньонъ.

Пока самъ не увижу, конечно, не повѣрю.

Ришелье.

Вы, Баронъ, тоже?

Баронъ.

Тожe.

Ришелье.

А! (Смотритъ на право и на лѣво смѣясь).

Матиньонъ.

Послушайте, Герцогъ, чтобъ васъ перестали считать ребенкомъ, вамъ надобно интрижку какуюнибудь и дуэль. Какъ скоро это будетъ, всѣ заговорятъ о васъ, вы войдете въ моду.

Баронъ.

Да!.. о я самъ въ молодости!...

Матиньонъ.

Только, чтобъ всѣ знали о вашей дуэли и особенно о вашей любви, о женщинѣ, которая васъ любитъ.

Ришелье.

Меня любятъ двѣ женщины.

Матиньонъ.

Браво! Только, знаете, это никому неизвѣстно.

Баронъ.

Если бъ всѣ узнали...

Ришелье.

Совѣстно: у одной есть любовникъ, у другой мужъ — неловко!

Матиньонъ.

Кажется это пустая отговорка.

Ришелье.

Да притомъ я не хочу быть наглецомъ.

Баронъ.

Просто увертки!

Ришелье.

Увертки!

Баронъ и Матиньонъ.

Да! навѣрное.

Ришелье.

Когда такъ... (Тихо Матиньону). Смотрите на право.

Матиньонъ.

Смотрю.

Ришелье (тихо Барону).

Смотрите на лѣво.

Баронъ.

Смотрю. (Ришелье бьетъ по столу; двери отворяются, Матиньонъ видитъ Баронессу, а Баронъ Сезарину. Оба въ удивленіи... Двери затворяются).

Ришелье.

Что, господа?

Матиньонъ (смотря на Барона):

Ха, ха, ха!

Баронъ (смотря на Матиньона).

Ха, ха, ха!

Ришелье (въ срединѣ).

Вамъ весело! ха, ха, ха!

Баронъ (Матиньону).

Видѣли? А! ха, ха, ха!

Матиньонъ (Барону).

Видѣли! а вы? Ха, ха, ха! (Всѣ трое смѣются).

Баронъ.

Славно!

Матиньонъ.

Ну, Герцогъ, я искренно разскаиваюсь....

Баронъ.

Я, просто, готовъ на колѣни упасть. (Ришелье). Сезарина! А! Каковъ, каковъ!

Матиньонъ.

Честь и слава Герцогу Ришелье! (Ришелье) Баронесса! неподобно!

Ришелье.

Теперь вы довольны, господа?

Матиньонъ.

Да, да, одно сдѣлано.

Баронъ.

Интрига есть....

Матиньонъ.

Еще бы дуэль.

Ришелье.

Дуэль!

Матиньонъ.

Ну, это въ послѣдствіи.

Ришелье.

Зачѣмъ же откладывать? У меня будутъ разомъ двѣ дуэли. (Беретъ Барона за руку и ведетъ на лѣво). Хотите знать чему смѣялся Маркизь. Смотрите на право!

Баронъ.

Нѣтъ, тамъ лучше!

Ришелье.

Не лучше.... смотрите на право.

Матиньонъ.

Что Барону показалось такъ смѣшно?

Ришелье (Матиньону).

Смотрите на лѣво. (Въ сторону). Онѣ хотѣли мстить, онѣ говорили, что желаютъ, чтобы всѣ узнали. (Громко). Прощайте Баронъ, прощайте, Маркизь. (Дѣлаетъ имъ знаки, потомъ громко). Я одинъ. (Стучитъ по столу; двери от-

воряются, Баронесса и Сезарина выходятъ; Баронесса встрѣчается съ мужемъ, а Сезарина съ Маркизомъ, и оба убѣгаютъ).

Матиньонъ (въ бѣшенствѣ).

Сезарина!

Баронъ.

Бар..... вдова Грибушь?

Ришелье.

Ха, ха, ха! А! господа! Однако же вы не смѣтаетесь, я одинъ смѣюсь. (Слышенъ смѣхъ Баронессы). Нѣтъ, эхо отвѣчаетъ мнѣ.

Матиньонъ.

Герцогъ, вы понимаете, что мы должны.... мы будемъ....

Ришелье.

Понимаю.

Баронъ.

Послѣ этого, Герцогъ, мы непременно!...

Ришелье.

Вы видите, я сдержалъ слово, господа! Двѣ дуэли.

Матиньонъ (тихо Ришелье).

Вы отбили у меня Сезарину....

Ришелье (ему тихо).

А вы хотѣли у меня отбить жену!

Баронъ.

А! какъ я взбѣшенъ..... я думаю, что весь пожелтѣлъ.

Матиньонъ и Баронъ.

Когда же Герцогъ?

Ришелье.

Сію же минуту, здѣсь, у меня въ саду.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Герцогиня.

Герцогиня.

Что такое? что здѣсь за крикъ?

Матиньонъ, Баронъ и Ришелье вмѣстѣ.

Идемъ.

Баронесса (*выбѣгая*).

Баронъ? (*Беретъ его подъ руку*).

Герцогиня.

Женщина!

Сезарина (*выходя съ другой стороны*).

Маркизь! подумайте... онъ ребенокъ.

Герцогиня.

И другая! двѣ женщины!

Баронесса.

Душечка, совсѣмъ не зачѣ драться.

Герцогиня.

Дуэль!

Ришелье.

Двѣ дуэли и потомъ въ Бастилію.

Матиньонъ и Баронъ (*Ришелье*).

Въ садъ! (*Сезарина закрывается капишономъ; Баронесса старается удержатъ Барона; уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Герцогиня, Ришелье, Дюбуа (*прибѣгаетъ на шумъ, и при концѣ сцены Діана. Герцогиня бросается на диванъ*).

Ришелье.

Что, Герцогиня, я до сихъ поръ былъ ребенкомъ; теперь, кажется, немного возмужалъ. Дюбуа, шляпу, шпагу!

Герцогиня.

Это ужасъ, ужасъ!... Я задыхаюсь, я внѣ себя...

Ришелье.

И вы причиною всему этому. Молва обо мнѣ разнесется, всѣ станутъ говорить обо мнѣ; я вамъ обязанъ этимъ, и благодарю васъ. (*Герцогиня хочетъ говорить*). Что? это ужасъ, неправда ли: двѣ женщины, двѣ дуэли!... И это ваше дѣло; я обязанъ вамъ же. (*Герцогиня опять хочетъ говорить*). Да этого еще мало; а все ваша пятая статья: я просилъ исключить, вы не хотѣли, и вамъ придется отвѣчать передъ свѣтомъ и передъ моею женой...

Герцогиня (*вставая*).

Но дайте мнѣ сказать.

Ришелье.

Нечего вамъ сказать, совсѣмъ нечего; вы виноваты во всемъ. Я началъ по вашей милости... по вашему упрямству, хотѣлъ я сказать. Покорно благодарю! Дюбуа! Иди за мной къ Маркизу Матиньону. (*Тихо*). Не дальше, какъ въ садъ.

Герцогиня.

Не смѣй ходить. Зачѣмъ же шпага?

Ришелье.

До сихъ поръ она была игрушкой ребенка, а теперь, сейчасъ, я докажу, что она не игрушка. Идемъ!

Діана (*вбѣгая*).

Боже мой! куда вы? (*Ришелье холодно кланяется ей*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Герцогиня и Діана.

Герцогиня.

И ему шестнадцать лѣтъ! Просто ужасъ! Нѣтъ, это нестерпимо.

Діана.

Вы развѣ не знаете.... Баронъ и Маркизь...

Герцогиня.

И тебѣ не стыдно подслушивать.

Діана.

Боже мой! они пошли драться.

Герцогиня.

И, нѣтъ! Онъ пошелъ къ Матиньону, а Маркизь, нашъ родственникъ, знаетъ свои обязанности, уваженіе къ нашей фамиліи... Нѣтъ! онъ не станетъ драться съ ребенкомъ!

Діана.

Съ ребенкомъ... Но посмотрите, какъ онъ безстрашенъ и добръ.

Герцогиня.

Просто, негодяй, и ему не миновать Бастиліи; да, нынче же.

Діана.

Въ Бастилію, кого?

Герцогиня.

Теперь я поспѣшу къ Матиньону, а оттуда забуду и возьму приказъ... Но что съ тобою, Діана, ты смущена... плачешь...

Діана.

Матушка, вы забыли, что онъ мнѣ мужъ.

Герцогиня.

Нѣтъ, къ несчастію, очень помню. Да ты сама не любила его, ты говорила мнѣ...

Діана.

Да, говорила. Но съ тѣхъ поръ, какъ его любятъ всѣ, т. е. всѣ женщины, я не знаю, что со мной... Я его ненавижу, а прежде только не любила.

Герцогиня.

Смотри, онъ часъ отъ часу хуже. Я непременно потребую развода. Двѣ женщины, ужасъ! Если ты станешь любить его, я тебя лишу наслѣдства, я прогоню тебя.

Діана.

Да, я должна ненавидѣть его... я его ненавижу... но пусть только онъ будетъ живъ.

Герцогиня.

Хотя я и совершенно спокойна на этотъ счетъ, но сейчасъ же поспѣшу къ Маркизу. А ты, въ своей каретѣ, возвращайся домой; плакать совсѣмъ не о чемъ. Подумай о нашей фамиліи, и не давай торжествовать негодяю, который влюбленъ во всѣхъ.

Діана.

Да, во всѣхъ, кромѣ меня.

Герцогиня.

Діана!

Діана.

Я готова ѣхать. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дюбуа, встревоженный, блѣдный, и потомъ Ришелье.

Герцогиня Ноайль! Герцогиня! Боже мой!

они дерутся! и какой онъ храбрецъ, прекрасно владѣеть шпагой! Ну, если онъ будетъ убитъ! *(Падал на стулъ)*. Ноги подкосились, ничего не вижу....

Ришелье.

Дюбуа!

Дюбуа.

Ахъ, Боже милосердый! вы живы!

Ришелье *(смыслъ)*.

Да, еще не умеръ, и очень радъ. Дюбуа! береги эту шпагу, хорошенъко смотри за ней.

Дюбуа.

И не ранень... А они?... Маркизь?...

Ришелье.

Вздоръ! у него легкая царапинка.

Дюбуа.

А Баронъ?

Ришелье.

Баронъ! ха, ха, ха! Ты не можешь себѣ представить... А сколько народу было въ окнахъ, по стѣнамъ... Весь Парижъ будетъ знать... всѣ... и жена моя. Но гдѣ она? она была такая блѣдная. Она здѣсь?

Дюбуа.

Нѣтъ, уѣхала.

Ришелье.

Уѣхала. Уѣхала, когда я шелъ на смерть. Она меня не любитъ, вовсе не любитъ. Но постой, я побѣгу къ ней... войду какъ нибудъ. *(Останавливается)*. Нѣтъ, нельзя; я далъ слово, что она придетъ сюда.

Дюбуа.

Герцогиня Ришелье идетъ сюда?

Ришелье.

Ну, да, почему же нѣтъ? *(Дверь открывается, входитъ Діана. Ришелье и Дюбуа будто не замѣчаютъ ее)*.

Діана.

О, какъ мнѣ страшно!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Ришелье, Діана, Дюбуа.

Ришелье *(сидя на софѣ)*.

Дюбуа!

Дюбуа.

Что прикажете?

Ришелье.

Мнѣ показалось, кто-то вошелъ. Кто тамъ?

Дюбуа.

Да-съ.... Герцогиня!...

Ришелье.

Кто?

Діана.

Я, Герцогъ!

Ришелье.

Вы. Вотъ неожиданность, я очень счастливъ.... Дюбуа! кресла! *(Взявъ Діану за руку)*. Сдѣлайте милость, садитесь. *(Въ сторону)*. Она, кажется, плакала; у нее глаза красны, бѣдненькая! *(Дюбуа ставитъ кресла на срединѣ сцены. Діана садится)*. Стунай, Дюбуа. Вы позволите!

Діана.

Да, Герцогъ. *(Ришелье кланяется и садится на софу. Молчаніе. Въ сторону)*. Онъ ничего не говоритъ.

Ришелье *(въ сторону)*.

И это называется семейною жизнію.... Нѣтъ! вѣрно есть что нибудь другое, что нибудь лучше....

Діана *(въ сторону)*.

И какая холодность!

(Опять молчаніе).

Ришелье *(въ сторону)*.

Сама заговорить.

Діана.

Герцогъ! я возвратилась.... я узнала, что вы шли на дуэль.

Ришелье *(въ сторону)*.

У нея голосъ дрожить.

Діана.

Я очень боялась.

Ришелье *(равнодушно)*.

Вы очень милостивы! Но чегожъ бо- яться.. дуэль съ ребенкомъ! *(Діана потупляетъ глаза и вздыхаетъ; въ сторону)*. Вспомнила!

Діана.

Но вы дрались за женщину.... *(подвигаетъ кресла)*.

Ришелье.

За женщину *(въ сторону)*. Ближе!

Діана.

Да, у васъ были скрыты двѣ женщины!

Ришелье.

А! ну, если вы знаете, мнѣ нечего отпираться.

Діана.

И вамъ не стыдно, вы не подумали о себѣ... двѣ женщины! и вы можете смотрѣть мнѣ прямо въ глаза?

Ришелье.

Чтожъ тутъ важнаго? Женщины у ребенка! Вы сами считаете меня ребенкомъ. *(Діана двигаетъ кресла ближе. Въ сторону)*. Хорошо! *(Ей)*. Чтожъ, онъ, можетъ быть, приносили мнѣ конфектъ.

Діана.

И вы еще шутите!

Ришелье.

Вѣдь можетъ быть!

Діана.

Какой вы ребенокъ! Вамъ 16 лѣтъ!

Ришелье *(вставая)*.

Право, вы перестали считать меня дятяю.

Діана.

Я изъ участія къ вамъ, желала узнать; но теперь я спокойна. Прощайте, Герцогъ!

Ришелье.

Прощайте. *(Въ сторону)* Не уйдетъ. *(Садится опять. Діана оборачивается)*.

Діана.

Ришелье!

Ришелье *(въ сторону)*.

Осталась же. *(Отодвигаясь на софѣ)*. Нѣтъ, пожалуйста сюда!

Диана.

Ришелье! вы ни въ чемъ не виноваты предомноу?... Я не говорю о томъ, что сама видѣла здѣсь, но въ первый день свадьбы даже.... О! мнѣ это очень больно! я такъ огорчена вами.

Ришелье.

А кто всему виноватъ? Вы смѣялись надо мною, старались унижить меня, наконецъ прогнали отъ себя. (Диана подходитъ.) Вы забыли, что я вашъ мужъ, что я люблю васъ. (Въ сторону.) Подходить. Я въ отчаяніи бросился въ первую попавшуюся дверь — кто сказалъ вамъ, что я искалъ не васъ... (Диана возмъ Ришелье) шель не къ вамъ?

Диана (бросаясь на софу).

Ко мнѣ.

Ришелье (съ сторону).

Теперь такъ.

Диана.

Но вы дрались за другую, не за меня.

Ришелье.

А кто сказалъ вамъ, что я не для того дрался, чтобъ наказать наглеца, который осмѣлился писать къ вамъ.

Диана.

Да, Маркизь... но я отослала къ нему письмо съ презрѣніемъ.

Ришелье.

Все таки, непростительная дерзость — писать. За то онъ раненъ...

Диана.

А вы?

Ришелье.

Въ правую руку.

Диана.

Но вы сами?

Ришелье (падал на колѣни).

Я.. я сохранилъ всѣ силы, всю жизнь свою для одной тебя, для любви къ тебѣ.

Диана.

О замолчи, замолчи!

Ришелье.

Если еще нужны оправданія...

Диана.

Не нужны. Я всему вѣрю, то есть ничему не вѣрю, ничего не видала, ничего не слыхала. О! я вѣрю, ты любишь меня!

Ришелье.

Да, неблагодарная! А ты презирала меня, и за что? За то, что мнѣ 16 лѣтъ.

Диана (подавая ему руку).

Прости, прости меня. Этому ужъ прошло пять лѣтъ.

Ришелье (цѣлуя руку).

Теперь я счастливъ. (въ сторону.) Вотъ, женщины!

Герцогиня (за дверью).

Скорѣе, Маркизь, поспѣшимъ!

Диана.

Голосъ матушки, я погибла!

Ришелье.

Герцогиня!...

Диана.

Она увидитъ меня у васъ!

Ришелье.

Что-же? мы дома.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже, Герцогиня и Матиньонъ, (съ подвязанною рукою).

Герцогиня.

Герцогъ Ришелье! вы насъ обманули, вы дрались (смотря на Матиньона), и вашей дуэли есть достовѣрныя доказательства. Но всѣмъ вашимъ неприличнымъ поступкамъ конецъ! Маркизь выпросилъ повелѣніе...

Ришелье.

Нѣтъ, не онъ. Это вчерашнее,

Герцогиня.

Отправить васъ въ Бастилію.

Матиньонъ.

Я надѣюсь, вы на меня не станете сердиться!...

Ришелье.

Конечно, не стану. Только вы извините меня, вамъ приходится вести меня въ тюрьму одною лѣвою рукою.

Герцогиня.

Неприличныя шутки, Герцогъ!

Ришелье.

Я не шучу. Посмотрите, я серьезенъ, какъ вы сами.

Герцогиня.

Семейство ваше, не смотря на ваше нерасположеніе, заботится о вашей участи. Да, ваше семейство...

Ришелье.

Какое семейство?... и жена моя тоже?

Герцогиня.

Жена ваша такъ горда, что вѣрно не проститъ вамъ за то, что вы забыли всѣ свои обязанности. Давеча она уѣхала отсюда въ страшномъ гнѣвѣ, и я увѣрена, здѣсь не будетъ нога ея. (Ришелье отступаетъ). Какъ?... дочь моя! здѣсь...

Но б.

Диана.

Не знаю, что сказать
Я чуть не умерла!

Матиньонъ.

Кто могъ бы ожидать?

Ришелье.

Семейныя дѣла.

Герцогиня.

Ахъ, дочь моя, какъ я
Тобой огорчена!

Ришелье.

Вотъ, платя ставляя,
Теперь исключена!

Герцогиня.

Дѣвица Ноайль...

Ришелье.

Нѣтъ, на этотъ разъ извините, Герцогиня Ришелье!

Герцогиня.

Я считала васъ дитятею. О, нынче все нѣтъ дѣтей!

Ришелье.

Не только дѣти, напротивъ, я надѣюсь, у васъ скоро будутъ внуки...

Герцогиня.

Маркизъ! исполняйте повелѣніе, пора!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Баронъ и потомъ Дюбуа.

Баронъ (за дверью).

Ой, ой, ой... тише!

Всѣ.

Баронъ!

Герцогиня (Ришелье).

Вы и съ нимъ дрались...

Диана.

Онъ раненъ!

Ришелье.

Ну, я ранилъ его, право нечаянно... спросите Маркиза!.. (Маркизъ смѣется.) Я только началъ съ нимъ и хотѣлъ дать ему легкій ударъ, какъ вдругъ раздается голосъ Баронессы; онъ оборотился и ударъ пришелся...

Герцогиня.

Ужасъ, просто ужасъ!

(Ришелье и Матиньонъ смѣются).

Баронъ (его ведетъ слуга).

Герцогъ Ришелье! у меня есть, ой, ой, ой! къ вамъ приказаніе отъ Герцога Бургундскаго; вотъ пакетъ, ой, ой!

Герцогиня.

Вы страдаете отъ раны?

Баронъ.

Ничего, пройдетъ... хорошо, что не въ кость.

Ришелье.

Да, ударъ славный, счастливо, что такъ.

Баронъ.

Я на васъ не сержусь... самъ виноватъ... какъ можно оборачиваться, когда дерешься! Да, впрочемъ, не за что было совсѣмъ и драться. Баронесса растолковала мнѣ все, ой, ой, ой.

Ришелье.

Вотъ и Маркизъ также, раненъ и не сердится.

Баронъ.

Я возвращаюсь домой, посылаю за лекаремъ; а въ это время мнѣ и принесли пакетъ распечатанный, ой, ой, ой.

Диана и Ришелье.

Что за пакетъ?

Герцогиня.

Объясните намъ.

Матиньонъ.

Говорите же.

Баронъ.

Какъ что? Вы произведены въ полковники, и немедленно должны ѣхать къ мѣсту назначенія... ой, ой, ой! разумѣтся, туда, гдѣ войско.

Ришелье.

Я произведенъ въ полковники (*въ сторону*). Герцогиня сдержала свое слово.

Диана (*тихо ему*).

Да, она обѣщала мнѣ, избавить васъ отъ тюрьмы.

Ришелье.

Я ѣду; надѣюсь, мной всѣ будутъ довольны. Здѣсь уже говорятъ обо мнѣ; заговаряютъ и тамъ (*Матиньону*). Ну, давайте 1000 лундоровъ, я на нихъ куплю лошадей. Я ѣду нынче... (*Диана беретъ его за руку; онъ улыбается*) Пѣтъ, завтра!

Дюбуа (*входя*)

Герцогъ! множество каретъ подъѣзжа-

ють сюда. Всѣ придворныя дамы присылаютъ узнать не ранены ли вы!

Ришелье.

Что мнѣ до нихъ (*тихо*). Узнай имена этихъ дамъ; (*въ сторону*) пригодится на будущее время.

Ришелье и хоръ.

Они
Мы всѣ сегодня не впопадъ,
Надъ юностью моею смѣялись,
Но сами въ сѣть ко мнѣ попались:
Любовь и умъ все побѣдятъ!

Ришелье (*къ публикѣ*).

Но, тише, господа... вниманье...
И я спрошу у нашихъ дамъ (*показывая на ложи*.)

Пріятноль нынче было вамъ
О Ришельѣ воспоминанье?

Я знаю, хлопать вамъ нельзя,
Такъ хоть улыбкой наградите:

(*Показывая на ложи*).

Лишь только тамъ не уроните,

(*Показывая на кресла*).

А здѣсь поддержать ужъ меня.

Хоръ.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТМѢТКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ МУЗЫКАНТА.

I.

Предразсудокъ, что дѣтей могутъ учить начальнымъ правиламъ искусства посредственные учителя, существовалъ и въ древнія времена: Квинтиліанъ написалъ о томъ цѣлую главу. Онъ замѣчаетъ весьма справедливо, что въ послѣдствіи бываетъ чрезвычайно трудно искоренять погрѣшности, приобретенныя отъ дурныхъ наставниковъ. «Если бы такіе учителя, прибавляетъ Квинтиліанъ, сообщали надлежащимъ образомъ свои малыя познанія, то дѣло пошло бы на ладъ; но въ томъ-то и бѣда, что они учатъ кое-какъ. Знаменитый виртуозъ на флейтѣ, Тимотей, современникъ Александра, вдвое бралъ съ того, кто уже учился у другаго учителя, прежде него.»

II.

Невозможно одобрить методу тѣхъ учителей искусствъ, которые убиваютъ двухъ учениковъ единственнымъ упражненіемъ въ технической ловкости, въ надеждѣ, что техническая бѣглость послужитъ потомъ источникомъ умственного произведенія. Юность уже обладаетъ тѣми духовными силами, которыя сообщаютъ художественному созданію истинную непри-

нужденность, слѣдовательно, такіа стѣсна требуютъ развитія и образованія. Посмотрите на могущественную фантазію ребенка, когда она проявляется въ штрихахъ или формахъ, въ звукахъ или словахъ. Духъ стремится къ самобытному творчеству, и малѣйшее собственное созданіе несравненно дороже огромнаго творенія, основаннаго на подражательности. Можно ли послѣ этого допускать, чтобы учителя по цѣлымъ годамъ мучили учениковъ упражненіями пальцевъ въ музыкѣ, или осуждали юношей на подражаніе мертвымъ формамъ въ образовательномъ искусствѣ? Какъ назвали бы вы лавочника, который всѣ стихіи мелочной торговли заключалъ бы единственно въ свертываніи бумаги, или садовника, который вздумалъ бы морить ученика надъ выучиваніемъ Линнеевой системы? Буква мертвить; двухъ оживотворяетъ.

III.

Древніе Греческіе музыканты отличались иногда удивительными странностями. Антигенидъ, напримѣръ, одинъ изъ знаменитыхъ артистовъ на флейтѣ и учитель Алкивіада, не обращалъ ни какого

вниманія на благосклонность публики. Такія же мысли внушалъ онъ и ученикамъ своимъ, и желая утѣшить одного изъ нихъ, не оцѣненного достойнымъ образомъ за искусную игру, сказалъ ему: «Въ слѣдующій разъ, ты долженъ играть для меня и для Музы.» Артистъ сей такъ мало дорожилъ сужденіемъ толпы въ дѣлахъ вкуса, что, услышавъ однажды рукоплесканія, которыми публика награждала какого-то виртуоза, воскликнулъ: «Вѣрно, онъ игралъ плохо; иначе, народъ не былъ бы такъ расточителемъ на изъясненіе своей благосклонности.»

Цезаріи замѣтилъ одному изъ своихъ учениковъ, когда тотъ старался играть въ слишкомъ высокомъ тонѣ: «Искусство не заключается въ высокихъ тонахъ, но въ соразмѣрности ихъ съ предметомъ.»

Гипподамъ мыслилъ одинаково съ Антигенидомъ. Однажды публика приняла благосклонно ученика его съ незавидными дарованіями. Онъ отколотилъ его за это палкою, и сказалъ: «Такой приемъ лучшее доказательство твоей посредственности.»

Кто изъ виртуозовъ XIX столѣтія не посмѣется надъ странностями древнихъ собратьевъ. Шиллеръ, быть можетъ, вспомнилъ объ Антигенидѣ, когда написалъ слѣдующіе стихи:

Kannst du nicht Allen gefallen durch
deine That und dein Kunstwerk,
Mach es wenigen recht; Vielen gefallen,
ist schlimm». (*)

IV.

Вотъ загадочное акустическое явленіе: въ Цейтской Соборной церкви Св. Михаила есть весьма хорошій, недавно поставленный органъ, съ тридцатью трубами. Нерѣдко случается, что по прекращеніи игры, эхо звуковъ отдается въ ухахъ слу-

шателя, сидящаго на хорахъ, добрымъ пулутомъ ниже. Невысокая церковь, при 182' длины и 75' ширины, имѣетъ въ срединѣ десять колоннъ.

Подобное же явленіе бываетъ въ другой тамошней церкви Св. Троицы. Тонъ, взятый вѣрно пѣвцомъ или артистомъ, играющимъ на органѣ, поражаетъ этого пѣвца или артиста невѣрностью, между тѣмъ какъ окончателный аккордъ органа продолжаетъ звучать низкими тонами. Отчего такое явленіе? Не ослабѣваютъ ли, при возвратномъ дѣйствіи, звуки, издаваемые органомъ? Но въ такомъ случаѣ, эхо голоса или трубы не доходило бы въ столь вѣрномъ звукѣ до замка Гайнсбурга, лежащаго отъ Цейца на 1¼ часа... Любопытно было бы изслѣдовать въ подробности это странное явленіе.

V.

Іоаннъ Фридрихъ Дольсъ, ученикъ и преемникъ Себастіана Баха, другъ Моцарта, извѣстный сочинитель духовной музыки, умершій въ 1797 году, возставалъ въ глубокой старости противу всѣхъ некстати употребленныхъ фугъ. Въ предисловіи къ одной изъ своихъ кантатъ, вышедшей въ 1790 году, онъ говоритъ: «Ясно, что та церковная музыка, которая заключаетъ въ себѣ одніи искусственныя фуги, или которая написана по строгимъ правиламъ двойнаго контрапункта, не относится къ церкви. Могутъ ли фуги и тому подобныя хитрости быть выраженіемъ страстныхъ ощущеній? Вѣдь это искусственныя созданія разума, занимательныя для одного знатока, который проникаетъ въ глубину гармоніи, которому наблюденіе правилъ и великія трудности, преодолевасмыя композиторомъ или артистомъ, доставляютъ удовольствіе, который, наконецъ, восхищается разнообразными принадлежностями темы. Но развѣ цѣль музыки—удовольствіе разсудка? Неужели музыкальное произведеніе, подобно часамъ, должно удивлять своимъ

(*) Если ты не можешь нравиться всѣмъ своими дѣлами и произведеніями, дѣйствуй для немногихъ; многимъ нравиться—нехорошо.

многосложнымъ составомъ? И много ли найдется въ церкви ученыхъ знатоковъ музыки? Наибольшая часть людей, слушающихъ церковную музыку, мало или вовсе ничего не знаютъ о контрапункции, слѣдовательно и не могутъ судить объ умственныхъ красотахъ сочиненія. Они просто любители, иногда въ самомъ ограниченномъ смыслѣ слова, и, конечно, не найдутъ наслажденія въ гармонически-нескладной путаницѣ, господствующей во многихъ церковныхъ твореніяхъ, обремененныхъ фугами. Если такая музыка не понятна для простаго любителя, если она не дѣйствуетъ на его сердце, то, очевидно, что единственнымъ плодомъ ея будетъ—скука. Между тѣмъ, піеса, проникнутая сладостнымъ пѣніемъ, ясною гармонією, понятнымъ размѣромъ, всегда найдетъ теплое участіе слушателей, а въ этомъ-то и заключается истинное назначеніе церковной музыки: она должна трогать сердце внимающихъ Богослуженію. Да не подумаютъ, чтобы я, ученикъ покойнаго Себастіана Баха, самъ написавшій много въ его стилѣ, унижалъ высокую музыку! Нѣтъ, я только не одобряю ея неумѣстнаго примѣненія. Если меня соберутся слушать ученые музыканты, то я, конечно, съ удовольствіемъ исполню имъ глубокомысленную фугу, но зачѣмъ играть такимъ образомъ въ церкви, что бы тронуть неученыхъ слушателей?»

Слова старика неопровержимы. Много надобно было имѣть смѣлости высказать подобныя мысли за пятьдесятъ лѣтъ. Не самъ ли Себастіанъ Бахъ внушилъ своему ученику такія идеи?

VI.

Остроумный Аббатъ Фоглеръ, въ своей системѣ о построеніи фугъ, дѣлаетъ слѣдующее сравненіе между Генделемъ и Бахомъ: «Что фуга можетъ и должна

быть ясною, это доказалъ неоспоримо великій Гендель, первый композиторъ фугъ, своими образцовыми произведеніями. Ему было предоставлено осуществить высокое, и я не знаю, кого сравнить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Близорукіе поклонники великаго Себастіана Баха, оскорбятся похвалою Генделю; но такіе поклонники, дѣйствительно, слѣпы; они—нѣмые риторы, глухіе мыслители, холодные эстетика. Баховы фуги обработаны съ большимъ искусствомъ; онъ остается первымъ, истинно своенравнымъ гениемъ, относительно многосторонности исполненія, потому что темы его чрезвычайно странны, и, по видимому, неудобисполнимы. Его контрапунктныя произведенія такъ богаты, что ни одинъ капельмейстеръ въ Европѣ не можетъ идти съ нимъ въ сравненіе; въ нихъ столько поваго, что никто прежде его не смѣлъ подумать о томъ. Контра-субъекты Баха также весьма оригинальны; на бумагѣ, они являются въ прекрасномъ, симметрическомъ порядкѣ; но пріятны ли они для слуха? Развѣ ихъ можно слышать глазами? Обработанъ ли въ нихъ языкъ, отдѣланъ ли слогъ? На всѣ эти вопросы отвѣчаютъ многія шероховатыя мѣста, многіе непріятные для слуха пассажи, и потому дѣйствіе подобной музыки болѣе поразительно, нежели правильно, болѣе искусственно, нежели художественно; слушатель удивляется, но ничего не чувствуетъ. Слѣдовательно, въ риторическомъ, логическомъ и эстетическомъ отношеніи, ясныя, простыя, сильно дѣйствующія фуги Генделя заслуживаютъ предпочтеніе. Богатство Баха можно рекомендовать, однако жъ, изъ богатыхъ матеріаловъ должно дѣлать выборъ. Изъ одной Баховой фуги, Гендель составилъ бы шесть, и каждая изъ нихъ заслужила бы большее одобреніе.

ДВѢ ПРИМАДОННЫ.

ПОВѢСТЬ.

IV.

(Окончаніе.)

Черезъ два дня послѣ этого, тѣ же самыя лица, которыхъ мы видѣли въ началѣ нашей повѣсти, сидѣли въ той же комнатѣ и у того же окна. И даже разговоръ ихъ коснулся опять до того вѣчно-неразрѣшимого вопроса: что такое *счастіе* и *несчастіе*? Только теперь мнѣнія были уже совершенно различны, потому что собственное положеніе этихъ лицъ перемѣнилось! Уже при первомъ взглядѣ во внутренность комнаты, видна была новость, которая каждому бросалась въ глаза. Это были богатыя фортепіаны, которыя составляли рѣзкую противоположность съ прочею мебелью. Отъ этого ли инструмента, или отъ другихъ причинъ, только и самыя фізіономіи Карла, Матильды и ихъ матери видимо перемѣнились. Тогда всякая черта изображала заботу, печаль, бѣдность; теперь на всѣхъ лицахъ сіяло удовольствіе, и Карлъ съ тѣмъ же жаромъ, но уже вовсе съ противоположнымъ мнѣніемъ, спорилъ теперь съ сестрою о словѣ *счастіе*. Тогда онъ говорилъ, что это *идеальное* слово, котораго реальности нѣтъ между людьми, а теперь онъ утверждалъ, что *счастіе* состоитъ во взаимномъ согласіи двухъ любящихся сердецъ. Матильда смѣялась и сердила брата, напоминая ему недавнія его слова, а сама оставалась при прежнемъ своемъ неизмѣнномъ мнѣніи, что *счастіе* — въ деньгахъ. «И въ восковыхъ свѣчахъ!» прибавилъ Карлъ съ досадою, припоминая и ей то, что случилось за три дня.

«Да! и въ восковыхъ свѣчахъ!» отвѣчала она. Я не отпираться отъ своихъ словъ.... Но развѣ это не одно и то же?

У кого есть деньги, у того есть и восковыя свѣчи, и обратно.»

— Замолчи, пожалуйста.... Ты мнѣ мѣшаешь заниматься шифрованнымъ басомъ. Скоро прійдетъ Либрехтъ, а я еще не кончилъ своего урока... Да и сама ты лучше бы занялась музыкою... Вѣрно, скоро поѣдетъ твой милый Фальбергъ, и твой голосъ обрадовалъ бы его, хоть издали.»

«Я ужъ урокъ свой вытвердила.... Хотъ впрочемъ и не вижу къ чему мнѣ это послужить. Вѣдь не меня, а тебя обѣщали ангажировать. Обо мнѣ и рѣчи не было. Къ чему я гожусь?... Развѣ только, чтобы восхищать милого старичка Фальберга... Вотъ, если бъ я была хорошенькимъ мужчиною, то, можетъ быть, какая нибудь примадонна и обо мнѣ бы похлопотала...»

— Да велите ей замолчать, мама, сказалъ съ досадою Карлъ, и шибко заигралъ на фортепіанѣ, чтобъ заглушить слова сестры. Мать дружески взглянула на нее, и покачала головою. Этого было довольно, чтобъ возстановить миръ и спокойствіе.

Вскорѣ показались въ дверяхъ Либрехтъ, а за нимъ Фальбергъ. Всѣ бросились съ нѣкоторымъ смущеніемъ встрѣчать послѣдняго.

«Сдѣлайте милость, не безпокойтесь, сказалъ онъ, взглядывая самымъ умильнымъ образомъ на Матильду. Я только хотѣлъ взглянуть на бывший мой инструментъ.... хорошо ли онъ стоитъ.... Мастеръ, который мнѣ его продалъ, сообщилъ мнѣ очень длинное наставленіе объ этомъ, и я долгомъ почитаю передать его вамъ, чтобъ какъ можно долѣе сохранить инструментъ....»

— Вы очень насъ обяжете, сказала Матильда съ лукавою улыбкою.

«Вотъ, изволите видѣть... Не надо, чтобъ онъ близко къ стѣнѣ стоялъ; солнечные лучи не должны на него падать; ни печь, ни каминъ не должны быть близко: когда вы играете на инструментъ, берегитесь сквознаго вѣтра, это для него очень вредно....»

— Не угодно ли вамъ, Г. Либрехтъ? Я готовъ! сказалъ въ это время Карлъ, чтобъ прервать болтовню Фальберга, на котораго онъ очень неблагосклонно поглядывалъ.

«Я вамъ не помѣшаю.» тихимъ голосомъ сказалъ Фальбергъ Карлу....

— Сдѣлайте одолженіе, садитесь, отвѣчала ему мать вмѣсто сына, и обрадованный старикъ дружески пожалъ ея руку.

«Какъ я радъ, что мой прекрасный инструментъ достался въ такія прекрасныя руки! сказалъ Фальбергъ, очень умильно глядя на Матильду. Если бъ я зналъ, что Г-жа М. проситъ его для васъ, то я бы давно предупредилъ ее. Я бы очень счастливъ былъ, если бъ вы его приняли отъ меня....»

— Мы никогда не думали имѣть такую дорогую вещь, отвѣчала Матильда, мнѣ же она менѣе всего нужна.... я люблю, конечно, музыку... но мнѣ некогда ею заниматься.... Мамзель Анжелика хлопотала о братѣ Карлѣ....

«Да! онъ очень счастливъ, что нашелъ себѣ такую протекцію.... Онъ далеко пойдетъ.... Впрочемъ, вы бы тоже должны были серьезно заняться музыкою. У васъ такой прекрасный голосъ....»

— Вы очень добры, Г. Либрехтъ.... Можетъ быть, мой голосъ и не дурецъ, для здѣшняго города.... но въ столицѣ, на театрѣ.... Вы вѣдь слышали какъ поетъ Анжелика. Вотъ какъ надо пѣть, или совсѣмъ не приниматься....

«Вѣдь вѣрно она не вдругъ достигла до этого искусства... Всякое совершенство имѣетъ несовершенное начало, а от-

ложая въ сторону удивительное искусство Г-жи М., у васъ голосъ не хуже ея.... Право, вы б.л. попробовали....»

— Некогда... надобно работать... Впрочемъ, я всегда буду сидѣть за работою, когда Карлъ будетъ учиться, и не пророчю ни одного слова, ни одной ноты.... Въ сумерки же, когда еще рано зажигать свѣчи, я непременно буду повторять то, что училъ Карлъ....»

«Едва ли это будетъ то, что вамъ нужно.... Онъ хочетъ быть музыкантомъ, композиторомъ, а вамъ бы должно быть пѣвицею.... Милая, несравненная Фрейлейнъ Каттель, послушайте меня.... Поучитесь у Либрехта пѣнію.... Кто знаетъ! Можетъ быть, нашъ городъ поставитъ вдругъ двѣ знаменитости для столицы и Европы.... Я былъ бы самый счастливый человекъ, если бъ это случилось ..»

— Очень бы рада, Г. Фальбергъ, но для меня музыка теперь одно минутное занятіе... я обязана работать, и работать цѣлый день.... Вы знаете наше состояніе....

«Если бъ я могъ... если бъ я смѣлъ... предложить вамъ....»

Тутъ трепещущій голосъ его пресѣкъ, потому что въ эту минуту Матильда взглянула на него. Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное молчаніе, наконецъ онъ рѣшился продолжать.

«Ради Бога не подумайте, чтобъ я имѣлъ какуюнибудь оскорбительную для васъ мысль... Нѣтъ! клянусь вамъ, что привязанность моя къ вамъ самая чистая, дружеская, безкорыстная.... Позвольте мнѣ только пользоваться вашимъ знакомствомъ, позвольте заслужить названіе друга, и я самый счастливый человекъ.»

— Ваше знакомство лестно для всякаго, Г. Фальбергъ, но мы люди бѣдные, а городскіе языки очень злы....»

«Я увѣренъ, что ни какая клевета не осмѣлится коснуться вашего имени... Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ.... Я

буду самымъ почтительнымъ и преданнымъ другомъ... Только видѣть васъ всякій день, и больше мнѣ ничего не надо...»

Странное дѣло — человѣческое сердце, а особливо женское, а особливо молодой дѣвушки! Если бъ кто другой сказалъ Матильдѣ, что старикъ Фальбергъ будетъ ей объясняться въ любви, то она бы расхоталась до истерики; если бъ у нее спросили отвѣта на это объясненіе, она съ гордымъ видомъ отворотилась бы, и отвѣчала однимъ презрѣніемъ. Теперь же, когда онъ самъ такъ тихо, страстно и покорно говорилъ ей о платонической любви своей, она почувствовала въ сердцѣ своемъ какую-то жалость, какое-то состраданіе, которыя не допустили ее ни до насмѣшекъ, ни до презрѣнія. Напротивъ, она потупила глаза, и тихо отвѣчала ему:

—Для этого вовсе не нужно моего позволенія... Ваши посѣщенія всегда будутъ пріятны... особливо, если вы будете приходите вмѣстѣ съ Либрехтомъ... тогда и злословію нечего будетъ сказать...»

«О! вы истинный Ангелъ доброты!» — вскричалъ Фальбергъ, и осмѣлился взять ея ручку и поцѣловать.

Робко взглянула Матильда на брата, но къ счастью, онъ не видалъ этого, а мать только незамѣтнымъ образомъ покачала головою... Съ сердцемъ, исполненнымъ блаженства, Фальбергъ простился и ушелъ.

«Матильда, Матильда! Къ чему ты была такъ съ нимъ ласкова! сказала ей тихо мать, садясь подлѣ нее. Онъ этакъ, пожалуй, будетъ и часто сюда ходить, а ты знаешь, нашъ милый городокъ... Заговаривать такія вещи...»

—И! Богъ съ ними, мама! Онъ будетъ приходите всегда съ Либрехтомъ, и тотчасъ же уходитъ домой. Что тутъ людямъ выдумать!...

«А ты ему и позволила эти визиты, глупенькая! И за это онъ, вѣрно, такъ горячо благодарилъ тебя!...»

— Да, мама! мнѣ его жаль стало!.. хоть онъ и смѣшонъ, а право, кажется, такой доброй... Онъ все уговаривалъ меня учиться пѣнію...

«Да развѣ ты не поешь? Чего же еще учиться и къ чему?»

—Ну, мое пѣніе хорошо для васъ, да для здѣшнихъ жителей.... А настоящее пѣніе, это дѣло другое; тутъ надо учиться, да и учиться... Конечно, оно для меня врядъ ли когда нибудь будетъ нужно... Но вѣдь если Карлу дадутъ мѣсто въ Вѣнѣ, то онъ и насъ перевезетъ туда.. а тамъ не мѣшаетъ хорошо знать музыку... Всегда пригодится....

«Удивительное дѣло эта музыка! Покойный отецъ училъ васъ съ малолѣтства, и всегда говорилъ, что вы славные музыканты, а теперь, когда пришла въ ней надобность, выходитъ на повѣрку, что вамъ снова надо все учить...»

«Не снова, мама, а доучиваться тому, чего и самъ папа не зналъ... Жаль, что вы не слышали Анжелики... вы бы поняли, что такое музыка и пѣніе...»

«Какъ не слышать!... Вѣдь какъ мы третьяго дня у нее обѣдали, она пѣла что-то мудреное... Только воля твоя... мнѣ это вовсе не понравилось... Вверхъ да внизъ, внизъ да вверхъ, точно горохъ пересыпаютъ; то ли дѣло, какъ ты запоешь: *«Liebes Schüflein! Du mein Jesu!»*

Матильда замолчала. Она слишкомъ почитала мать, чтобъ съ нею спорить, но чувствовала тоже, что и вразумить ее мудрено.

Урокъ Карла кончился, и Либрехтъ спросилъ у Матильды: не хочетъ ли и она чѣмъ нибудь заняться?

«Помилуйте, Г. Либрехтъ! куда мнѣ!... За брата Карла платитъ вамъ Анжелика, а за меня некому платитъ, да и на что мнѣ?»

—Всякое искусство можетъ доставить пользу, не дѣлая никогда вреда... А о платѣ нечего и говорить... Г-жа М. сама назначила мнѣ за Карла такую плату, что

я и за тронхъ здѣсь не беру, такъ совѣсть у меня все таки была бы спокойнѣе, если бѣ вмѣстѣ съ нимъ и вы, Матильда, стали учиться. Примитесь-ка... Можетъ быть и пригодится.»

«Да я очень рада... особливо, если вы будете ходить вотъ въ это время... когда я отдыхаю отъ работы....»

— Разумѣется! работа работою, а музыка для развлечения. Одно другому не должно мѣшать.

Они сѣли и принялись за скалы. Либрехтъ не говорилъ, что тайною дружиною его предложеній былъ Фальбергъ, который подъ секретомъ обязался и платить ему за уроки Матильды.

Въ это время смерклося, и мать поставила на фортепіаны двѣ восковыя свѣчи.... Это еще больше придадо ей охоты къ ученію, и Либрехтъ съ перваго раза сказалъ, что изъ ея голоса можно много выработать.

Когда ученье кончилось и Либрехтъ ушелъ, Карлъ занялся игрою на скрипкѣ, а женщины принялись за работу.

Такъ началась новая эра жизни для этого семейства! Съ той минуты, какъ лошади проѣзжей пѣвицы почему-то остановились передъ окнами этого дома, прошло только три дня, а въ немъ все перемѣнилось. Что остановило лошадей? Что заставило Анжелику взглянуть на Карла? Матеріалистъ скажетъ— *случай*, Мусульманинъ скажетъ— *судьба*, а я назову это таинственное дѣйствіе — *счастіемъ*... Да! счастіе *Карла*, а со временемъ мы увидимъ, что и другаго лица. Но не будемъ забѣгать впередъ.

«О чемъ съ тобою такъ долго разговаривалъ этотъ скверный старичишко?» спросилъ Карлъ у сестры, положивъ на столъ усталую скрипку.

— «Объяснялся мнѣ въ любви,» очень хладнокровно отвѣчала Матильда.

«Чего добраго! Онъ въ состояніи и на такую дерзость.... Только берегись онъ у меня. Я ему руки и ноги переломлю»

при первомъ нагомъ словѣ... Надѣюсь, что онъ больше не прійдетъ сюда!...»

— До завтра не прійдетъ.

«Какъ! въ самомъ дѣлѣ?... Ну, такъ я поутру же схожу къ нему, и попрошу его избавить себя отъ этого труда....»

— Вотъ мило! Да какое ты имѣешь право отбивать у меня жениховъ?... При томъ же этотъ милый старичокъ нанялся у Либрехта носить сюда по вечерамъ ноты, и мы не можемъ запретить твоему учителю брать съ собою кого онъ захочетъ....

«Ты все шутишь, Матильда.... А что скажутъ злые языки въ городѣ?...»

— Что Анжелика наняла тебѣ двухъ учителей... одного для музыки, а другаго для счетоводства....

«Съ тобою нѣтъ средства говорить.... Растолкуйте ей, мама, что намъ неприлично принимать Фальберга...»

— Другъ мой Карлъ! Неприлично дѣлать то, въ чемъ совѣсть можетъ упрекнуть.... А если у насъ нѣтъ дурныхъ помысленій....»

«У насъ-то ихъ нѣтъ, за то тѣмъ больше у другихъ....»

— Они и будутъ отвѣчать передъ Богомъ.... Я сама не люблю Фальберга.... но выгонять его изъ дома я не согласна.... Мы всѣ, кажется, можемъ другъ за друга поручиться, что никогда не поступимъ противу правилъ Вѣры и чести.... А бояться злыхъ помысленій дурныхъ людей не значить ли сознаваться, что мы слишкомъ слабы, чтобъ противостать ихъ искушеніямъ.

«Все такъ, мама... Да къ чему же поведетъ насъ это знакомство? Мы вѣдь давно убѣгали отъ него.»

«Но судьба насъ привела быть у него въ домѣ третьяго дня, и теперь неприлично отказывать ему. Пусть онъ походитъ, пусть добрые люди поговорятъ.... Если мы останемся по-прежнему честными и чистыми людьми, то Фальбергъ перестанетъ ходить, а люди говорить.»

«Дѣлайте какъ вамъ угодно, мама, сказала Карль, и поцѣловала у нея руку. А я все таки буду присматривать за этимъ старымъ волкомъ. Онъ давно грызетъ свои старые зубы на нашу глупую овечку, но здѣсь будетъ сторожить злая собака, которая его при первомъ покушеніи задушитъ...»

«У! какая трагедія! со смѣхомъ прервала его Матильда. Бѣдный Фальбергъ ужъ совсѣмъ не похожъ на волка; это скорѣе старый, беззубый медвѣдь, который готовъ плясать подъ твою музыку. Ему бы только погрѣться на солнышкѣ, такъ онъ и сча тливъ...»

«А скромная моя Матильда, вѣрно, почитаетъ себя солнышкомъ?..»

«Почемужъ и пѣть?... Братцу Карлу нужны знаменитыя солнца изъ столицъ, а здѣшнимъ старикамъ годится и провинціалка.»

Карль махнулъ рукою и перемѣнилъ разговоръ, прося мать сдѣлать ему нѣкоторыя покупки для пополненія его бѣлья.

«Смотри, Карль, отвѣчала мать. Не слишкомъ ли рано ты все это закупаешь? Добрыя намѣренія твоей Анжелки конечно ясны, но вѣдь и она можетъ встрѣтить неудачу, невозможность...»

«Если бъ она не слишкомъ увѣрена была въ своемъ влияніи на театральное начальство, то не оставила бы мнѣ такого значительнаго задатка въ счетъ будущаго жалованья.... Хотя она и богата, но все таки никто не любитъ бросать своихъ денегъ даромъ.»

Старуха покачала головою и замолчала. Видно было, что она вовсе не убѣждена, но только по любви къ сыну повинуется ему.

Такъ продолжалась жизнь этого семейства. Всякій день уроки Либрехта и вслѣдствіе дня посѣщенія Фальберга. Сперва весь городъ объ этомъ заговорилъ, шумѣлъ, но какъ день за днемъ прошли нѣсколько недѣль, а въ обзавѣ жизни этихъ

людей ничего не измѣнялось, то поболтали, поболтали, да и замолчали. Фальбергъ действительно выдерживалъ трудную свою роль платоническаго обожателя. Онъ только что глядѣлъ на Матильду, цѣловалъ ее руку два раза въ день, восхищался ея пѣніемъ, но о чувствахъ своихъ никогда не говорилъ ни слова. Душу его наполняла теперь другая, постоянная идея. Онъ непремѣнно хотѣлъ изъ Матильды сдѣлать *пльвицу*, и все предвѣщало ему, что успѣхъ превзойдетъ его ожиданія. Матильда, и до того уже знавшая хорошо музыку, очень легко поняла требованія специческаго пѣнія. Что-то невидимое, непостижимое подстрѣкало ее въ этихъ занятіяхъ, и она предалась имъ со всѣмъ жаромъ молодой души. Не оставляя домашнихъ своихъ работъ, она солѣдживовала во время шитья и на кухнѣ, проходила скалы главнши бѣлье, и дѣлала пассажи разливая кофе.

Такъ прошло два мѣсяца, а отъ Анжелки не было ни какого извѣстія. Карль начиналъ уже беспокоиться и ходилъ повѣсить голову; старуха начала уже уменьшать всѣ экстренные расходы, чтобъ привести ихъ въ прежнее положеніе; Либрехтъ началъ уже явно, гораздо болѣе заниматься Матильдою, нежели Карломъ, а Фальбергъ началъ уже что-то поговаривать о вѣтрости и хвастовствѣ столичныхъ жителей.... Какъ вдругъ, однажды, съ почты принесли, на имя Карла, огромный пакетъ за казенною печатью, и сверхъ того маленькое письмо. Разумѣется, Карль спѣшилъ прочесть маленькое. Оно было отъ Анжелки, которая уже воротилась въ Вѣну по другой дорогѣ. Съ лицомъ, сіяющимъ отъ радости, подалъ Карль матери это письмо, а самъ принялся за большой пакетъ. Мать прочла и передала его Матильдѣ, а та отъ чего-то вздохнула, и молча положила его на столъ по прочтеніи.

Карль былъ опредѣленъ Рипіанистомъ и помощникомъ капельмейстера Вѣскаго

Придворнаго Театра, съ жалованьемъ по шестисотъ талеровъ. Такого огромнаго богатства, семейство Каттель и во снѣ не видало!

Анжелика приказывала Карлу скорѣе прѣѣзжать. Она писала, что лучше ему одному сперва прѣехать, устроить себя, обзавестись, а потомъ уже перевезти мать и сестру, которымъ онъ можетъ до тѣхъ поръ высылать по нѣскольку талеровъ въ мѣсяцъ на поддержаніе хозяйства.

Тотчасъ же составился семейственный совѣтъ. Карлъ требовалъ мнѣнія матери, говоря, что только ея воля можетъ рѣшить это дѣло, а мать предоставила это на волю сына. Матильда взялась ихъ помирить, и съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ представила матери и брату, что совѣтъ Анжелики самый справедливый, и что Карлъ непременно долженъ сперва ѣхать одинъ. Почему именно этого хотѣлось Матильдѣ, въ этомъ вѣроятно и она сама не умѣла себѣ дать отчета, но по всему ясно было, что и Карлу мысль эта чрезвычайно нравилась. Мать слишкомъ была опытна, чтобъ не видѣть по лицамъ дѣтей своихъ, что они этого хотятъ, а какъ жизнь ея давно уже принадлежала дѣтямъ, то она вздохнувши и рѣшила, чтобъ Карлъ ѣхалъ одинъ въ Вѣну, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ непременно каждую недѣлю писать къ нимъ. Обрадованный Карлъ расцѣловалъ и мать и сестру, и тотчасъ же началъ приготовляться къ отъѣзду.

Карлъ получилъ вояжныхъ сто талеровъ, и изъ этой суммы могъ очень легко оставить своему семейству половину; но заботливая мать съ большимъ трудомъ согласилась взять тридцать талеровъ, боясь, чтобъ Карлъ не потерялъ въ чемъ нибудь недостатка. Сборы Карла продолжались очень не долго: на другой же день онъ былъ готовъ. Либрехтъ и Фальбергъ пришли къ нему проститься, и Карлъ почти шутя просилъ Либрехта продолжать иногда давать уроки Ма-

тильдѣ. Каково же было удивленіе всего семейства, когда онъ имъ объявилъ, что точно также всякій день будетъ ходить и заниматься съ одною Матильдою! Никто изъ нихъ не зналъ, что это было все не изъ великодушія съ его стороны. Всѣ, однако же, благодарили и обнимали его.

Наконецъ, сопровождаемый слезами матери и сестры и дружескими желаніями Либрехта и Фальберга, Карлъ уѣхалъ.

Грустно провели тотъ вечеръ мать и дочь. Только присутствіе двухъ друзей мѣшало имъ вполне предаться своей печали. Либрехтъ и Фальбергъ нарочно остались на весь вечеръ, чтобъ нѣсколько разсвѣять горестъ Матильды и ея матери.

Однообразно продолжалась теперь жизнь ихъ. Работа и музыка, а по вечерамъ посѣщеніе двухъ стариковъ. Одна радость ихъ состояла въ томъ, что Карлъ свято соблюдалъ давнее слово, и каждую недѣлю писалъ къ нимъ. Содержаніе писемъ было всегда пріятно. Карлъ былъ принятъ театральнымъ начальствомъ очень ласково; Анжелика тотчасъ же познакомила его со всѣми властями. Она же ему приготовила квартиру въ одномъ съ нею домѣ, и на очень выгодныхъ условіяхъ. Всѣ его хвалили, всѣ искали его знакомства, однимъ словомъ, онъ былъ вполне счастливъ... Но что касается до перевода своего семейства въ Вѣну, онъ просилъ и мать и сестру повременить нѣсколько. Осмотряся и разочтаясь, онъ нашелъ, что очень удобно можетъ присылать имъ по двадцати пяти талеровъ въ мѣсяцъ, а такую сумму они прежде цѣлый годъ жили. Матильда и мать покорились своей участи.

Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ продолжались уроки Матильды. Наступила зима, и письма Карла утѣшали мать и сестру, что весною онъ непременно за ними прѣѣдетъ, во время великаго поста. Дѣлать было нечего. Матильда продолжала учиться и восхищать Фальберга.

Вдругъ, однажды пришелъ къ нимъ Либрехтъ поутру, и необыкновенное это посѣщеніе удивило ихъ. Съ нѣкоторою неловкою торжественностію объявилъ онъ имъ, что намѣренъ сдѣлать имъ очень выгодное предложеніе. И мать и дочь усѣлись около него и приготовились слушать: «Вотъ, видите ли, мой любезныя Каттель, въ чемъ дѣло, сказалъ онъ. У меня есть въ Миланѣ знакомый каноникъ главной соборной церкви. Онъ приглашаетъ меня туда на нѣсколько недѣль, чтобъ дирижировать оркестромъ во время торжественныхъ дней. Мнѣ это очень выгодно... Но съ одной стороны мнѣ бы не хотѣлось бросить уроковъ Матильды, а съ другой самолюбію моему приятно бы было показать знатокамъ и большому свѣту такую славную ученицу, которую я образовалъ. Такъ я хочу вамъ предложить, чтобъ вы поѣхали со мною въ Миланъ, и чтобъ Матильда согласилась пѣть тамъ въ соборной церкви нѣсколько разъ въ концертахъ, во время торжественныхъ Богослуженій. Всѣ издержки вояжа туда и обратно беру я на свой счетъ, и за каждый разъ каноникъ обязуется ей платить *по ступи скуди*.... Это на наши деньги почти по восьмидесяти талеровъ. Какъ вы объ этомъ думаете?..»

И мать и дочь поглядѣли другъ на друга въ молчаніи, какъ бы взаимно спрашивая, что значить это предложеніе? Потому мать сказала въ полголоса.

«Я, право, не знаю, добрый мой Г. Либрехтъ.... Какъ думаетъ Матильда...»

«Я бы, мама, и не думавши обняла любезнаго моего учителя, въ знакъ согласія, отвѣчала Матильда съ живостію.... Но я боюсь...» и она остановилась.

«Чего же, милая Матильда?» спросилъ Либрехтъ.

«Боюсь, что не поправлюсь, что съ перваго раза скверно спую, что осрамлю себя и васъ....»

«Милая Матильда! Если бъ я не былъ свѣдѣль въ вашемъ искусствѣ и торже-

ствѣ, то и не предложилъ бы вамъ этого вояжа. Мнѣ, конечно, очень будетъ приятно, что вы этимъ средствомъ приобретете извѣстность и нѣкоторыя выгоды, но вы все таки чувствуете, что собственная моя слава для меня слишкомъ дорога, чтобъ рисковать ею... Притомъ же прежде публичнаго пѣдія у насъ будетъ множество репетицій, и вы во всякое время можете отказаться... и все таки ничего не потеряете, потому что я издержки вояжа беру на свой счетъ... Ну, подумайте же и рѣшитесь. Мнѣ сегодня надобно отвѣчать канонику для того, чтобъ онъ въ случаѣ вашего несогласія успѣлъ прискать себѣ другую *примадонну*....»

— Примадонну! вскричала съ невыразимую радостію Матильда.... А я буду пѣть партію примадонны?

«Да неужли я позволю вамъ пѣть *вторую* партію, или въ хорѣ? Хороша бы была для меня слава!»

— О! въ такомъ случаѣ, я рада хоть на край свѣта... Если мама согласна будетъ....

«Ты знаешь, другъ мой, отвѣчала мать со вздохомъ, что я готова на все, что можетъ тебѣ доставить удовольствіе и пользу... Только я бы думала... не спросить ли прежде совѣта и согласія Карла?..»

— Зачѣмъ же, мама? Вѣрно и онъ будетъ радъ, что *сестра* его будетъ *примадонна*....

«Притомъ же, добрая моя Г-жа Каттель, — прибавилъ Либрехтъ, время не терпитъ отлагательства.... Условія же кажутся довольно выгодны...»

«О Боже мой! сказала старуха, даже слишкомъ, и если бъ вы согласились... за то что все это время съ такимъ безкорыстіемъ и дружбою учили Матильду... принять половину изъ ея платы...»

«Да какъ вамъ не стыдно, Г-жа Каттель! Тутъ дѣло самолюбія, а не интереса... Притомъ же я, съ моей стороны, получу отъ каноника очень хорошую пла-

ту... Вся выгода на моей сторонѣ. Если у меня будетъ своя примадонна, то я всегда буду увѣренъ въ себя и оркестръ, а если на шею навяжется какой нибудь капризный диаволонокъ, то съ толку собьютъ и меня, и весь оркестръ... Ну, мама, соглашайтесь поскорѣе, да и по рукамъ... Право, будете довольны...»

«Могу ли не согласиться, когда должна еще благодарить васъ, добрый мой Г. Либрехтъ... Вы такъ дружески, такъ великодушно поступили...»

«Ну, объ этомъ не говорите!... Право, съ моей стороны во всемъ этомъ очень мало великодушія... Вы знаете нашу Нѣмецкую пословицу: *leben und leben lassen*... И такъ, я могу писать въ Миланъ?.. Благодарю васъ отъ всего сердца... Вечеру я принесу и музыку, которою намъ должно будетъ заняться... Ручку, мама... и вашу, Матильда...»

Но Матильда бросилась къ нему на шею, и обняла его.

Черезъ четыре дня они отправились въ Миланъ. Злые языки города замѣтили однако же, что Либрехтъ и обѣ Каттель поѣхали въ каретѣ Фальберга, и что старый банкиръ въ тотъ же день отправился вслѣдъ за ними въ Миланъ. Можетъ быть и читатель догадается, что все это была его выдумка, а Либрехтъ былъ просто кошкою, которая должна была доставать каштаны. Фальбергу непременно хотѣлось сдѣлать изъ Матильды *примадону*, но прежде чѣмъ пустить ее на сцену, онъ придумалъ доставить ей извѣстность концертнымъ пѣніемъ. — Не Либрехтъ, а онъ былъ знакомъ съ Миланскимъ каноникомъ, съ которымъ долго и переписывался на этотъ счетъ. Когда же все было условлено, то Либрехтъ долженъ былъ явиться и сдѣлать отъ себя Матильдѣ предложеніе.

Послѣ этого никого не удивлять ни карета его, доставшаяся Либрехту, ни отъѣздъ его вслѣдъ за ними.

У.
Это было въ 1799 году. Знаменитый годъ для Италіи! — Европа, потрясенная Французскою Пронагадою, умоляла Русскаго Императора о спасеніи. Онъ послалъ ей Суворова, и въ одну кампанію Италія была очищена. Сильнѣйшія крѣпости пали, три Французскія арміи были разбиты, и народы Италіи праздновали свое освобожденіе. Миланъ болѣе всѣхъ городовъ торжествовалъ победы Русскихъ. Въ стѣнахъ его былъ Суворовъ. Герой Стѣвера преклонилъ колѣни свои предъ Подателемъ побѣдъ въ Миланскомъ Соборѣ. Миланской депутаціи обѣщалъ онъ скорое освобожденіе Италіи отъ Французовъ, и всякая побѣда его была празднована въ Миланѣ со всѣмъ восторгомъ южнаго народа.

Къ этимъ-то торжествамъ явились Матильда и Либрехтъ — Въ трактирѣ, гдѣ они остановились, тотчасъ же, разумѣется, явился Фальбергъ, и рассказавъ имъ какую-то выдумку о своей поѣздкѣ въ Миланъ, пригласилъ ихъ занять вмѣстѣ съ нимъ очень хорошую и выгодную квартиру. Во всякое другое время Матильда отвергла бы подобное предложеніе, но здѣсь раздумье было не у мѣста. Жить въ трактирѣ, набитомъ Русскими и Австрійскими войсками — было гораздо безпокойнѣе и опаснѣе, нежели съ Фальбергомъ. Притомъ же, Либрехтъ не спросилъ и согласія своихъ дамъ, а тотчасъ же объявилъ, что велитъ перенести въ его квартиру всѣ чемоданы. — Къ вечеру уже всѣ наши путешественники сидѣли въ общей комнатѣ, и Матильда дѣлала репетицію, съ акомпаниментомъ прекраснѣйшихъ фортепианъ, которыя Фальбергъ заранѣе приготовилъ.

Во время этой репетиціи явился каноникъ Миланскаго Собора, и безъ церемоніи рекомендовался пріѣзжимъ. Физиономію каноника можно было назвать *обширымъ листомъ*. Прочтите любой романъ,

любую повѣсть, въ которыхъ есть подобное лицо, и оно вѣрно будетъ похоже на нашего новаго знакомца. Съ перваго взгляда, брошеннаго имъ на Матильду, онъ въ умѣ своемъ воскликнулъ, какъ известный каноникъ въ известной картинѣ: *o che bellezza!* — тотчасъ же подбѣжалъ къ ней, откровенно расхвалилъ ея прелестное лицо, и безъ церемоніи попросилъ что нибудь снѣтъ. Матильда повинувалась, краснѣя и трепеща.

Внимательно вслушивался каноникъ въ ея пѣніе... Живость Италіанской ея физиономіи выражала полный восторгъ, но онъ умѣлъ его воздержатъ до окончанія. — Тутъ только онъ вскопчилъ, захопалъ, закричалъ, забѣгалъ, и безъ церемоніи бросился обнимать Матильду, потомъ Либрехта, потомъ Фальберга, а наконецъ, для компаніи, и старуху. Последнее помирало его съ матерью, которой очень не нравились слишкомъ вольные приемы каноника.

«Эго золото! Эго брилліантъ! Эго неопыненное сокровище, кричалъ онъ! Она убьетъ всѣхъ пѣвницъ настоящихъ и будущихъ. *Viva la bella primadonna.* Я въ восторгѣ! Я безъ ума! Слушайте *Signora*...» Онъ остановился и взглянулъ на Фальберга, который догадался, что каноникъ забылъ ея фамилію и подсказалъ ему: Каттель!

«Каттель... Катле!... Фи! какое не благозвучное имя... Тотчасъ слышна *Nationa tedesca*... Нѣтъ! здѣсь этого нельзя... Да и быть не можетъ, чтобъ съ такимъ очаровательнымъ голосомъ вы были—нѣмка. Нѣтъ! клянусь — въ васъ течетъ Италіанская кровь!.. (Мать Матильды вспыхнула съ досады, но смолчала) — Безъ Италіанскаго имени васъ здѣсь не поймутъ, не оцѣнятъ... Вамъ надобно назваться Италіанскою фамилією... Напримѣръ... *Каттели*... *) Эго гораздо музыкальнѣе,

*) Авторъ не хотѣлъ ее назвать настоящицею, но каждый читатель догадается.

звучнѣе, пріятнѣе... Неправда ли?... Вы согласны!.. Я такъ донесу Архіепископу, и разслаблю всему городу. Повѣрьте, что самъ Суворовъ будетъ отъ васъ въ восторгѣ...

Италіанскій языкъ, какъ хорошіе часы; ужъ если завелъ ихъ, такъ онъ не оставится покуда вся пружина не сойдетъ. — И каноникъ нашъ говорить еще съ полчаса въ этомъ тонѣ; всѣхъ спрашивалъ и самъ за всѣхъ отвѣчалъ, хвалилъ мнѣніе каждаго, а не далъ никому слова сказать, и кончилъ тѣмъ, что опять всѣхъ перецѣловалъ (говорятъ, что Матильду горячѣе прочихъ), приказалъ ей готовиться къ завтрашней пробѣ въ присутствіи Архіепископа, и уѣхалъ.

Послѣ такого многословія, добрые Нѣмцы долго молчали и съ удовольствіемъ поглядывали другъ на друга. Наконецъ, торжествующая Матильда обняла мать, и подала руку Либрехту, говоря, что ему одному она за все это обязана.

«Ну, не столько, какъ вы думаете, отвѣчалъ Либрехтъ съ насмѣшливою улыбкою; взглянувъ въ это время на Фальберга, тотчасъ же прибавилъ: я хочу сказать, что вашъ талантъ былъ слишкомъ богатый матеріалъ, чтобъ изъ него не выработать чего нибудь. Впрочемъ, каноникъ человекъ знающій, но слишкомъ живой. Мы увидимъ какое впечатлѣніе произведете вы завтра на стариковъ и дилеттантовъ.»

«Вездѣ и для всѣхъ она будетъ прелестна,» сказалъ тихимъ голосомъ Фальбергъ, и самымъ сладкимъ образомъ взглянулъ на Матильду. Та поблагодарила его тѣмъ же, и старикъ былъ вѣдъ себя отъ радости.

Можно вообразить себѣ какъ безпокойно провела Матильда эту ночь. Ей снились каноники, епископы, Русскіе, Австрійцы и наконецъ самъ Суворовъ. Все это хаотическое собраніе слушало ея пѣніе, и ей казалось, что всѣ восхищались.

Полутру встала она всѣхъ раньше, и о-

кончивъ утренній свой туалетъ сѣла къ окну, чтобъ посмотреть на проходящихъ. Это безпрестанное движеніе на улицѣ было для нея новостью. Въ ея городѣ все было такъ тихо, такъ однообразно. Тамъ издали уже всѣ знали по стуку колесъ, кто ѣдетъ, или по звуку шаговъ, кто идетъ. Тутъ же мелькали передъ ея глазами образки всѣхъ Европейскихъ націй. Всего любопытнѣе было для нее видѣть — *казака*. Отецъ ея видалъ ихъ въ 7-ми-лѣтней Войнѣ, и наговорилъ ей много ужаснаго объ этомъ *народѣ*. И въ Италиі когда узнали, что въ Русскомъ войскѣ есть казаки, всѣ начали прятать отъ нихъ маленькихъ дѣтей, боясь, чтобъ казаки ихъ не съѣли. Вообще Русскіе солдаты очень занимали Матильду.

Въ это самое время проходилъ по улицѣ Австрійскій Гусарскій Полкъ. Полковникъ, облитый весь золотомъ, красовался на прекрасномъ конѣ своемъ. Нечаянно взглянулъ онъ на окно Матильды, и уже не хотѣлъ свести глазъ. Остановившись какъ бы для того, чтобъ видѣть порядокъ проѣзжающихъ гусаровъ, онъ впился взорами въ прелестную головку Матильды, которая, съ своей стороны, хоть и покраснѣла, продолжала однако же съ любопытствомъ смотрѣть на всадника. Тотъ повернулъ лошадь, поѣхалъ назадъ, какъ будто для распоряженій по заднимъ эскадронамъ, а въ самомъ-то дѣлѣ, чтобъ, воротясь, опять стать противъ окна Матильды, и еще разъ посмотреть на нее. На этотъ разъ гусарскій его смотръ надобѣл Матильдѣ, и она отошла отъ окна, однако же издали видѣла, какъ полковникъ осмотрѣлъ сосѣдніе дома и окна, чтобъ лучше послѣ узнать жилище прекрасной головки.

Къ завтраку собралось все общество, и Матильда рассказала всѣмъ, что видѣла Австрійскихъ гусаровъ и Русскихъ казаковъ.

«Я также ужъ не спалъ въ то время, какъ они проходили, сказалъ Фальбергъ,

бросая влюбленный взглядъ на Матильду. .. Это полкъ Князя Л.

Это была большая неосторожность со стороны стараго любовника. Онъ сказалъ ей имя молодого прекраснаго полковника, а это очень опасная вещь.

Послѣ завтрака начался туалетъ Матильды, и черезъ часъ всѣ четверо отправились къ Архіепископу. Каноникъ былъ уже тамъ, выбѣжалъ на лѣстницу, привалъ Матильду изъ кареты, и повелъ ее подъ руку. Все собраніе музыкальныхъ судей было уже въ полномъ засѣданіи, и Матильда подошла къ Архіепископу для принятія его благословенія. Онъ ей сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые отбѣчалъ за нее каноникъ и она отошла на свое мѣсто.

Начался концертъ, и Матильда съ замирающимъ сердцемъ услышала свой ригурнель, однакожь, тотчасъ же ободрясь начала свое *solo*. Зала была обширная и съ самымъ выгоднымъ *резонансомъ*. Голосъ Матильды еще болѣе выигрывалъ отъ этого обстоятельства, и способности ея развились совершенно. Торжество ея было полное, превышающее всѣ ожиданія, всѣ надежды. Всеобщее браво привѣтствовало ее, когда она кончила свою арію. Каноникъ подвелъ ее къ Архіепископу, и тотъ напечатлѣлъ на челѣ ея пастырскій свой поцѣлуй.

«Я не хотѣлъ вѣрить преувеличеннымъ похваламъ моего добраго каноника, сказалъ онъ Матильдѣ. .. Онъ иногда слышкомъ передается первому впечатлѣнію. Но на этотъ разъ вижу, что онъ еще мало хвалилъ васъ.... Признаюсь, я много слышалъ пѣвицъ, которыя были опытнѣе и искуснѣе васъ, но прекраснѣе, звучнѣе вашего голоса я еще не встрѣчалъ. Это истинная гармонія!... Говорятъ, что вы только *начинаете* свое музыкальное поприще... Послѣ того, что я слышалъ, не знаю, чѣмъ вы его *кончите*... Сколько я понимаю музыку, вы въ самомъ началѣ становитесь на степень первоклассной

пѣвицы... Очень буду радъ, если дебютъ въ нашихъ духовныхъ концертахъ поведетъ васъ къ Европейской извѣстности, а это непременно случится...»

Матильда, преклоня колѣно, принесла свою благодарность доброму старику. Послѣ него все собраніе спѣшило познакомиться съ новою примадонною, и общимъ рѣшеніемъ положено было не дѣлать много репетицій, а тотчасъ же заставить ее пѣть, покуда Суворовъ въ Миланѣ. Въ заключеніе Архіепископъ подозвалъ каноника, и спрося его о цѣнѣ какую условились платить Матильдѣ, приказалъ ему прибавить еще сто скуди, и объявивъ объ этой милости примадоннѣ, благословилъ ее и отпустилъ.

И въ каретѣ, и по прїѣздѣ домой, Матильда, со слезами радости на глазахъ, не переставала благодарить Либрехта за его великодушное образованіе ея таланта. Доброму Нѣмцу наконецъ наскучили эти незаслуженныя похвалы, и когда Фальбергъ ушелъ къ себѣ, Либрехтъ открылъ и матери и дочери, что онѣ всемоу должны старому банкиру.

Объ погрузились въ минутную задумчивость при этомъ открытіи, потомъ объ взглянулись между собою, и обнялись... Дѣло было сдѣлано, теперь уже невозможно отказываться отъ благодѣтельной дружбы Фальберга. Взявшись за руки, пошли онѣ объ въ комнаты старика, и со слезами на глазахъ начали обнимать его, упрекая за скрытность и хитрость. Какъ пойманный воръ стоялъ передъ ними Фальбергъ, и не отвѣчая ничего, цѣловалъ только руки обнихъ.

«Чѣмъ мы вамъ заплатимъ, когда нибудь за эти благодѣянія?» сказала мать.

«Вашею дружбою и славою прелестной Матильды,» отвѣчалъ старикъ.

«Послушайте, добрый Г. Фальбергъ. За все добро, которое вы намъ сдѣлали, позвольте мнѣ, какъ матери, быть откровенною.... Вы поступили слишкомъ благородно и великодушно, чтобъ предпола-

гать въ васъ какія нибудь намѣренія и планы, не достойные васъ и насъ. У насъ въ городѣ всѣ злые языки говорили, что вы влюблены въ Матильду, и теперь, когда всѣ узнаютъ, что вы для насъ столько добра сдѣлали, всѣ будутъ въ правѣ думать и Богъ знаетъ что...»

«Помилуйте, любезная Г-жа Каттель... Какъ можно слушать клеветниковъ!... И впрочемъ, если вы такъ откровенны со мною, то почему же и мнѣ не признаться, что я въ самомъ дѣлѣ люблю прелестную Матильду. Когда я въ первый разъ пришелъ къ вамъ, то осмѣлился сказать объ этомъ ей самой, и въ то же время объявилъ, что больше ничего не хочу, какъ позволенія видѣть ее всякій день. Она позволила, и можетъ подтвердить, что съ тѣхъ поръ я не сказалъ ей ни слова, которое бы могло заставить ее краснѣть. И теперь повторяю, что я самый счастливый человекъ, видя, что мои старанія были успѣшны, но за все это тоже повторяю, что мнѣ больше ничего не нужно, какъ ваша дружба, ея слава и позволеніе видѣть всякій день Матильду. Если бъ я былъ моложе, то предложилъ бы ей мою руку, имѣніе и жизнь... но я не хочу губить прекраснѣйшаго цвѣтка природы, пересадивъ его въ замерзлую землю. Пусть она найдетъ себѣ достойнаго мужа, и я буду доволенъ, что устроилъ ее счастье... А если ей будетъ нуженъ когда нибудь вѣрный, вѣрный другъ, то я готовъ посвятить ей всю мою жизнь.»

Что было отвѣчать на подобныя слова? И мать и дочь подали ему руки, которыя онъ покрылъ поцѣлуями.

Съ тѣхъ поръ, Фальбергъ сдѣлался уже всегдашнимъ провожатымъ Матильды, которая день ото дня болѣе привыкала къ нему и къ его молчаливой любви.

На другой день произошелъ первый дебютъ Матильды, и весь Миланъ былъ безъ ума отъ новой примадонны. Всѣ бѣ.

жали за ея каретою, когда она ѣхала домой, и кричали: *viva la primadonna!*

Вечеру былъ балъ у Графини С., на который приглашена была и Матильда. Тамъ увидѣла она знаменитаго Суворова, и должна была пѣть передъ нимъ. Но Великій Полководецъ послушалъ, похлопалъ, похвалилъ и сказалъ, что въ Италіи, онъ, конечно, ничего лучше не слышалъ, но что въ Россіи знаетъ однако же какую-то Матрону Михайловну, которая гораздо съ большимъ чувствомъ поетъ: *При долинушкѣ стояла*. За то всѣ прочіе были безъ ума отъ Матильды; особливо одинъ гусарскій полковникъ не отходилъ отъ нея. Это былъ Князь Л., тотъ самый, который наканунѣ поутру такъ пристально всматривался въ нее у окна. Оба они узнали другъ друга съ перваго взгляда, и покраснѣли. Разговорясь съ нею, онъ узналъ, что у нея есть братъ, который живетъ въ Вѣнѣ и служитъ въ Придворномъ Театрѣ.

«Почему же вы туда не ѣдете? спросилъ Князь. Позвольте, какъ соотечественнику вашему, упрекнуть васъ: такой превосходный талантъ какъ вашъ, вы посвящаете Италіи, а свое отечество лишаете высочайшаго удовольствія слышать такую прелестную пѣвицу...»

—Вы очень милостивы, Князь, отвѣчала Матильда.... Но я еще дебютантка, а тамъ есть знаменитая примадонна....»

«Я не отнимаю достоинства у Анжелики М., но безъ малѣйшей лести увѣряю васъ, что вы въ этомъ художническомъ соперничествѣ отнюдь не проиграете....»

—Какъ можно, Князь! Да меня тамъ никогда не допустить до дебюта, не только до ангажемента.... Анжелика, кромѣ своего высокаго таланта, пользуется очень сильными протекціями....»

«Ну, на этотъ счетъ вы можете быть увѣрены, что на вашей сторонѣ явятся гораздо больше истинныхъ любителей изящнаго.... Я скоро поѣду въ Вѣну, и если бъ вы мнѣ позволили дѣйствовать

въ вашу пользу, то смѣло отвѣчаю, что вы тотчасъ же получите приглашеніе отъ Придворной Дирекціи....»

—Я, право, не смѣю, Князь... я еще такъ неопытна....»

«Вы меня приведете въ отчаяніе, если не примете моей услуги. Это будетъ истинное похищеніе у національной славы.... Если вы истинная Германка, то не должны колебаться....»

—Патріотизмъ скорѣе всего убѣдилъ бы меня, но я боюсь....»

«Или вамъ непріятно только то, что я буду хлопотать объ этомъ,» прибавилъ онъ тихо, глядя на нее страстными глазами.

Матильда вся вспыхнула, и опрометчиво отвѣчала: О! напротивъ! Князь схватилъ ея руку, поцѣловалъ и тотчасъ же отошелъ, тихо сказавъ: этого довольно. Я самый счастливый человекъ.

Послѣ этого разговора, она почувствовала какое-то стѣсненіе въ груди, и при первой возможности уѣхала домой.

Дорогою Фальбергъ дружески спросилъ у нея: о чемъ она разговаривала съ Княземъ Л. Матильда откровенно все ему рассказала (разумеется, кромѣ стѣсненія въ груди).

«Послушайте, добрая моя и несравненная Матильда! сказалъ онъ ей. Вы знаете, что я васъ люблю больше всего на свѣтѣ... но не эта причина, не низкая ревность заставила меня спросить у васъ о предметѣ разговора. Мой долгъ, предостеречь васъ... я вашъ вѣрный, искреннѣйшій другъ, и умеръ бы съ отчаянія, если бъ вы отдали свое сердце недостойному человеку. Я знаю Князя. Онъ слишкомъ извѣстенъ въ Вѣнѣ своими любовными похождениями. Moda, богатство и молодость извиняють его, но много несчастныхъ жертвъ проливають черезъ него горькія слезы. Многихъ дѣвушекъ онъ уже обманулъ и бросилъ.»

«Можете быть увѣрены, любезный другъ, съ достоинствомъ отвѣчала Матильда, что меня не такъ легко обма-

нать... Если бъ я и безъ ума полюбила вашего блистательнаго Князя Л., то при малѣйшемъ оскорбительномъ предложеніи, съ презрѣніемъ выгнала бы его.»

Фальбергъ съ восторгомъ поцѣловалъ ея руку, и замолчалъ.

Съ этого дня началось знаменитое поприще Матильды. Пронѣвъ шесть условныхъ разъ въ духовныхъ концертахъ, она не только обворожила весь Миланъ, но слава ея распространилась и по всей Италіи. Всякій день должна она была пѣть въ аристократическихъ собраніяхъ, и приводила всѣхъ въ восторгъ. Миланскій импресаріо первый явился къ ней, и предложилъ ей ангажементъ на весь карнавалъ, но она отказалась, а приняла только временное условіе на шесть дебютовъ.

Тутъ впервые она вступила въ театральнй міръ, и очарованіе ея исчезло. Зависть и низкія интриги посредственности встрѣтили ее съ перваго шага, и надобно было имѣть всю ея любовь къ искусству, чтобъ не отказаться отъ дебютовъ. За то пріемъ публики вполне вознаградила ее. Это было какое-то изступленіе, къ которому способны одни Италіяны. Ее засыпали цвѣтами и кошельками. Ей не дали сѣсть въ карету, а понесли на рукахъ, при громѣ тысячи восклицаній. А когда ее принесли домой, толпа цѣлые два часа не отходила отъ ея оконъ, и безпрестанно *вызывала* ее, чтобъ еще разъ прокричать: *viva la bella primadonna!*

— Еще не кончились и первые шесть дебютовъ, а импресаріо удвоилъ цѣну и предложилъ еще шесть дебютовъ. Она приняла, и когда публика узнала объ этомъ, то сцены радостнаго изступленія опять повторились. Никогда еще пѣвица не имѣла подобнаго успѣха съ перваго шага своего на поприще.

Вдругъ, однажды поутру, принесли ей пакетъ изъ Вѣны. Тайное предчувствіе говорило ей, что онъ содержитъ Князя Л.

посылалъ ей офиціальное приглашеніе Вѣнской Придворной Дирекціи на шесть дебютовъ, съ платою по пятидесяти червонныхъ за каждый, съ бенефисомъ и съ воляжными деньгами. Собственное при этомъ письмо Князя было очень любезно и учтиво.

Матильда подала его Фальбергу, и тотъ, прочтя, пожалъ только плечами.

«Я не могу и не смѣю васъ отговаривать, сказалъ онъ ей. Вы позволили Князю х опотать объ этомъ, и я увѣренъ былъ, что онъ успѣетъ все сдѣлать. Но увѣренъ также и въ томъ, что онъ заранѣе считаетъ васъ своею жертвою. Побѣждайте, милая Матильда. Васъ зовутъ именемъ отечества, а Германскъ это слово должно быть свято. Побѣждайте... я буду за васъ молиться.»

«Это что значить, вскричала Матильда! Развѣ вы уже хотите оставить меня? Развѣ забыли свои клятвы? Развѣ я сдѣлалась недостойною вашей дружбы? Нѣтъ, добрый мой другъ! Или вмѣстѣ поѣдемте, или я тотчасъ же откажусь.»

Влюбленный старикъ бросился цѣловать руки Матильды, которая заплакала и обняла его.

Противъ этого убѣжденія нельзя было устоять. По окончаніи Миланскихъ дебютовъ, Матильда отправилась въ Вѣну, провожаемая цѣлымъ городомъ. И Любрехтъ долженъ былъ съ нею ѣхать.

Давно ли онъ везъ въ Миланъ, по этой же дорогѣ, неизвѣстную дѣвушку, которую училъ въ провинціальномъ городкѣ, и былъ ея протекторомъ? Теперь уже она была главнымъ свѣтиломъ, а онъ самымъ скромнымъ спутникомъ. Теперь она его брала съ собою въ Вѣну, обнадеживая, что если сама будетъ ангажирована, то непременно достанетъ мѣсто и ему. А Фальбергъ? Онъ весь купался въ лучахъ этого солнца. Давно ли онъ, какъ старый волокита, ѣздилъ мимо ея оконъ, чтобъ бросить на нее страстный взглядъ; теперь она его везла съ собою, какъ

старую мебель, къ которой привыкла и безъ которой не могла обойтись.

Такъ вотъ и хочется опять поумничать надъ словомъ *счастіе*... но вѣдь это ни къ чему не поведетъ... А право, если бъ въ 1-й главѣ повѣсти лошади не остановились... Винавать!... *Sapientia*.

VI.

Когда Матильда пріѣхала въ Вѣну, то при выходѣ изъ кареты, ее уже ожидалъ Князь Л. и требовалъ, чтобы она не оставалась въ трактирѣ, говоря, что для нее приготовлена квартира въ лучшей части города. Матильда смутилась и отвѣчалъ, что она ни отъ кого не можетъ принять подобнаго одолженія.

«Да это вовсе не одолженіе, и ни какое особенное лицо тутъ не участвуетъ, возразилъ Князь. Это Дирекція Придворнаго Театра вамъ наняла по требованію всѣхъ любителей музыки... Вотъ вамъ и объявленіе отъ Директора.»

Матильда прочла поданную Княземъ бумагу, и передала ее Фальбергу. Тотъ пожалъ плечами и отвѣчалъ, что нельзя отказываться отъ милостей Дирекціи.

Тутъ только обратилъ Князь вниманіе на Фальберга.

«Кто этотъ господинъ? спросилъ онъ тихо у Матильды... Вѣрно вашъ дядюшка, или опекунъ?..»

«Нѣтъ! это мой другъ и благодѣтель, которому я обязана моимъ музыкальнымъ образованіемъ...»

«А! это дѣло другое, сказалъ Князь съ насмѣшливою улыбкою... И онъ вездѣ съ вами ѣздитъ.. и будетъ вмѣстѣ жить на этой квартирѣ?..»

«Еслибъ онъ не согласился ѣхать со мною, то я бы отказалась отъ предложенія здѣшней Дирекціи, и не поѣхала бы въ Вѣну...»

«А! теперь понимаю! сказалъ Князь, и сдѣлавъ пренизкій поклонъ Фальбергу.

Князь Л. проводилъ карету Матильды до новаго ея жилища, и учтивость требовала пригласить его. Это былъ великолѣпный бель-этажъ, меблированный самымъ роскошнымъ образомъ. Матильда очень хорошо чувствовала, кому она всѣмъ этимъ обязана; но старалась не подать и малѣйшаго вида, что чувствуетъ особенную благодарность къ Князю Л.

Не прошло и четверти часа послѣ ея пріѣзда, какъ въ залу воѣхалъ Карлъ.

«Что все это значить? вскричалъ онъ, цѣлуя руку у матери. Гдѣ вы? у кого? Какимъ образомъ очутились въ Вѣнѣ?... Вы вѣдь мнѣ писали, что ѣдете съ Либрехтомъ въ Миланъ!...»

Много труда стоило растолковать ему все случившееся съ тѣхъ поръ. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что сестра его и пѣвица Кателли, о которой всѣ газеты столько прокричали въ послѣднее время, было одно и то же лицо. Изумленіе его все болѣе и болѣе возрастало во время разказа. Между тѣмъ, онъ самымъ подозрительнымъ образомъ взглядывалъ на Фальберга, котораго попеченію и мать и дочь приписывали все свое счастіе. Только присутствіе Князя Л. мѣшало ему требовать подробнѣйшихъ объясненій. Все это казалось ему загадочнымъ, непостижимымъ. Онъ безпрестанно поглядывалъ на сестру, на великолѣпную меблировку комнатъ, на Фальберга, на мать, на Либрехта — и искалъ въ умѣ своемъ тайной разгадки всего случившагося. Напрасно; Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ идеи его становились запутаннѣе. Одна Матильда понимала его тайныя мысли, но вовсе не хотѣла оправдываться, потому что не въ чемъ было.

Наконецъ Князь Л. уѣхалъ, сказавъ, что завтра поутру привезетъ къ Матильдѣ Директора, который проситъ позволенія сдѣлать ей визитъ.

—Но это былъ бы мой долгъ, отвѣчалъ Матильда...

«Да! еслибъ вы были ничтожный, вто-

рокласный талантъ... Но съ вашимъ дарованіемъ, онъ долженъ быть у вашихъ ногъ. И я для вашей же пользы предупреждаю васъ, не балуйте этотъ народъ. Всѣ эти директоры-impresario ужасные деспоты съ тѣми артистами, которымъ до нихъ нужда, но какъ скоро они сами имѣютъ въ комъ нибудь нужду, то листъ перевортывается, и они въ свою очередь покорнѣйшіе слуги артистовъ. Вы на такой степени, что всякая сцена въ Европѣ почтетъ себя счастливою обладать подобнымъ сокровищемъ, такъ не Директоръ вамъ, а вы ему должны предписывать условія.»

Когда Карль остался одинъ съ своимъ семействомъ, то возобновилъ свои распросы, но съ каждымъ отвѣтомъ сестры онъ болѣе и болѣе видѣлъ, что это ужъ не та покорная и тихая Матильда, которая боялась малѣйшаго упрека своего брата, а какое-то самостоятельное существо, которое скорѣе готово повелѣвать, нежели повиноваться. Онъ прекратилъ вопросы и погрузился въ глубокую задумчивость, изъ которой только ласки матери въ состояніи были извлечь его.

Не слишкомъ заботясь о братѣ, который встрѣчалъ ее такимъ образомъ, Матильда сказала Либрехту, что намѣрена заняться музыкою—и тотъ тотчасъ же сѣлъ къ фортепіану

Не смотря на очень жаркій и занимательный разговоръ, который Карль имѣлъ въ это время съ матерью, онъ однако же остановился при первыхъ звукахъ Матильдина голоса. Это точно былъ ея голосъ, однако же вовсе другой. Карль не вѣривъ ушамъ своимъ, не постигалъ этого чуднаго превращенія. Хитрая же Матильда, съ своей стороны, кажется, употребила всѣ пружины души и искусства, чтобъ удивить брата. Дѣйствительно, онъ былъ внѣ себя отъ изумленія и восторга. И тутъ только Матильда была совершенно оправдана въ его умѣ. Теперь только онъ ясно понялъ, что съ такимъ талан-

томъ можно было пріобрѣсть и громкую славу, и великолѣпную квартиру.

Когда она кончила, онъ бросился къ ея ногамъ, схватилъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ ее.

«Виновать, виновать, моя Матильда! вскричалъ онъ...»

Матильда упала въ его объятія и зарыдала, тихо прошептавъ: злой человѣкъ! Какъ ты меня огорчилъ!»

Тѣмъ кончились всѣ объясненія. Черезъ полчаса Карль сдѣлался уже наилучшимъ другомъ Фальберга—и вполнѣ былъ счастливъ. Тогда онъ разсказалъ имъ собственную свою жизнь. Она была не блистательна, но спокойна и обезпечена. Онъ былъ по прежнему скрипачемъ въ оркестрѣ и помощникомъ капельмейстера, имѣлъ кромѣ того въ городѣ много уроковъ, и будучи часто приглашаемъ въ музыкальные собранія, получалъ за все это изрядный доходъ.

До этой минуты еще никто изъ присутствующихъ не спросилъ его объ Анжеликѣ, и всякій имѣлъ на это особенную причину. Наконецъ Фальбергъ коснулся и до этой щекотливой точки. Карль немножко покраснѣлъ, но вдругъ ударивъ себя по лбу вскричалъ:

«Ахъ, Боже мой! вѣдь я, уходя къ вамъ, обѣщаль привести къ ней на вечеръ Матильду и Г. Фальберга... Поѣдешь ли ты, Матильда?...»

—Вотъ еще! отвѣчала сестра съ маленькою гримасою... я съ дороги, и устала.. Лучше съѣзди къ ней и попроси ее ко мнѣ.

Карль задумался на минуту, потомъ всталъ и взявъ шляпу, сказалъ: «Хорошо! Если у нее нѣтъ гостей... я увѣренъ, что она пріѣдетъ... Если же ей нельзя, то и я ужъ до завтра васъ не увижу. Прощайте!...»

Тутъ онъ расцѣловалъ всѣхъ и ушелъ. Онъ однако же не воротился.

На другое утро, лишь только Матильда успѣла окончить свой утренній туа-

летъ, какъ ей *доложили* о прїѣздѣ Князя Л. и Директора Б. Съ перваго взгляда Директоръ былъ обвороженъ красотою Матильды. Князь Л. поддерживалъ очень искусно это расположеніе самыми тонкими похвалами, и въ заключеніе просилъ Матильду что нибудь сдѣлать, въ угожденіе новому ея начальнику. Позвали Либретта, посадили за фортепiano, и Матильда пропѣла Директору ту же самую арію, которая вчера такъ тронула Карла. Видно, она хорошо знала человѣческое сердце. Дѣйствіе было точно такое же. Директоръ былъ въ восторгѣ, и похваламъ не было конца. Тотчасъ же занялись составленіемъ репертуара, и Директоръ былъ согласенъ на все.

Когда эта офіціальная работа была окончена, то Князь Л. попросилъ у Матильды завтрака.

«Мы такъ устали съ Директоромъ отъ важныхъ дѣлъ, сказалъ онъ, позвольте подкрѣпить наши силы.»

Тотчасъ же все было потребовано, и въ залу явились мать Матильды, Карль, пришедшій въ это время, и Фальбергъ. Матильда всѣхъ ихъ рекомендовала Директору, и Карль видѣлъ себя въ первый разъ на такой дружеской ногѣ съ своимъ начальникомъ, который до тѣхъ поръ едва зналъ его въ лицо.

Во время завтрака Князю Л. принесли записку, и онъ прочтя ее, подалъ Матильдѣ. Это была просьба Барона Тугута привезти *знаменитую примадонну* къ нему въ тотъ день на вечеръ. Разумѣется, Матильда просила Князя написать, что она почтетъ за счастье и проч., что въ этомъ случаѣ говорится.

«А я за вами ввечеру заѣду,» сказалъ Князь, отправя записку.

—Зачѣмъ же вамъ беспокоиться! отвѣчала Матильда покраснѣвъ.. я возьму съ собою *брата*... Г. Баронъ вѣрно позволитъ...»

«Разумѣется... но вѣдь вы не знаете ку-

да и когда ѣхать... Мы всѣ трое вмѣстѣ поѣдемъ.»

Противъ этого нельзя было возражать, и Матильда благодарила Князя. Директоръ откланялся, говоря, что онъ ввечеру увидится съ нею у Барона, и оба они уѣхали.

«Что ты сдѣлала, Матильда! сказалъ ей Карль съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ. Ты сказала, что я поѣду съ тобою къ Барону Тугуту.. а мнѣ надобно сегодня ввечеру провожать Анжелику на балъ къ Прусскому Посланнику...»

—Она можетъ и одна ѣхать, холодно отвѣчала Матильда. О ней нѣтъ ничего не скажетъ, а мнѣ ѣхать одной нельзя. Всего приличнѣе *брату* быть провожатымъ и защитникомъ сестры... Впрочемъ, я тебя не принуждаю... какъ хочешь.. я могу отказаться.. я сейчасъ напишу записку...»

«Что ты! развѣ это можно? Первое лицо въ Государствѣ, и ты хочешь... Нѣтъ, нѣтъ! я побѣгу сейчасъ къ Анжеликѣ, упрошу ее... какъ нибудь улажу... Она сама почувствуетъ, что я тутъ ни въ чемъ не виновата...»

«А что же вы съ нею вчера не пожаловали?...»

«Нельзя было... У нее было много гостей...»

«А сегодня, а теперь?...»

«Послушай, душечка, Матильда... Вѣдь лучше бы *тебѣ* сдѣлать ей первый визитъ. Вспомни, какъ она добра къ намъ была въ нашемъ городѣ... Вѣдь я ей всѣмъ обязана...»

«Да! ты, а не я... Она добра была къ *тебѣ*, а не къ *намъ*. Она велѣла учить тебя, а не меня... Зачѣмъ же я къ ней поѣду?... Я также *примадонна*, какъ и она...»

«Ну, еще не такая же, другъ мой... Ея Европейская слава...»

«Ужъ такъ давно гремить, что всѣ устали слушать. Можетъ быть, и я, въ

свою очередь, приобрѣту не меньше извѣстности....»

«Приобрѣтешь.... я въ этомъ увѣренъ, но это еще будущее, а теперь учтивость требуетъ...»

«Учтивость требуетъ не показывать своего превосходства. Она великая пѣвица, и потому-то должна бы быть снисходительною.... Но по всему видно, что она актриса, и слѣдственно завистлива. Фн! я этого отъ нея не ожидала....»

«Помилуй! Завидовать ей и тебѣ! Ты несправедлива... Развѣ высшій талантъ завидуетъ начинающему...»

«Завидуетъ.... Онъ боится, чтобъ начинающій съ нимъ не сравнился, и радъ задушить его въ зародышѣ. Я ужъ много кое-чего видѣла и испытала въ Миланѣ. Хочешь ли объ закладъ биться, что твоя знаменитость будетъ интриговать противъ меня всѣми силами, чтобъ я не играла ея ролей....»

«Никогда! Что ей за дѣло до твоихъ дебютовъ? Развѣ ты похитишь ея славу?....»

«Нѣтъ! но я могу раздѣлить ее, а этого актриса никогда не прощаетъ... Вспомни мои слова, ты увидишь....»

Она не кончила фразы, въ комнату вошла Анжелика. Всѣ изумились, однако же снѣжили принять ее со всевозможною ласковостію и услужливостію. По всему было видно, что великолѣпное убранство комнаты сдѣлало на Анжелику самое сильное впечатлѣніе. Карлъ же замѣтилъ на лицѣ ея слѣды душевнаго волненія. Впрочемъ, она нѣсколько времени притворялась, разговаривала о незначущихъ предметахъ, шутила, смѣялась, но наконецъ приступила къ настоящей цѣли своего пріѣзда.

«Ахъ, милая Матильда! Сейчасъ заѣзжалъ ко мнѣ директоръ Б. Онъ говорилъ, что былъ у тебя.... Вы съ нимъ условились на счетъ твоихъ дебютовъ....»

«Да! съ равнодушіемъ отвѣчала Ма-

тильда. Ему непременно хотѣлось, чтобъ я играла Церлину, Сусанну....»

«Да вѣдь, душечка, это мои роли....»

«Ну, такъ что жъ? вѣдь это только для дебютовъ.... я здѣсь вѣроятно не останусь....»

«Конечно.... Но я ужасно удивилась.... Признаюсь, даже мнѣ досадно было.... Даже между незнакомыми пѣвицами всегда водится обычай, чтобъ дебютантка просила сперва согласія главной примадонны, сыграть нѣсколько ролей изъ ея репертуара....»

«Я еще худо знаю обычай театра, милая Анжелика.... Да и мое ли это дѣло? Директоръ предлагаетъ роли, значитъ онъ имѣетъ на это право. Такъ ужъ вся претензія должна пасть на него, а не на меня....»

«Конечно, а все бы лучше было посоветоваться сперва со мною.... Ты знаешь, что я всей душой люблю ваше семейство... и вѣрно добра тебѣ желаю....»

«Очень благодарна, милая Анжелика... Но я вчера пріѣхала... а сегодня поутру былъ у меня директоръ.... Не могла же я ему сказать: погодите, я посоветуюсь съ вашею главною пѣвицею?....»

«Директоръ, конечно, жетъ.... онъ мнѣ сказалъ, однакоже, что это былъ твой выборъ, а не его....»

«Совсѣмъ нѣтъ! Я ему подала реестръ твоихъ ролей, которыя я играла въ Миланѣ, а онъ отмѣтилъ тѣ, которыя бы желалъ, чтобъ здѣсь были играны....»

«Напрасно!... Я ему должна была объявить, что это сдѣлано безъ моего вѣдома и согласія, и что я протестую противъ этого.... Онъ хотѣлъ переговорить съ тобою...»

«Напрасно! Я тутъ ни одной буквы не переменяю... Впрочемъ, мы съ нимъ увидимся ввечеру у Барона Тугута, и Карлъ передастъ вамъ его рѣшеніе.»

«Карлъ?»

«Да, милая Анжелика.... сказалъ Карлъ въ совершенномъ смущеніи.... Матильда

приглашена къ Барону Тугуту... Ей не съ кѣмъ ѣхать... Дѣвушкѣ нельзя одной, и она объявила Князю, что я буду ея провожатымъ....»

«Вотъ что!.. съ гордостію и досадою сказала Анжелика. Да у васъ здѣсь удивительныя дѣла дѣлаются. Матильда, въ пять мѣсяцевъ, не только успѣла сдѣлаться примадонною и приворожить себѣ богатаго банкира, но и познакомилась со всею знатію... Это не дурно... Князь Л. очень выгодное знакомство....»

Это была такая выходка, которую Пѣмецкіе романисты называютъ *лонгусшею бомбою*. Все собраніе вспыхнуло и хотѣло нагрянуть на Анжелику. Одна Матильда сохранила повидимому все равнодушіе, и холодно отвѣчала:

«До сихъ поръ это еще только *притворное* знакомство... Но когда я поучусь у заѣзжихъ примадоннъ, то, можетъ быть, узнаю и выгоды, какія получаютъ здѣсь отъ Князя Эстергази и компаніи.»

Это была бомба за бомбу, и Анжелика не выдержала. Лицо ея побагровѣло; она вскочила и съ видомъ величайшаго презрѣнія сказавъ сквозь зубы: неблагогодарная дѣвчонка! вышла поспѣшно изъ комнаты, и уѣхала.

«Что ты сдѣлала, Матильда!» вскричалъ Карль въ совершенномъ отчаяніи.

«Дала отвѣтъ на вопросъ, сказала сестра съ равнодушіемъ... Неужели ты лучше хотѣлъ, чтобъ она обидѣла твою сестру?...»

«Кто тебѣ говоритъ объ этомъ!... Если бъ ты не сдѣлала ей такого злаго отвѣта, то я бы самъ заставилъ ее замолчать... А все таки, это ужасно. Ты себѣ наживешь теперь бездну враговъ... А я... я просто погибъ... Вѣдь я только черезъ ея протекцію и держался...»

«А теперь будешь держаться черезъ мою протекцію... Впрочемъ, что бы ни случилось, я себя ни въ чемъ не могу обвинять... Не я начала ссору...»

«Да я-то... что теперь буду дѣлать?...»

«Ступай къ ней, помирись, пожалуй, въ ея удовольствіе побрани меня, но все-черу будь непремѣнно у меня...»

Послѣ минутной нерѣшимости, Карль ушелъ. Несчастный видѣлъ себя между двухъ огней... да еще какихъ! женскихъ, театральныхъ!

Когда онъ ушелъ, Фальбергъ подошелъ къ Матильдѣ, и цѣлуя ея руку, сказалъ ей, что она прекрасно поступила.

«Мнѣ грустно, прибавилъ онъ, что я не имѣю права за васъ вступиться; но признаюсь, я готовъ былъ забыться, когда она осмѣлилась васъ оскорбить. Чувствую, что мое положеніе день ото дня становится страннѣе. Эта сцена открыла мнѣ глаза. Я, можетъ быть, первою причиною, что эти люди смѣютъ объ васъ дурно думать. Такъ и быть! надо это все кончить. Можетъ быть, я и умру съ тоски, переставши васъ видѣть, но я исполню мой долгъ. Сейчас же пойду и сыщу себѣ особую квартиру.»

Матильда задумалась на минуту. Въ самомъ дѣлѣ, Фальбергъ игралъ очень незавидное лице. Надобно было имѣть всю его безпредѣльную страсть къ Матильдѣ, чтобъ не показаться самому себѣ смѣшнымъ. Въ чужомъ домѣ, между чужими людьми, съ молодою дѣвушкою, съ актрисою, жить, спать подъ одною крышею, ѣздить съ нею, выдерживать всѣ любопытные взгляды, не смѣть заступаться за нее, когда ее кто оскорбляетъ!... Это было самое странное положеніе. Сама Матильда это чувствовала, но она такъ привыкла къ фizioноміи Фальберга, что ей было безъ него скучно. Притомъ же, она ему была всѣмъ обязана, и это чувство было для нее самымъ священнымъ долгомъ.

«Послушайте, добрый мой Фальбергъ, сказала она ему самымъ нѣжнымъ голосомъ. Ваша рѣшимость ни къ чему не ведетъ,

а меня она огорчить самымъ чувствительнымъ образомъ. Не дѣлайте этого, оставайтесь со мною. Истинный другъ не оставляетъ своихъ друзей въ самую критическую минуту. Погодите, потерпите... на этихъ дняхъ мы съ вами еще поговоримъ объ этомъ. Если вы меня любите, то раздѣляйте мою участь и мои огорченія...»

Восхищенный старикъ покрылъ подающую ему руку самыми жаркими поцѣлуями, и замолчалъ. Онъ не смѣлъ высказать всей своей страсти.

Фальбергу очень не хотѣлось, чтобъ Матильда ѣхала на вечеръ съ Княземъ Л.; но какъ отворотить подобное зло?... Сколько онъ ни думалъ, но ничего не могъ придумать.

Насталъ и вечеръ. Карлъ явился съ самою разстроенною физиономіею. Онъ разсказалъ сестрѣ, что Анжелика ужасно на нее сердита, и что она письменно послала директору объявленіе, что не выйдетъ на сцену и уничтожитъ свой контрактъ, если Матильда выйдетъ въ ея роляхъ, безъ ея согласія. Что же до него касается, то онъ насилу убѣдилъ ее позволить ему на сегодняшній только вечеръ проводить сестру. Въ другой же разъ, чтобъ онъ, или рѣшительно принадлежалъ ей, или никогда бы къ ней на глаза не показывался.

«Бѣдный Карлъ, сказала Матильда съ нѣкоторою проніею... Попалъ между двухъ огней... Впрочемъ, я буду къ тебѣ великодушна. Ты бы въ самомъ дѣлѣ поступилъ дурно и неблагодарно, если бѣ оставилъ ее. Ты ей всѣмъ обязанъ, и благодарность первый долгъ сердца... Оставайся при ней, какъ спутникъ при своей главной планетѣ... Меня же навѣщай иногда потихоньку отъ нея... Кто знаетъ, что случится! Со временемъ все поостороннее между нами исчезнетъ, а слова *братъ* и *сестра* останутся святы до гроба.»

Она обняла его, и пошла одѣваться.

Нужно ли говорить, что вечеръ у Барона Тугута былъ самый великолѣпный. Вѣвская аристократія называетъ себя *сливками* и никогда не смѣшивается съ *молокомъ*, средняго класса. У перваго же государственнаго лица того времени собраніе лицъ можно было назвать *сливки сливокъ*; однако же всѣ съ особенною ласковостію встрѣтили Матильду, которую блестящій Князь Л. велъ подъ руку (Карлъ и Либрехтъ тотчасъ же при входѣ въ залу и остались въ самомъ отдаленномъ резервѣ). Впрочемъ и Матильда была очаровательна. Природа рѣдко производитъ такое прелестное лицо и такія пластическія формы. Туалетъ же ея былъ самый изысканный, самый роскошный, хотя и одного бриліанта не блистало на ней.—Самъ Баронъ обошелся съ нею какъ нельзя лучше, и узнавъ, что она видѣла Суворова, долго распрашивалъ у нея о странностяхъ этого великаго полководца.

Вскорѣ къ ней подошелъ и директоръ. Онъ ее отвелъ нѣсколько въ сторону, и разсказалъ ей о своемъ затруднительномъ положеніи, объ угрозахъ Анжелики, о письмѣ ея—и требовалъ совѣта Матильды.

«Тутъ нѣтъ ни какого *mezzo termine*,—отвѣчала она. Или вы мнѣ дадите играть то, что я хочу, или я завтра же уѣду въ Лондонъ... Потерю времени и обиду, я вамъ великодушно прощаю; вотъ все, что могу сдѣлать...»

«Какъ это можно!.. Мы лучше подумаемъ, посоветуемся.. Въ случаѣ пужды я обращусь къ самой Императрицѣ.»

«Къ чему? Если вы сами чего не можете сдѣлать, то для меня вовсе не лестно будетъ побѣдить глупыя претензіи Анжелики посредствомъ верховной власти...»

Въ эту минуту подошелъ къ нимъ самъ Тугутъ, и съ нимъ Князь Л.

«Какой у васъ жаркій разговоръ!»—сказалъ хозяинъ.

«Официальный! отвѣчалъ директоръ... Я въ самомъ затруднительномъ положе-

ни...» — Тутъ онъ ему разсказалъ въ чемъ дѣло.

«Какъ же вы рѣшили дѣло?» спросилъ Баронъ.

«Еще никакъ... Я поищу средствъ примирить обѣихъ примадоннъ...»

«Вы примете на себя самый неблагодарный трудъ, сказала Матильда. Будьте справедливы и безпристрастны... вотъ все, чего я въ правѣ просить у васъ, а наши домашнія дѣла не стоятъ ни чьего вниманія...»

«Я, конечно, вовсе не судья въ этомъ дѣлѣ, сказалъ улыбаясь хозяинъ... Но я бы хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ имѣть какое нибудь мнѣнiе... Еслибъ вы, signora, что нибудь сдѣлали, то ваши судьи сдѣлались бы не только пристрастны, но и страстны...»

«Я всегда почту себя за счастье... сказала Матильда присѣдая, и тотчасъ пошла къ фортепианамъ. — Тамъ же сталъ на часахъ Либрехтъ; всеобщій говоръ замолкъ, и арія началась.

Это было полнымъ торжествомъ Матильды. Всѣ аристократы забыли на нѣсколько минутъ свою важность, и осыпали пѣвицу похвалами и рукоплесканiями. — Чтобъ отблагодарить слушателей, она запѣла еще, и всѣ пришли еще въ большой восторгъ; ни одна изъ пѣвицъ не удостоивалась такой чести: самъ хозяинъ поцѣловалъ ея ручку.

Когда первый восторгъ прошелъ, то директоръ Б. снова подошелъ къ ней, и шепнулъ ей: «будьте спокойны, ваше дѣло выиграно! Мы ужъ рѣшили»

Матильда хотѣла было спросить кто эти мы, но появленiе Князя Л. помѣшало ей. Онъ взялъ ее подъ руку и началъ знакомить ее со всѣми важнѣйшими лицами. — Всѣ ее обласкали до чрезвычайности, и всѣ требовали съ нее обѣщанiя прiѣзжать къ нимъ въ означенные у каждаго дни.

Во время антрактовъ между каждымъ новымъ знакомствомъ, а потомъ уже и

на весь вечеръ Князь Л. совершенно завладелъ рукою Матильды, и говорилъ ей тысячъ любезностей, но все это такимъ тономъ, что нельзя было ни отвѣчать, ни обижаться.

Еще одинъ разъ спѣла она — и выбрала на этотъ разъ національную пѣсню. Въ первый разъ еще подобная музыка звучала въ аристократической залѣ, и всѣ были въ восторгѣ отъ этой новости.

За ужиномъ, разумѣется, усѣлся подлѣ нея Князь Л., и тутъ взгляды его и слова сдѣлались смѣлѣе и настойчивѣе. Приудивъ Матильду выпить нѣсколько вина, онъ видѣлъ, что и она была въ сильномъ волненiи. Оставалось пользоваться этимъ расположенiемъ духа. Въ концѣ ужина хозяинъ предложилъ тостъ за здоровье Матильды, и она должна была, сказавъ нѣсколько трогательно благодарныхъ словъ, выпить еще рюмку шампанскаго.

Послѣ ужина начали разѣзжаться, и Матильда, откланявшись хозяину, отыскивала глазами своего брата и Либрехта. Увы! она ихъ цѣлый вечеръ не видала. Они не смѣли ни подходить къ ней, ни говорить съ нею. Замѣтя ея отъѣздъ, Князь Л. бросился къ ней, чтобъ провожать ее, но она просила отыскать ей брата и Либрехта. Онъ тотчасъ же исполнилъ ея желанiе, и указавъ на нихъ, повелъ ее изъ залы.

Подали карету. Князь посадилъ ее, самъ подлѣ нее сѣлъ, и въ то же самое мгновенiе карета поѣхала.

«А братъ мой и Либрехтъ!» — вскричала Матильда съ нѣкоторымъ страхомъ.

«Они за нами поѣдутъ въ каретѣ, съ Графомъ М. Онъ такъ полюбилъ вашего брата, что непременно хочетъ съ нимъ короче познакомиться... Онъ довезетъ его домой...»

Тутъ только поняла Матильда въ чемъ дѣло. Она взглянула на Князя съ холоднымъ удивленiемъ, и замолчала. Въ умѣ ея мелькнули теперь всѣ полуслова Князя, которыя онъ ей говорилъ въ концѣ

ужина и которыхъ она тогда не понимала — Страхъ изобличить себя, мѣшалъ ей отвѣчать за столомъ, при всѣхъ, — а это дѣлало Князя еще смѣлѣе. — Последняя рюмка шампанскаго довершала его надежды. Онъ началъ приступъ со всею тонкостію и постепенностію опытнаго обольстителя.

Долго Матильда не отвѣчала ему ни слова, и только отдавала отъ себя руки Князя, которая съ каждою минутою становилась смѣлѣе. Она полагала, что черезъ 10 минутъ пріѣдетъ домой, — и тогда, при прощаньи, скажетъ ему приличный отвѣтъ; — но уже четверть часа прошло, а они все еще не останавливались. Она выглянула изъ кареты: — улицы были совершенно незнакомыя. Тутъ она еще болѣе поняла всю опасность своего положенія. Но эта-то самая опасность, которая привела бы въ совершенное отчаяніе всякую другую дѣвушку, придавала Матильдѣ необыкновенную силу духа и рѣшимость.

«Что это значить, Князь? сказала она съ пропіею: вы, кажется, вздумали меня похитить.... Мы ѣдемъ не домой...»

«Неужли вамъ жаль подарить мнѣ и нѣсколько минутъ?... Вы знаете всю мою любовь, всю страсть... и вѣрно не обвините меня за эту хитрость...»

«Очень сожалею, Князь, что вы рѣшились на такой странный поступокъ. — Если я заслужила подобное мнѣніе о себѣ, то меня бы не стоило и похищать; а если я заслуживаю какое нибудь уваженіе, то вы теряете труды свои напрасно...»

Князь началъ повторять всѣ фразы своей опытности, прикинулся влюбленнымъ, страстнымъ, отчаяннымъ... все было напрасно.

«Я еще такъ недавно на театрѣ, Князь, и очень худой знатокъ въ драматическихъ сценахъ... Если мои сверстники пріучили васъ къ этимъ комедіямъ, то я сожалею о нихъ и о васъ.... Кончите, по-

жалуйста, Князь, и скажите кучеру, чтобъ онъ везъ меня домой...»

Видя неуспѣхъ съ этой стороны, Князь началъ говорить хладнокровнѣе, и сказалъ объ огромной суммѣ, которую онъ положить къ ея ногамъ за минуту счастья.

«Вы забываете, Князь, что я актриса, и въ дарованіи своемъ имѣю собственный свой капиталъ... Еслибъ я сдѣлалась вдругъ богата, то, можетъ быть, разлюбила бы свое искусство... а этого я не хочу... Не прельщайте же меня вашимъ богатствомъ. Вы можете найти много благороднѣйшихъ средствъ, чтобъ употребить его... Меня же избавьте отъ подобныхъ предложеній. Я некорыстолюбива...»

Князю Л. оставалось последнее средство. Онъ ей сказалъ, что всѣ видѣли, какъ она съ нимъ уѣхала вѣсомъ, остальное, разумѣется, сочинять, слѣдственно, доброе имя во всякомъ случаѣ потеряно. При упрямствѣ же своемъ она вмѣстѣ потеряетъ и страстнаго любовника, и блистательное состояніе, и множество друзей, которыхъ чрезъ него пріобрѣла бы. Но увы! и это последнее, убѣдительнѣйшее средство, противъ котораго ни одна суровая красавица не въ состояніи бы была устоять, сдѣлалось бесполезнымъ надъ твердымъ характеромъ Матильды.

«Я полагала въ васъ болѣе великодушія, сказала она Князю съ холодною пропіею. Къ удивленію моему, вы даже худой знатокъ женскаго сердца. Неужели вы думаете угрозами пріобрѣсть любовь, которую не могли получить своею нѣжностію и своими блестящими качествами? Неужели подобная побѣда лестна бы была для вашего самолюбія?... Жаль мнѣ васъ, милый Князь. Я, простая, неопытная дѣвушка, которая въ первый разъ видѣть у ногъ своихъ знатнаго человѣка, я разсуждаю гораздо вѣрнѣе васъ. Пусть всѣ видѣли и повѣрятъ, что я будто бы по доброй волѣ уѣхала съ вами, я не буду ничего разувѣрять, потому что соб-

ственное же ваше поведеніе оправдастъ меня черезъ нѣсколько дней... я даже думаю, что вы будете сами столько благородны, что отдадите мнѣ справедливость. Потеря же богатства и друзей... Боже мой! Какъ бы я сама себя презирала, если бѣ одолжена ими была своему безчестию! Нѣтъ, Князь! Я актриса, но мое поведеніе и мои чувства облагородятъ это званіе, которое вы, кажется, привыкли такъ легкомысленно трактовать... Я хочу сама себѣ быть всею одолжена, и буду почитать своими друзьями только тѣхъ, которые меня будутъ уважать. Угодно ли вамъ, Князь, быть въ числѣ ихъ?...

«Непостижимая дѣвушка! Вы меня уничтожили! вскричалъ Князь, но я не отстаю отъ васъ такъ легко. Вы меня побѣдили благородствомъ чувствъ своихъ, но я и въ этомъ не уступлю вамъ. Съ этой минуты вы не услышите отъ меня ни слова о любви, но съ этой же минуты я вашъ до гроба. Располагайте мною во всѣхъ отношеніяхъ — я вашъ неизмѣнный другъ.»

«Вотъ въ этомъ видѣ я васъ люблю! вы прекраснѣйшій и благороднѣйшій человекъ.... Теперь я охотно дамъ вамъ мою руку, и во всю жизнь буду почитать васъ своимъ другомъ.»

Князь Л. покрылъ ея руку самыми пламенными поцѣлуями, потомъ закричалъ кучеру: домой! и черезъ десять минутъ они пріѣхали.

«До свиданія, Матильда! Завтра поутру я явлюсь къ вамъ, сказалъ онъ, и осмѣлился поцѣловать ея щеку.»

VII.

«Что это значить, другъ мой! вскричала мать.

— Откуда ты, Матильда? воскликнулъ Карль.

«Куда это вы уѣхали?» сказала Либрехтъ.

И всѣ эти впродолженіи обрушились въ одно время на Матильду, при входѣ ея въ ком-

нату. Одинъ Фальбергъ молчалъ, печальный и угрюмый. Онъ пристально взглянулъ на Матильду, и долго не сводилъ съ нея глазъ.

«Со мною случилась очень романтическая, и по здѣшнему, какъ кажется, очень обыкновенная вещь, сказала весело Матильда. Князь Л. очень искусно похитилъ меня, и катался со мною все это время по городу....»

«Князь Л! ввѣрился Карль, я это почувствовалъ. Онъ не отходилъ отъ тебя цѣлый вечеръ, онъ сидѣлъ подлѣ тебя за ужиномъ... И онъ осмѣлился! О! завтра я разбужу его, и скажу ему, что отецъ Карла и Матильды былъ честный воинъ, который завѣщалъ имъ одну свою честь....»

«Къ нему тебя, можетъ быть, и не пустятъ, хладнокровно сказала Матильда. Но если хочешь его видѣть, то приходи поутру ко мнѣ. Онъ будетъ сюда....»

— Сюда! и ты позволила этому нагледцу....

«Потише, любезный Карль.... Я за него вступлюсь... я не позволю бранить своихъ друзей....»

Хладнокровный тонъ Матильды привелъ Карла въ совершенное недоумѣніе. Онъ не зналъ, что и думать о ней. Скрѣпя сердце, онъ сказалъ ей наконецъ: «Послушай, Матильда! теперь вовсе не время шутить? Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чести, тамъ всѣ равны. Князь Л. можетъ меня не пустить къ себѣ въ кабинетъ, но я остановлю его въ каретѣ, отыщу въ театрѣ, найду гдѣ бы то не было, и онъ отдастъ мнѣ отчетъ въ своемъ недостойномъ поступкѣ...»

«Любезный Карль долженъ бы, кажется, быть поопытнѣе и похладнокровнѣе меня. Послушай, милый братъ. Когда ты оставилъ меня одну съ матерью въ нашемъ провинціальномъ городкѣ, то кажется предоставилъ намъ самимъ заботиться о сохраненіи нашего добраго имени. Съ тѣхъ поръ, я съ чужими мужчинами ѣздила въ Миланъ, а оттуда пріѣхала сюда, и ты

не сторожилъ моего поведенія. Позвольте же и здѣсь *мнѣ самой* знать и помнить, чѣмъ я обязана моимъ родителямъ и добрымъ ихъ наставленіямъ. Къ чему твои вспыльчивыя выходки? Кому онъ чтонибудь докажутъ? Возвратятъ ли онъ мнѣ доброе имя, если бъ я его потеряла? Перестань же горячиться и выслушай очень спокойно. Все мое приключеніе не стоитъ того, чтобъ и говорить о немъ. Молодой, знатный человѣкъ, котораго *здѣшнія* актрисы можетъ быть приучили къ своевольству, думалъ и во мнѣ найти такое же легкомысленное созданіе, и устроилъ самый обыкновенный способъ свиданія. Онъ нашелъ во мнѣ характеръ и чувства, къ которымъ не привыкъ; онъ истощилъ всѣ средства оболъщенія, и ничто не помогло. Кончилось тѣмъ, что онъ обратился къ благороднымъ и великодушнымъ чувствамъ, и я ему съ искреннимъ удовольствіемъ простила. Я даже предложила ему мою дружбу, и теперь, вмѣсто легкомысленнаго любовника, котораго отвергла, я приобрѣла себѣ вѣрнаго друга. Право, я вовсе не сержусь за эту глупую прогулку. Она кончилась гораздо счастливѣе, нежели я ожидала.»

Всѣ замолчали и не знали, что отвѣчать; только Карлъ покачалъ головою и тихимъ голосомъ сказалъ:

«Но вѣдь всѣ видѣли, знаютъ, что ты съ нимъ уѣхала одна.... Завтра же весь городъ протрубитъ его побѣду...»

—Пусть его! Это будетъ очень невинное удовольствіе, и безъ меня, всякій день, добрая наша столица выдумываетъ тысячи сплетенъ. Какъ бы мы ни раскричались, вѣрно намъ никто не повѣритъ. Только время и совѣсть оправдываютъ насъ.... Будемъ же на нихъ надѣяться.»

Что было отвѣчать на спокойную философію Матильды! Всѣ вздохнули и замолчали. Наконецъ Карлъ вспомнилъ объ Анжеликѣ, и спросилъ сестру, что говорилъ директоръ о деютахъ.

—Что я буду играть тѣ роли, которыя хочу....

«Но Анжелика клялась, что не выйдетъ послѣ того на сцену....»

—Не всѣ клятвы выполняются.... А, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, она одна потеряетъ.... Если она уѣдетъ, то я займу ея роли.... и, можетъ быть, не испорчу ихъ....»

«Что изъ этого будетъ!» сказалъ печально Карлъ, и погрузился въ глубокую задумчивость. Всѣ опять замолчали.

Наконецъ, Фальбергъ всталъ и подошелъ къ Матильдѣ.

«И такъ у васъ есть еще другъ?» сказалъ онъ ей съ нѣжнымъ упрекомъ.

«Да, любезный Фальбергъ! отвѣчала она съ торжественностію. Но вы отъ этого соперничества ничего не потеряете.... Напротивъ, этотъ пустой случай даетъ вамъ въ сердцѣ моемъ ближайшее мѣсто... Это происшествіе показало мнѣ всю непрочность, всю ненадежность моего одиночества.. Послушайте... я хочу вамъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ. Дайте мнѣ слово, что будете отвѣчать на нихъ искренно.»

«Къ чему это, Матильда? Съ вами я иначе и говорить не могу...»

—Хорошо, скажите же мнѣ прежде всего: совершенно ли вы увѣрены, что я послѣ сегодняшняго приключенія такъ же чиста предъ Богомъ и своею совѣстью, какъ была до сихъ поръ?

«Еслибъ я не повѣрилъ словамъ вашимъ, Матильда, то лицо ваше сказало бы за васъ всю правду. Оно такъ же ясно и неопорочно, какъ въ первый день нашего знакомства. Въ одинъ день, въ одинъ часъ люди не дѣлаются притворщиками и злодѣями. Я вѣрю вамъ, Матильда. Вы невинны и мыслью и душою.»

— Благодарю васъ, добрый другъ мой. Ваше мнѣніе мнѣ всего дороже, потому что добрая мать моя никогда и не будетъ во мнѣ сомнѣваться, а братъ только что вспылитъ, но тоже напередъ увѣренъ,

что я не унижу ни его, ни себя. Теперь второй вопрос. Любите ли вы меня по прежнему?...»

«Какой вопрос?... Любовь моя никогда и ничѣмъ неизмѣнится, и если душа наша сохранить что нибудь человеческое послѣ смерти, то я вѣрно и за гробомъ буду любить васъ...»

—Постараюсь вознаградить васъ, добрый мой другъ, за ваши прекрасныя чувства... Теперь остается одинъ и послѣдній вопросъ. Хотите ли вы на мнѣ жениться!...»

Всѣ вскочили при этомъ неожиданномъ вопросѣ, а Фальбергъ нѣсколько зашатался, схватилъ себя за голову, но вскорѣ опомнился, пристально посмотрѣлъ на Матильду, и бросился къ ногамъ ея.

«Милая, несравненная Матильда! И ты рѣшаешься пожертвовать собою старику!»

—Другу и благодѣтелю моему, которому я всѣмъ обязана. Только этою цѣною могу я доказать вамъ мою благодарность и повѣрите, что это чувство сильнѣе и прочнѣе любви. Мнѣ нуженъ другъ, подпора, защитникъ, и кого же я найду лучше и вѣрнѣе васъ?»

«О!—какъ теперь я жалѣю, что не могу пожертвовать тебѣ такую блестящую, прекрасную и молодую жизнью, какъ твоя. Я бы украсилъ ее всѣми цвѣтами счастья и удовольствія... Теперь же...»

—Милый другъ!.. И день счастья дороже цѣлаго столѣтія ничтожной жизни... Маменька благословите насъ!..

Со слезами радости исполнила мать эту просьбу, и всѣ вмѣстѣ потомъ преклонили колѣни, чтобъ вознести искреннюю молитву къ Всевышнему.

Путру пріѣхалъ Князь — и Матильда рекомендовала ему своего жениха. «Я такъ и думалъ, отвѣчалъ Князь. Поздравляю васъ, Матильда. Вы достойны быть счастливою. А вы, Г. Фальбергъ... вы

нашли такое сокровище, которое не можетъ быть оцѣнено въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Если вы ея простили вчерашній мой поступокъ, то удостоите вѣрно и дружбы своею.»

Оба соперника искренно обнялись.

«А я къ вамъ заѣхалъ проститься, милая Матильда, сказалъ потомъ Князь. Я ѣду въ армию, и сегодня же.»

—Понимаю васъ, благородный другъ мой, и отъ души благодарю, отвѣчала Матильда со слезами на глазахъ, подавая ему руку, которую онъ поцѣловалъ и прижалъ къ сердцу.

Черезъ четверть часа онъ простился и уѣхалъ.

Явился Директоръ Б., и просилъ Матильду назначить дни репетицій для своихъ дебютовъ.

«Ну, чѣмъ же вы кончили съ Анжеликою?» спросила его Матильда.

«Ma foi! Пусть она дѣлаетъ какъ хочетъ. Яписьменно отвѣчалъ ей, что распоряженій моихъ не перемѣняю. Я твердъ въ своемъ словѣ. Мы вчера кончили съ вами, и никто въ свѣтѣ не заставитъ меня перемѣнить моего рѣшенія.»

Матильда улыбнулась, но не отвѣчала ничего; только она объявила, что не приехала къ другимъ дирижерамъ, и просить объ опредѣленіи Либрехта. Директоръ немножко позамялся, но холодный и твердый видъ Матильды тотчасъ же убѣдилъ его. Либрехтъ былъ позванъ, и условіе съ нимъ тутъ же заключено.

Нужно ли говорить, что Матильда имѣла огромнѣйшій успѣхъ въ своихъ дебютахъ? Имя ея слишкомъ прославилось въ музыкальномъ мірѣ. Вся Вѣна на рукахъ носила ее, но она удовольствовалась одною славою, и показала театральному міру рѣдкій примѣръ великодушія. Когда, послѣ первыхъ дебютовъ, Директоръ, не выжидая послѣднихъ, предложилъ ей ангажементъ съ званіемъ *primadonna assoluta*, она отказалась, и сама поѣхала къ Анжеликѣ, которая уже собиралась

уѣхать. Она ей объявила, что не намѣрена никого лишать мѣста, и что просить ее забыть всѣ неприятности, которыя между ими произошли. При помощи Карла соперницы обнялись и расстались. Матильда рѣшилась ѣхать въ Италию.

Наканунѣ отъѣзда была скромная свадьба ея съ Фальбергомъ. Въ шесть часовъ вечера одѣвали ее къ вѣнцу, и множество свѣчей горѣли вокругъ ея великолѣпнаго туалета... Вдругъ она задумалась, опустила голову и заплакала.

«Что съ тобою, другъ мой!» вскричала испуганная мать.

— Ничего, ничего, милая маменька. Это слезы счастья. Я вспомнила въ эту минуту... о! вѣрно и вы не забыли этого вечера... знаете ли, когда въ нашемъ городкѣ, въ первый разъ пришелъ къ намъ Либрехтъ. У насъ тогда не было свѣчей, чтобъ дописать музыку... Либрехтъ

принесъ двѣ восковыя свѣчи... Мы дописали, братъ ушелъ, и вы хотѣли погасить ихъ... Ахъ! я тогда просила васъ оставить ихъ еще на четверть часа... Я сидѣла и любовалась этимъ высокимъ счастьемъ... Я сказала тогда, что буду самое счастливое въ свѣтѣ созданіе, если у меня всякій день будутъ горѣть двѣ восковыя свѣчи, и если на столѣ будутъ лежать два съ половиною гильдена... Помните ли, милая маменька?... Теперь у насъ горятъ джигины свѣчь... Теперь у насъ тысячи гильденовъ, и я этого не замѣчаю... Вотъ каковъ человекъ!...»

«Но счастлива ли ты, другъ мой?...»

— Счастлива!» отвѣчала Матильда, и обвила свои руки около шеи матери.

Увы! теперь слѣдуетъ серьезно разобратъ вопросъ: что такое счастье... Но мы этимъ займемся, какъ узнаемъ о томъ навѣрное.

Р. Зотовъ.

АРТИСТЫ И АРТИСТКИ ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЫ.

Г-ЖА ДОРИУСЪ-ГРА.

Г-жа Дорюсъ-Гра, пользующаяся нынѣ столь большою и вполне заслуженною артистическою извѣстностію, родилась въ Валансиенѣ. Первоначальное лирическое образование получила она подъ руководствомъ самого отца своего, который, оставивъ военную службу, занималъ мѣсто директора оркестра при Валансиенскомъ Театрѣ. Дѣвица Дорюсъ, будучи еще ребенкомъ, пѣла въ одномъ концер-

тѣ съ такимъ успѣхомъ, что Валансиенскій городской совѣтъ отправилъ ее, на свой счетъ, въ Парижскую Консерваторію, опредѣливъ платить за воспитаніе этой талантливой дѣвушки въ теченіе трехъ лѣтъ. Артистка наша поступила въ Консерваторію въ Декабрѣ 1821 года; счастливныя способности ея развились здѣсь необычайно скоро: дѣвица Дорюсъ получила первую награду по классу Гг.

Генри и Бланкини, пробывъ въ школѣ только одинъ годъ. Это первое торжество нашей юной пѣвицы, торжество, которымъ она всего лучше отблагодарила своихъ Валансиенскихъ покровителей, сдѣлалось для нея залогомъ новыхъ успѣховъ: оно доставило ей сначала расположеніе Пера и Бордоны, а потомъ, благодаря ему, она была принята въ Королевскую Капеллу.

Но вскорѣ послѣ того, дѣвица Дорюсъ, увлеченная тѣмъ, если можно такъ выразиться, художническимъ инстинктомъ, который заставляетъ каждаго артиста пламенно желать извѣстности и славы, оставила Парижъ для того, чтобы перевезтись изъ города въ городъ и пѣть въ каждомъ изъ нихъ въ публичныхъ концертахъ. Во время этихъ странствованій, ея чистый, свѣжій, гармоническій голосъ сдѣлался еще гибче, тѣмъ былъ прежде, а она сама всюду была пріветствуема восторженными похвалами. Въ Брюсселѣ же, гдѣ въ распоряженіе ея была предоставлена зала Королевскаго Театра, заслужила она пріемъ столь блистательный, что Королевскій Интендантъ, Графъ Лидеркерле, предложилъ ей поступить на этотъ театръ.

Дѣвица Дорюсъ была еще вовсе незнакома съ драматическою стороною искусства, однако жъ, приняла предложеніе Графа. Смѣлость эта увѣнчалась, впрочемъ, полнымъ успѣхомъ: черезъ полгода послѣ того, дѣвица Дорюсъ изучивъ музыкальную декламацию подъ руководствомъ члена *Королевскаго Театра*, Г. Касселя, дебютировала и была принята чрезвычайно благосклонно.

Революція 1830 года вынудила ее прервать рядъ торжествъ своихъ и, оставивъ городъ, гдѣ собственно начался сценическій карьеръ ея, удалиться на родину, въ Валансиеннѣ. Но, покинувъ Брюссель, она не разлюбила его и вскорѣ потомъ, съ живѣйшею радостію приняла безвозмездно участіе въ концертѣ, который былъ данъ въ пользу Брюссель-

цевъ, пострадавшихъ во время революціи.

Настоящее мѣсто дѣвицы Дорюсъ было въ Театрѣ Оперы въ Парижѣ, и она (въ Ноябрь 1830 г.) дебютировала на сценѣ его, въ *Графѣ Ори*. При этомъ случаѣ, Парижская публика подтвердила приговоръ публики Брюссельской, а театръ Оперы съ восхищеніемъ принялъ въ число членовъ своихъ артистку, которую общественное мнѣніе тогда же поставило непосредственно послѣ Г-жи Даморо, и талантъ которой, въ послѣдствіи, развился еще болѣе.

Когда Г-жа Даморо оставила этотъ театръ, дѣвица Дорюсъ, какъ первая послѣ нея, заняла всѣ ея амплуа: она появилась въ Немой, въ Вильгельмѣ Телѣ, въ Фердинандѣ Кортцеѣ и въ Соловьѣ; наконецъ, она создала вновь роли: Терезины въ Любовномъ зельѣ, Пажа въ Густавѣ, Алисы въ Робертѣ. Въ каждой изъ этихъ ролей, ея чудныя способности все болѣе и болѣе изумляли Парижскихъ дилеттантовъ; съ каждою изъ нихъ, все болѣе и болѣе возрастала страсть ея къ труду, къ изученію сценическаго искусства. Но самую лучшею изъ ролей, созданныхъ ею въ то время, должно счесть драматическую роль Алисы въ Робертѣ; дѣвица Дорюсъ исполняла ее съ совершенствомъ, истинно классическимъ.

Въ Апрѣлѣ 1833 года, дѣвица Дорюсъ вышла за перваго скрипача Большой Оперы, Г. Гра. Бракъ этотъ, однако жъ, не отвлекъ ея отъ сцены: послѣ него, она создала роли Евдокіи въ Жидовкѣ, Маргариты Валуа въ Гугенотахъ, Джиневры въ Гвидо и Ритты въ Хасаріа, а возобновленіе Вильгельма Теля, во время первыхъ дебютовъ Дюпре, должно причислить къ самымъ блестящимъ ея триумфамъ. Дуэтъ втораго дѣйствія Вильгельма никогда не производилъ впечатлѣнія, подобнаго тому, какое произвелъ онъ при томъ случаѣ.

Мало того: Г-жа Дорюсъ-Гра, восхитившая Парижанъ въ роли Алисы въ Робертѣ, появилась, съ неменьшимъ успѣхомъ, и въ роли Изабеллы изъ той же оперы. Да и вообще должно сказать, что, изъ всѣхъ пѣвицъ Парижской Большой Оперы, одна только она можетъ брать на себя, безъ ущерба евоей славы, роли энергическія, требующія большихъ средствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ роли нѣжныя, основанныя на глубокомъ, но тихомъ чувствѣ.

Впрочемъ, Г-жа Дорюсъ-Гра торжествовала, послѣ брака своего, не въ одномъ только Парижѣ: ей рукоплескали Тулуза, Страсбургъ, Мецъ, Нанси и Лилль, потому что она любя, искусство и славу несравненно болѣе, чѣмъ покой, посѣщала всѣ эти города во время ежегодныхъ отпусковъ своихъ. Въ 1839 году, она предприняла даже заграничную поѣздку: она совершила тогда артистическое путешествіе въ Англію, и произвела тамъ истинный фуроръ. Ей даже предложили тамъ поступить на одинъ изъ Лондонскихъ Театровъ, но она не приняла этого предложенія, не смотря на то, что могла заключить чрезвычайно выгодное условіе. Можетъ, однако жъ, легко случиться, что, въ послѣдствіи, наскучивъ Парижскимъ закулиснымъ интригами, жертвою которыхъ была она не одинъ разъ, она покинетъ Францію и переселится въ Лондонъ.

Г-жа Дорюсъ-Гра принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ артистокъ, у которыхъ, на верху славы, не кружится голова, которыя, достигнувъ громкой извѣстности, не перестаютъ неутомимо стремиться къ большому усовершенствованію своихъ дарованій. Г-жу Дорюсъ-Гра осыпаютъ похвадами и публика и журналы; имя ея произносится всюду, какъ имя артистки съ огромнымъ талантомъ, а она все таки трудится, все таки не охлаждаетъ въ любви къ искусству. И притомъ, что за душа у нея! Сколько добра дѣ-

лаетъ эта женщина! Подобно гению-хранителю, поддерживала она и изъ знаменитаго композитора Герольда, и усладила его послѣднія, страдальческія минуты. Истомленный трудомъ и еще болѣе того истомленный болѣзнію, Герольдъ, отдавъ свой *Régis Slegis* на сцену Комической Оперы, жилъ одною надеждою на свое новое торжество, на роковое торжество своей предсмертной, лебединой нѣсни, какъ вдругъ Г-жа Казиміръ, долженствовавшая играть главную роль въ этой оперѣ, занемогла передъ самымъ ея представленіемъ. Герольдъ, почти умирающій, появился, въ страшномъ отчаяніи, къ Г-жѣ Дорюсъ-Гра съ просьбою, замѣнить Г-жу Казиміръ. Сострадательная артистка поняла тяжкую скорбь художника, и согласилась исполнить его желаніе, хоть для актрисы Большой Оперы и было нѣсколько унижительно предстать передъ публикою на помостѣ Комической Оперы. Не болѣе, какъ въ сорокъ восемь часовъ, выучила она роль Изабеллы, и 21-го Декабря 1832 года сыграла ее съ величайшимъ успѣхомъ, доставивъ своимъ благороднымъ поступкомъ нѣсколько отрадныхъ часовъ *бѣдному больному*. (Такъ называетъ Герольда вдова его, въ одномъ изъ писемъ своихъ.)

Голосъ Г-жи Дорюсъ-Гра обширенъ; она, безъ усилія, беретъ двѣ полныя октавы — отъ *низкаго с* до *с* высокаго и до *cis*. Только въ первой изъ этихъ октавъ, голосъ ея бываетъ порою *не совсемъ звученъ*; во второй же онъ всегда чистъ и исполненъ звучности металлической. Но особенно блистателенъ онъ, особенно гибокъ въ *фіоритурахъ* и въ вокальных украшеніяхъ: самыя смѣлыя трели, самыя разнообразныя капризы музыкальныя ни сколько не трудны для ея чуднаго, соловьиного горлышка. А какая нѣжность у нея въ высокихъ головныхъ звукахъ! Какъ вѣренъ, какъ силенъ ея голосъ! Каждую ноту передаетъ онъ съ неизмѣрною точностію, и есть минуты,

III. МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

КОНЦЕРТЫ ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ НЕДѢЛЬ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПОРЫ,

Вторая половина нашей музыкальной поры, промелькнувшей уже передъ нами съ неимоверною быстротою, была весьма небогата концертами, и особенно концертами, въ сильной степени привлекавшихъ общее вниманіе. Наконецъ, уже на послѣдней недѣлѣ, дождались мы нынѣшняго Протея-Листа, и успѣли два раза насладиться его игрою, граничащею съ невѣроятностію.

Но прежде, нежели выразимъ чувства, которыя онъ возбудилъ въ насъ, по долгу лѣтописцевъ, окинемъ хотя бѣглымъ взглядомъ немногіе концерты, бывшіе у насъ отъ 22-го Марта до 11-го Апрѣля.

По-прежнему, три раза въ недѣлю, Дирекція Театровъ приглашала любителей музыки, преимущественно же любителей *живыхъ картинъ*, на свои концерты съ живыми картинами, которыя, въ нынѣшнемъ году, вообще нѣсколько уступали прошлогоднимъ. Г. Сѣрковъ, ставившій ихъ въ предъидущіе годы, приобрѣлъ въ этомъ отношеніи большой навыкъ, и умѣетъ мастерски разнообразить этотъ родъ изящныхъ искусствъ, въ которомъ художнику предоставлено не создавать, а избирать идеалы, не копировать природу, а превращать ее въ копію. Матеріа-

лы, краски, сюжеты самые богатые—весь пышный разсадникъ нашихъ грацій, Театральное Училище, съ разнообразѣйшимъ театральнымъ гардеробомъ, съ полными картонками лучшихъ литографій и гравюръ Парижскихъ, Лондонскихъ, Мюнхенскихъ, и пр. и пр. Умѣй лишь выбирать, а Г. Сѣрковъ на это былъ мастеръ.

27-го Марта далъ свой обычный концертъ слѣпой скрипачъ Кюнъ, къ которому стекаются любители музыки, какъ бы для исполненія долга милосердія къ несчастному, снискивающему себѣ пропитаніе благороднымъ занятіемъ искусствомъ.

На слѣдующій за тѣмъ день происходилъ еще благотворительный концертъ Филармоническаго Общества. Исполнена была большая Ораторія Грауна (de Tod Jesu), а въ заключеніе этого классическаго произведенія мы слышали Gloria, соч. нашего капельмейстера Келлера, въ высшей степени искуснаго въ композиціяхъ этого рода, и притомъ отличающагося въ легкой балетной музыкѣ, которою мы любовались въ балетахъ Таліони.

31-го Марта опять восхищала всѣхъ любителей музыки неподражаемый кларнетистъ Блазь, въ залѣ Графа Браницкаго, вмѣщавшей въ себѣ отборное Петербург-

ское общество. Кларнета Г-на Блаза не заслушаешься!

1-го Апрѣля слышали мы одного изъ заслуженнѣйшихъ Петербургскихъ виртуозовъ, Г-на Бема, съ честію занимающаго у насъ мѣсто перваго концертиста Императорскихъ Театровъ, а на слѣдующій за тѣмъ день насладились игрою другаго артиста на скрипкѣ, Г-на Арто, поощающаго насъ уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, но съ тѣхъ поръ въ немовойрной степени усовершенствовавшаго свою игру. Г. Арто принадлежитъ нынѣ къ числу избранныхъ виолончелистовъ, блистающихъ основательными качествами, а не пустыми фокусъ-покусами, которыхъ, къ несчастію, многіе привыкли почитать верхомъ таланта. За нимъ, въ Пятницу, 3-го Апрѣля, давалъ концертъ Г. Гилью, первый флейтистъ нашихъ театровъ, а въ Субботу, 4-го числа происходилъ концертъ, до сихъ поръ у насъ еще не бывалый — студентскій концертъ, которымъ Гг. студенты здѣшняго Университета, занимающіеся музыкою, отблагодарили избраннаго ими въ свои директоры музыки, извѣстнаго у насъ виолончелиста, Г-на Шуберта. Концертъ былъ данъ въ Большой Университетской Залѣ, и въ немъ участвовали, кромѣ Гг. студентовъ, многіе изъ талантливыхъ любителей и любительницъ музыки въ нашей столицѣ. Г. Шубертъ также исполнилъ двѣ пѣсы.

Вотъ краткое перечисленіе, по порядку, главнѣйшихъ концертовъ, обратившихъ на себя вниманіе. Тутъ вдругъ появилась афиша, возвѣстившая о первомъ концертѣ Листа! Билеты были разобраны на расхватъ, и 8-го Апрѣля, наша великолѣпная зала Дворянскаго Собранія, за долго до назначеннаго часа, уже вмѣщала въ себя самую отробную публику. Эстрада, съ двумя флигелями, однимъ работы Эрара, другимъ работы Лихтенгала (находящагося въ С. Петербургѣ), была устроена въ самомъ

центрѣ залы, такъ что можно было видѣть музыканта отовсюду. Въ два часа, по пріѣздѣ Августѣйшихъ Покровителей искусствъ, гениальный художникъ взошелъ на эстраду, и былъ встрѣченъ первыми рукоплесканіями Петербургской публики, собравшейся въ его концертъ въ необыкновенномъ множествѣ, какъ бывало собиралась на концерты Патріотическаго Общества.

Игра Листа, на фортепіанѣ—самомъ неблагоприятномъ изъ инструментовъ — соединяетъ въ себѣ все достоинства прочихъ фортепіанистовъ, и поглощаетъ ихъ въ себѣ. О механизмѣ игры Листа уже нечего и говорить: совершенство отдѣлки каждаго пассажа доведено имъ до не постижимой степени, а всего болѣе онъ поражаетъ тѣмъ, что извлекаетъ изъ фортепіана звуки, нисколько не похожіе на фортепіанные: вы слышите флейту, усладительный голосъ, и слухъ вашъ утопаетъ въ океанѣ сладостной гармоніи! Въ первой части его концерта наиболѣе понравились *воспоминанія изъ Донж-Жуана*, въ которыхъ, въ полномъ смыслѣ, слышно было пѣніе задушевныхъ Моцартовскихъ мелодій; во второй части была восхитительна серенада (*Ständchen*) Шуберта, и Хроматическій Галопъ.

Листъ играетъ на фортепіанѣ, какъ еще не игралъ никто. Всѣ знатоки музыки сознаются, что игра его такъ далека отъ обыкновенной фортепіанной игры, и доведена до такой степени совершенства— что нисколько не постижима для *профановъ*. Быстрота пальцевъ Листа вдвое больше быстроты, извѣстной доннычъ, а распределеніе и сочетаніе звуковъ у него замѣняетъ оркестръ — на чемъ же? — на фортепіанѣ!

Главная стихія Листа — страсть, которою онъ воспламеняетъ и увлекаетъ своихъ слушателей, страсть самая пылкая, неустойчивая, которая его волнуетъ почти непрерывно. Одинъ музыкальный критикъ

IV. СМѢСЬ.

ПАЛАТА ПЕРОВЪ И ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ засѣданіи Французской Палаты Перовъ, 2-го Апрѣля, когда слѣдовало начать разсмотрѣніе проекта закона о дополнительномъ утвержденіи кредита на тайныя издержки 1842 г., Виконтъ Дюбушажъ открылъ пренія по этому предмету діатрибою противъ неблагочестія Парижскихъ театровъ. «Ежедневцо, сказалъ онъ, представляютъ предъ публикою, къ большому неудовольствію всѣхъ почтенныхъ людей, самыя неблагочестивыя сцены. Между тѣмъ, мы не должны забывать, что Правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ средства къ прекращенію этихъ осмѣяній добрыхъ нравовъ. Закономъ снова введена для театровъ цензура. Приведу нѣсколько примѣровъ безсовѣстности этой цензуры. На одномъ изъ нашихъ Королевскихъ театровъ (въ Одеонѣ) видѣли мы процессію монаховъ и монахинь, послушниковъ, которые цѣлуютъ крестъ, и епископа, который благословляетъ прихожанъ. Въ другой разъ представили намъ, на томъ же театрѣ, процессію монаховъ и кардиналовъ, и мы видѣли на сценѣ даже кадила. На другомъ Королевскомъ театрѣ (Opéra Comique) одинъ актеръ расказывалъ по сценѣ, одѣтый монахиною, и неприлично острилъ надъ этимъ одѣяніемъ предъ другимъ актеромъ, въ шоческомъ облаченіи. Вотъ другой фактъ: на одномъ театрѣ ежедневно даютъ піесу, въ одной сценѣ которой актеръ, говоря своимъ двумъ товарищамъ между которыхъ находился, сравниваетъ с бѣ съ

тѣмъ, котораго имени безъ благоговѣнія произносить не должно. Еще примѣръ: 31-го Августа прошедшаго года, Г. Сегье пришлось произнести рѣшеніе о слѣдующемъ случаѣ: Одинъ авторъ требовалъ представленія своей піесы; директоръ театра объявилъ, что цензура запретила ее. Президентъ пожелалъ просмотрѣть эту піесу, и узнавъ имена и характеры лицъ, воскликнулъ: «Какъ, вы выводите на сцену членовъ консілія, епископовъ! Эту піесу запретили совершенно справедливо. Ее должно бы сжечь!» И что же, эти театры получаютъ вспоможеніе Правительства. Предлагаю, чтобы еще въ нынѣшнемъ засѣданіи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ Палатамъ регламентъ театральной цензуры, общанный имъ уже съ давняго времени. Сверхъ того, требую, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими людьми, чтобы этимъ регламентомъ было запрещено выводить на сцену какихъ бы то ни было духовныхъ лицъ, и не употреблять декораций, изображающихъ религіозные предметы. Только на этомъ условіи подамъ голосъ въ пользу требуемаго кредита.»

ТАНЦОРЫ И ТАНЦОВЩИЦЫ ВЪ ИТАЛІИ

Многіе воображаютъ, что Италія была только классическою землею живописи и музыки. Нѣтъ, все, что имѣетъ притязаніе на искусство, бѣжитъ туда за примѣрами и преданіями, все, даже танцоры, которые толпами стремятся въ Италію для усовершенствованія своего таланта. Ни одинъ пируэтчикъ, ни одна героиня *rond de jambe*, не почитаютъ себя совер-

шенными, если не танцовали на берегахъ Тибра или Аніо, или, пожалуй, на краю Везувіева жерла; они думаютъ, что пѣтъ возможности прославиться въ Парижѣ и Лондонѣ, если ихъ танцами не восхищались Венеціанскіе патриціи, если тѣсное пространство между каналами не было свидѣтелемъ ихъ прыжковъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе артистовъ-хореографовъ, мнѣніе, конечно, не раздѣляемое публикою, и даже ей не извѣстное.

Между тѣмъ, въ этомъ обстоятельствѣ заключается главная причина, что Италия, наполненная пѣвцами безъ мѣсты, набиита также и танцорами, которые вздыхаютъ о сценѣ и роляхъ. Кромѣ танцоровъ, есть множество сюжетовъ, которые могли бы удовлетворить всѣхъ театральныхъ дирекцій въ мірѣ, потому что, въ продолженіе карнавала и во время ярмарокъ, во всякомъ Италіанскомъ городишкѣ есть свой балетъ. Тогда наборъ бываеъ сильный, но по истеченіи короткаго срока, съ артистами вѣжливо раскланиваются, и они остаются вдали отъ родины, не имѣя средствъ предпринять обратный путь. Большіе города, напримѣръ, Неаполь, Миланъ, составляютъ исключеніе; но ангажементы здѣсь рѣдки, и сюжетовъ не требуется много.

Впрочемъ, Италіянцы, страстные любители всякаго рода театральнаго представленія, награждаютъ щедрыми рукоплесканіями танцоровъ, которые имѣютъ даръ имъ нравиться. Но вотъ удивительная странность! Въ Италіи, землѣ сладострастной, соблюденіе приличій доходитъ до смѣшнаго: Италіянцы требуютъ, чтобы ихъ сифиды, для прикрытія формъ, носили зеленое исподнее платье, отъ чего кордебалетъ походитъ на чалангу лягушекъ.

Заальпійскіе аплодисменты, по видимому, очень питательны, потому что со всѣхъ сторонъ раздаются крики: *Italiam! Italiam!* Танцоры, любимые публикою, большею частію Италіянцы; иностранные,

особенно Французы, не нравятся. Надобно, однако жъ, сознаться, что Французскіе танцоры, бѣдующіе въ Италію подѣ предлогомъ усовершенствованія таланта, бѣдутъ отыскивать талантъ, котораго они не имѣютъ.

Черитто, о которой столько пишутъ въ журналахъ, скоро возвратится въ Италію. Эту танцовщицу слишкомъ превозносятъ; она, правда, увлекаетъ публику изяществомъ и легкостію, но не нравится любителямъ школы, порицающимъ преимущественно ея косолапость. Впрочемъ, Черитто, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ отличнымъ танцовщицамъ, и вездѣ, гдѣ ни появлялась, пріобрѣтала огромный успѣхъ. Она достойная соперница милой Г-жи Стефанъ, которая вполнѣ торжествовала въ Миланѣ, куда пріѣхала въ началѣ театральной поры.

Фразы, Беггини, Дебели также считаются, неизвѣстно почему, лучшими танцовщицами. Дѣвица Груль (Gruol), имѣя двадцать четыре года, удерживала при себѣ исключительную привилегію играть на Вѣнскомъ Театрѣ маленькихъ амуровъ, маленькихъ геніевъ, маленькихъ покинутыхъ сиротъ, однимъ словомъ, всѣ невинныя роли, поручаемыя обыкновенно пяти или шестилѣтнимъ дѣтямъ. Тонкая талія, художавость формъ позволяли этой танцовщицѣ смѣло браться за подобныя роли. Съ тѣхъ поръ, то есть, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, Груль нисколько не выросла и не потолстѣла, и теперь, на сороковой веснѣ, граціозно представляетъ молоденькихъ влюбленныхъ дѣвушекъ, и еще танцуетъ все-какъ на ряду съ юными дебютантками.

Таліони скоро пріѣдетъ въ Миланъ изъ Петербурга, и тогда горе всѣмъ танцовщицамъ, убѣжденнымъ въ расположеніи къ себѣ публики и въ несомнѣнныхъ успѣхахъ: онѣ будутъ побѣждены, уничтожены, погребены въ глубочайшее забвеніе! Марія Таліони, вооруженная истиннымъ талантомъ и давнишнею славою, пріѣдетъ,

увидитъ и побѣднть. Когда Цесарь переходилъ черезъ Рубиконъ, онъ не имѣлъ ни лѣтъ, ни опытности Таліони.

Несчастные мужчины, о которыхъ никто не хочетъ слышать, которыхъ отталкиваютъ отъ себя директоры театровъ, балетмейстеры и особенно свирѣные львы, господствующіе деспотически тамъ, гдѣ есть женскія ножи, несчастные мужчины ѣдутъ въ Италію за посрамленіемъ. Теодоръ далеко не оправдалъ ожиданій публики; сначала его ошкарли, потомъ о-свистали. Все его искусство ограничивается непрерывными антрша. Онъ олицетворяетъ старинный танецъ Помпадуръ, въ пудръ, съ посохомъ, и напоминаетъ школу, нікогда славную. Матисъ и Мирантъ были ошкарены еще въ Парижѣ, одинъ за то, что вздумалъ дебютировать, а другой за то, что явился предводителемъ статистовъ. Матисъ старъ и не имѣетъ духа; въ Парижѣ, онъ танцевалъ не болѣе одного раза въ вечеръ; Мирантъ отличается эксцентрическими пируэтами, но на пируэтахъ нельзя основывать продолжительнаго успѣха.

АВТОРЪ, ЖУРНАЛИСТЪ И ЛЮБОВНИЦА.

Что можетъ быть мучительнѣе обязанности журналиста, который, ведя дѣло *добросовѣстно*, хочетъ съ этой стороны *выказать* себя передъ публикою. Жизнь этого несчастнаго человѣка просто непрерывная мука; онъ ежеминутно долженъ бѣгать, высуня языкъ, и отыскивать занимательныхъ, преимущественно неизданныхъ статей. Бѣда имѣть знакомство съ такимъ журналистомъ; бѣда проговориться въ его присутствіи, особенно о какой нибудь литературной новости, входящей въ планъ его изданія. Онъ, какъ тигръ, бросится на добычу, и завтра же подѣлится ею съ своими читателями.

Вотъ что случилось недавно въ Парижѣ.

Одинъ изъ такихъ *добросовѣстныхъ* журналистовъ познакомился съ любовницею извѣстнаго театральнаго писателя; за-

ставлялъ бѣдную женщину разговаривать съ авторомъ ежедневно, и сообщать себѣ всѣ его рассказы. Несчастная исполняла это приказаніе; добросовѣстный издатель зналъ такимъ образомъ самыя занимательныя закулисныя тайны, печаталъ ихъ въ своемъ журналѣ, и приобрѣталъ множество подписчиковъ. Сочинитель, разумѣется, скоро узналъ о своемъ неожиданномъ со-трудничествѣ, и однажды пришелъ къ своей возлюбленной въ бѣшенствѣ. Красавица затрепетала, полагая, что вся тайна открыта, но потомъ успокоилась, замѣтивъ, что причиною авторскаго гнѣва было непріятіе піесы странной, смѣшной. Авторъ тутъ же рассказалъ все содержаніе піесы. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ ушелъ, но на другой день явился въ полномъ разгарѣ гнѣва и ревности.

— Несчастная! закричалъ онъ: ты вблизи меня обманула!

Виновная стала оправдываться.

— Молчать! заревѣлъ авторъ; вотъ доказательство твоего преступленія!...

И онъ бросилъ несчастной.... что?.... любовную записку!.... пѣтъ, экземпляръ журнала *добросовѣстнаго* журналиста, который подробно рассказывалъ своимъ читателямъ мнимую піесу автора, выдумавшаго небывальщину, чтобъ увѣриться въ скромности и вѣрности своей возлюбленной. Возлюбленная и журналистъ попались въ силки.

Нравоученіе этого случая легко понять.

ФРАНЦУЗСКІЙ ВАЛЕТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ ЗА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ.

Въ Англійскихъ журналахъ безъ умолка пишутъ о торжествѣ на берегахъ Темзы балета *Giselle* и несравненной представительницы ея, прелестной Карлотты Гризи. Пируэты и *ronds de jambe* восторжествовали надъ Британскою флегмою; букеты сыплются на сцену, гинеи сыплются въ кассу; есть даже признаки возникающаго восторга, и быть можетъ, Лондонъ, подобно Нью-Йорку, увидѣлъ бы фанати-

ковъ, которые впряглись бы въ карету танцовщицы, если бы у танцовщицы была карета. Не то происходило, на томъ же мѣстѣ, за восемьдесятъ лѣтъ. Успѣхъ балета *Giselle* не похожъ на успѣхъ *Китайскихъ праздниковъ*, другаго Парижскаго балета, нарочно поставленнаго на Дрюриленской сценѣ для удовольствія Британцевъ. Вотъ что говорятъ современныя сказанія.

Китайскіе праздники, сочиненіе Новерра, имѣли въ Парижѣ такой успѣхъ, о которомъ нынѣ не могутъ дать понятія ни *Сильфида*, ни *Робертъ*. У входа въ театръ народъ задыхался; происходили кровопролитныя драки, даже убійства; дворяне, со шпагами въ рукахъ, завоевывали себѣ порожнее мѣсто, и всякій хотѣлъ продраться, живой или мертвый. Рассказываютъ, будто одинъ молодой солдатъ, тяжело раненный, однако жъ оставшійся побѣдителемъ, велѣлъ нести себя въ спектакль на носилкахъ, чтобы воспользоваться, по крайней мѣрѣ, своимъ торжествомъ.

Слухъ о необыкновенномъ успѣхъ новаго балета скоро перешелъ за проливъ. Въ то время, Франція еще не брала отъ своихъ заморскихъ сосѣдей лошадей, грумовъ и моды; напротивъ, Парижъ давалъ тонъ, и Лондонъ взволновался, узнавъ о балетѣ, восхищавшемъ Парижанъ. Дворянство, лорды, перы, самъ Король, вздыхали о *Китайскихъ праздникахъ*, а какъ Лондонъ не могъ перенестись въ Оперу, то положено было перенести Оперу въ Лондонъ. На Гаррика, тогдашняго директора и актѣра Дрюриленскаго Театра, возложили вести переговоры. Балетмейстеръ, танцоры, танцовщицы, декорации, костюмы, все переправилось черезъ проливъ, все водворилось въ театрѣ, и начались репетиціи.

Пышная афиша возвѣщаетъ наконецъ о первомъ представленіи. Какое событіе, какое ожиданіе! Настаетъ вечеръ; всѣ на своихъ мѣстахъ; Король сидитъ въ ло-

жѣ; дворянство занимаетъ балконъ; Джонъ-Буль въ партерѣ; одни приготовились ходить все превосходнымъ; другіе рѣшились свистѣть, потому что Джонъ-Буль (*) очень хорошо помнитъ свой британсизмъ. «Не надобно намъ Французскихъ танцевъ! Давай намъ національную пляску, джигу!» Вотъ обычный девизъ Джона-Буля. *Китайскіе праздники* имѣли уже своихъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ.

Послѣ увертюры, поднимается завѣса. Зрители аплодируютъ, свищутъ, кричатъ; балконъ обращается къ партеру, партеръ къ балкону; браво! ура! дикіе вопли, свирѣпыя крики преслѣдуютъ трепещущихъ танцовщицъ и смущенныхъ танцоровъ. Между тѣмъ, спектакль оканчивается; шумъ ограничивается криками и свистками; на другой день, дворяне начали стучать палками. При первыхъ признакахъ неудовольствія, офицеры, лорды, перы, вскочили съ тростями въ партеръ, и махая по головамъ, заставили молчать недовольныхъ. Совершивъ расправу, инквизиторы воротились на свои мѣста; балетъ кончился тихо; ни одинъ свистокъ не осмѣлился остановить браво. Всѣ свистуны были отнесены въ больницу.

На слѣдующій разъ, Джонъ Буль рѣшился отмстить. Въ тотъ именно день происходило открытіе Парламента; всѣ перы засѣдали въ Палатѣ; поле битвы заняли свистуны, и воспользовались своею свободою въ полной мѣрѣ. Лавки, стекла, кенкеты поплатились за вчерашнихъ раненыхъ; потомъ, надобно было приступить къ головамъ, потому что въ Лондонѣ, вообще, не можетъ обойтись иначе. И такъ, свистуны приготовились къ мести, и прежде всего думали начать съ самого хореографа и кордебалета; но, по счастливому присутствію духа, машинистъ, возобновляя чудеса Чермнаго Моря, остановилъ недовольныхъ зіяюще пропастью. Новерръ и танцоры совершили

(*) Такъ называютъ въ Англии простой народъ.

отступленіе подь градомъ гнилыхъ яблоковъ.

Тѣмъ дѣло не кончилось. На другой день готовилась сцена болѣе шумная; за то, всѣ были и готовы къ битвѣ: лорды явились со шпагами; простолюдины съ палками. При первыхъ свисткахъ, дворяне заняли позицію на самой сценѣ, и отсюда, въ родѣ Гомеровскихъ героевъ, дѣйствовали противъ народа. Битва началась гнилымъ яблокомъ. Дворянщъ, которому яблоко попало въ носъ, въ бѣшенствѣ отъ боли и обиды, со шпагою бросился въ партеръ. Въ одно мгновеніе, свалка сдѣлалась общеою; шпаги и палки перемѣшались; свистуны потерпѣли было поражение, но, оправившись, стали бросать на сцену, гдѣ находилось высшее сословіе, тысячи мячиковъ, вооруженныхъ мелкими гвоздями, которые произвели страшное опустошеніе между напудренными и завитыми париками. Побѣда долго оставалась, однако жъ, сомнительною, какъ вдругъ ворвалась въ театръ толпа мясниковъ съ дубинами и молотками. Аристократы затрепетали; демократы встрѣтили неожиданныхъ защитниковъ восторженными криками: «Ура! Да здравствуютъ наши!» Что же вышло? Мясники бросились не на лордовъ, а на чернь, потому что имъ выгоднѣе было защитить своихъ богатыхъ потребителей.

Такимъ образомъ, побѣда осталась за лордами и за балетомъ; но Правительство, опасаясь, чтобы враждебныя партіи наконецъ не пожрали другъ друга, въ родѣ двухъ волковъ басни, и чтобы *Китайскіе Праздники* не возобновили событій историческихъ *Розз*, нашлось вынужденнымъ запретить знаменитое произведеніе Новерра. Хореографъ и труппа были, впрочемъ, вознаграждены щедро, и Джонъ Буль, съ своей стороны, не смотря на выбитые зубы, переломанныя руки и поврежденные плечи, остался очень доволенъ, потому что джига, національная пляска,

восторжествовала. Британская честь была спасена!

Балетъ *Giselle* также привлекаетъ высшее сословіе, чернь и мясниковъ, но только для единодушныхъ рукоплесканий.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДИЯ ЗА ДЕВЯНОСТО ЛѢТЪ.

Слѣдующій современный отзывъ объ упадкѣ Французской Комедіи въ 1752 году, служить новымъ доказательствомъ, что люди вѣчно жалуются на настоящее, и вѣчно сожалеютъ о прошедшемъ.

«1-го Января 1752 года.— Французскіе актеры имѣли весьма *блѣдный годъ*, потому что публика рѣшительно потеряла вкусъ къ трагедіи и высокой комедіи, и всѣ новыя піесы, данныя въ теченіе года, пали, не смотря на то, что знаменитый Лекенъ (*), образовавшійся по урокамъ Господина де Вольтера, при своей невыгодной наружности и слабомъ голосѣ, постоянно, во всѣхъ роляхъ, заслуживалъ громкія рукоплесканія. Отъ этого, актеры принуждены давать балеты (**), вмѣстѣ съ коротенькими піесками, какъ на примѣръ: *Три Кузины*, *Мельница*, *Приморскій Портъ*, фарсъ Буанденя. Вотъ

(*) Лекенъ дебютировалъ во Французской комедіи 14 Сентября 1730 года, и взялъ на испытаніе, по сту франковъ въ мѣсяцъ, съ 1-го Декабря того года по 50-е Января 1732 года. Съ перваго дебюта по 19 Марта 1774 года, онъ игралъ, въ Парижѣ и при дворѣ, *шесть сотъ двадцать одинъ разъ*, въ *пятидесяти пяти* роляхъ, которыя всѣ не принадлежали къ его амплуа. Актеры, воображающіе, что имъ даютъ уничижительныя для ихъ таланта роли, утѣшется, когда узнаютъ, что Лекенъ игралъ швейцаровъ, нотаріусовъ, портныхъ-подмастерьевъ и т. п.

(**) Между прочими комедію-балетъ: *Мужчины*, гдѣ весь сюжетъ, все дѣйствіе имѣетъ только связь съ танцами. Опера нанесла было смертельный ударъ хореографическимъ доходамъ Французской Комедіи, но дѣвица Госсенъ (Gausin), предводительствуя депутаціею труппы, пала къ ногамъ Людовика XV, въ Компльенъ, и Король запретилъ оперу. Трагедія и высокая комедія продолжали свои антраша и пируэты.

до чего мы дожили! Насъ угощаютъ балетами, пантомимами, въ которыхъ, говоря правду, очень хорошо танцуютъ Казимо, Маранези, Г-жа Руджіани, танцоры Италіянскіе; у нихъ много выраженія въ лицѣ и силы въ ногахъ, но наши оперные танцоры превосходятъ ихъ вѣрностію и точностію. Изъ снисхожденія къ симъ балетамъ, публика позволяетъ себѣ скучать, когда даютъ образцовыя піесы Корнеля, Расина и Мoliера, а актеры принуждены были къ столь унижительному для нашего вкуса средству единственно для того, чтобы какъ нибудь поддержать національный спектакль.

Послѣ Мoliера настала эпоха совершеннаго упадка Французскаго Театра; ни одинъ комикъ даже не приблизился къ сему возвышенному генію. Гг. Кребильонъ и де Вольтеръ не имѣютъ преемниковъ; хорошіе актеры или сошли со сцены, или готовятся сѣйти, ибо для таланта нѣтъ ни малѣйшаго одобренія. Остается едва ли не одинъ шагъ къ варварству, когда народъ изъ спектакля бѣжитъ въ Комическую Оперу.

ТАБЛИЦА ТРУППЫ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМЕДИИ И НѢКОТОРЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, СОВРЕМЕННИКОВЪ НЕСЧАСТНАГО 1732 ГОДА.

Актеры.	Писатели.	Актрисы.
Легранъ.	Вольтеръ.	Клеронъ.
Латольеръ.	Кребильонъ.	Данжевилъ.
Пуассонъ.	Буасси.	Госсонъ.
Арманъ.	Пиронъ.	Диенниль.
Сарразень.	Фаганъ.	Боменаръ.
Гранваль.	Детушъ.	Ламоть.
Дансевиль.	Лесажъ.	Гранваль.
Дюбуа.	Мармонтель.	Брильянъ.
Баронъ.	Сенъ-Фoa.	Лавoa.
Делану.	Лашоссе.	Гюсъ.
Поленъ.	Грессеть.	
Дешанъ.	Лонпьемъ.	
Друзъ.	Мариво.	
Белькуръ.		

ЭЛЬДОРАДО АРТИСТОВЪ.

Нигдѣ, сказано въ «la Repomtée,» званіе артиста сценическаго не пользуется такимъ уваженіемъ, нигдѣ не стоитъ оно столь высоко въ общественномъ мнѣніи, какъ въ Копенгагенѣ. Тамъ найдете вы актеровъ, имѣющихъ орденъ Данеброга и властвующихъ большими помѣстьями; тамъ даже профессоры посвящаютъ себя драматическому искусству, изъ одной любви къ нему. Артистокъ не называютъ тамъ на афишахъ *Demoiselle* и *Madame*, но *госпожа* и *дѣвица*, и если какой нибудь артистъ хорошо сыграетъ роль, то на другой день, даже незнакомые, при встрѣчѣ съ нимъ, учтиво говорятъ ему: «Благодарю за вчерашнее.»

МЕЛОЧИ.

Керубини завѣщалъ свою богатую бібліотечку Парижской Музыкальной Консерваторіи. Онъ оставилъ послѣ себя 800,000 франковъ чистыми деньгами и два прекрасные дома въ Парижѣ. Моцартъ и Бетговенъ, не оставили послѣ себя такого наслѣдства — но вѣдь это были Германскіе композиторы!

— Такъ называемыя авторскіе пропеты (*droit d'auteurs*), въ послѣдніе годы, какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ, достигли слѣдующихъ суммъ:

Въ театр. г. съ 1837 по 1838—	712,722 фр.
» » » » 1838 » 1839—	769,032 »
» » » » 1839 » 1840—	758,348 »
» » » » 1840 » 1841—	885,454 »
» » » » 1841 » 1842—	842,394 »

Въ пять лѣтъ 3,967,950 фр.

— Кандидатами на мѣсто Керубини въ Институтъ называютъ Алана, Онслова, Циммермана и Берліоза. Впрочемъ, Институтъ отложилъ выборъ на полгода, что было и послѣ смерти Боаальдіе.

— Концертное общество Музыкальной Консерваторіи въ Парижѣ поручило Греведону исполнить литографированный портретъ Бетговена. Этотъ портретъ, съ подписями членовъ комитета, будетъ слу-

жить дипломомъ вновь поступающимъ членамъ.

— Въ архивахъ города Пезена (Pezenas) нашли старую декорацию, которая, послѣ тщательныхъ изслѣдованій, оказалась одною изъ декораций, служившихъ при представленіяхъ Молиера въ этомъ городѣ, въ присутствіи Лангедокскаго Губернатора.

— Въ Австріи, недавно, актеръ по имени Бернгардтъ перешелъ изъ Протестантскаго Исповѣданія въ Католическое, въ надеждѣ, что въ уваженіе къ этому ему скорѣе поручатъ дирекцію какого-то провинціального театра. Не дурно!

— Актеръ Р., въ Ольмюцѣ, находясь въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, вздумалъ открыть публичный курсъ о новой методѣ перегонки водки,

и объявилъ предварительную подписку. Однако жъ, въ самый день открытія курса, преподаватель бѣжалъ изъ города — разумѣется, съ деньгами подписавшихся.

— Слышно, что Феликсъ Мендельзонъ отправится нынѣшнимъ лѣтомъ въ Швейцарію.

— При Парижскомъ Кафедральномъ Соборѣ учрежденъ музыкальный институтъ, въ которомъ, за умѣренную плату, дѣтей обучаютъ музыкѣ, игрѣ на органѣ и фортепіанѣ, контрапункту и т. п., преимущественно для образованія органистовъ, капельмейстеровъ и музыкальных учителей для провинціальныхъ городовъ.

— Въ Лондонѣ умерла скоропостижно молодая, любимая тамъ артистка, Миссъ Говардъ. Она скончалась вечеромъ, вскорѣ по возвращеніи изъ театра.

У. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ теченіе Марта на всѣхъ Парижскихъ театрахъ представлены 23 новыя піесы, написанныя 37-ю авторами; въ числѣ этихъ піесъ 1 опера, 1 трагедія, 2 комедіи, 2 драмы и 17 водевилей. Мы сообщаемъ, ниже сего, краткіе разборы піесъ, игравшихъ въ послѣднихъ числахъ Марта, или даже въ началѣ Апрѣля.

Италіанская Опера уже оставила Парижъ, и отправилась въ Лондонъ. Во время ея отсутствія, въ залѣ Вантадуръ, будетъ давать представленія Нѣмецкая оперная труппа. Она начнетъ свои представленія 15-го Апрѣля. Директоръ ея, Г. Шуманъ, изъ Майнца, уже нѣсколько разъ заводилъ Нѣмецкую Оперу въ Лондонъ. Его труппа состоитъ нынѣ изъ лучшихъ пѣвицъ и пѣвцовъ Германіи, а именно, у него первыя пѣвицы: Г-жи Жентильомо, Фишеръ-Ахтенъ, Шульце, Луцеръ и Шуманъ; вторыя пѣвицы: Г-жи Валькеръ и Зобургъ; первыя теноры: Гг. Шмецеръ, Брейтингъ, Гайцингеръ, Франкъ и Вольфъ, второй теноръ: Г. Гинтербергеръ; басы: Г. Пекъ, Эммерикъ и Германъ; баритонъ: Г. Обергоферъ, и пятьдесятъ хористовъ. Репертуаръ состоитъ изъ трехъ главныхъ произведеній Вебера, изъ оперъ Моцарта, изъ Фиделію Бетговена, Ифигенія въ Тавридѣ Глюка и многихъ оперъ Шпора. Слышно, что будетъ ангажирована и Софія Лёве.

—7-го Апрѣля, въ Парижскомъ Театрѣ Комической Оперы происходило торжество въ память Керубини. Давали *Водо-*

воза (*Les deux Jongleurs*), одну изъ лучшихъ оперъ знаменитаго компониста. Въ концѣ оперы, на сцену вынесли бюстъ Керубини, и украсили его вѣнцомъ.

—Комедію *La Chaîne* играли недавно въ Парижѣ въ 50-й и послѣдній разъ, по причинѣ удаленія изъ театра актера Менжо, занимавшаго въ ней роль Сенъ-Жерана.

Théâtre du Gymnase. Les Aides-de-camp, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, принадлежитъ къ числу остроумныхъ піесъ, полу-водевилей, полу-комедій, въ которыхъ главное достоинство заключается не въ основѣ, а въ мелкихъ и тонкихъ узорахъ, вышитыхъ по ней. Два друга дали себѣ слово, вступая въ бракъ, извѣстить одинъ другаго въ случаѣ... вы знаете чего. Жены ихъ молоды, а они уже съ просьбою, и одинъ изъ нихъ даже генералъ. Этотъ генералъ, не покидая старинныхъ привычекъ своихъ, навѣщаетъ иногда молодую танцовщицу, и для большей безопасности, поручаетъ одному изъ своихъ адъютантовъ присматривать за нею: адъютантъ этотъ исполняетъ порученіе прекрасно... слишкомъ тщательно даже. Между тѣмъ, другой адъютантъ вздыхаетъ дома и посматриваетъ нѣжно на молодую генеральшу. Пріятель генерала, адвокатъ, замѣтивъ бѣду своего друга, предувѣдомляетъ его о томъ, въ то самое время, какъ генералъ собирался открыть другу своему, нотариусу, горькое извѣстіе, что задѣвъ невзначай своимъ экипажемъ за наемную карету, онъ опрокинулъ ее, и что въ опрокинутой каретѣ оказалась—жена ад-

воката, съ писцомъ мужа своего, въ ужасномъ разстройствѣ. Старикъ-пріятель убѣждаются, что оба они старые глупцы. По счастью, генеральша какъ улаживаетъ все дѣло, и для собственнаго спокойствія проситъ уволить отъ адъютантства того офицера, который оставался при ней.

Théâtre du Palais-Roya. La Femme sous les scellés, водевиль въ одномъ дѣйствіи, предста яемый одною Г-жею Дежазе. Эта пьеса составляетъ pendant къ маленькому водевилю *Sous clé*; здѣсь Дежазе играетъ роль гризетки, которую полиція замкнула въ комнату нѣкоего мосея Артюра, отведеннаго въ тюрьму за долги. Тутъ, подъ замкомъ, она, т. е. гризетка, а не полиція, представляется будто бы склоняется на убѣжденія стараго волокиты, передающаго ей въ шелку ассигнацію въ тысячу франковъ, которыми она уплачиваетъ долги Артюра. Сюжетъ этотъ служить лишь рамкою для безчисленныхъ шутокъ, остротъ и самыхъ комическихкихъ сценъ.

Тотъ же Театръ. Tabarin, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, съ большими претензіями, нежели предъидущій: тутъ есть и исторія, но есть и много комическаго. Табаренъ былъ шутъ, о которомъ даже писалъ Руссо. Въ пьесѣ, за красавицей женой его волочится весь Дворъ. Шутъ Табаренъ узнаетъ жену свою въ маскарадѣ, на которомъ онъ долженъ былъ забавлять гостей фарсами; онъ въ бѣшенствѣ, а всѣ полагаютъ, что онъ представляетъ бѣшенаго ревнивца. На слѣдующій день, однако жъ, на своей сценѣ онъ говоритъ множество колкостей, насмѣшекъ всѣмъ волокитамъ жены своей, и въ заключеніе доводитъ дѣло до того, что ихъ всѣхъ сажаютъ въ Бастилію.— Роль шута превосходно играетъ Ашаръ; пьеса очень понравилась, и вполне заслуживаетъ свой успѣхъ.

Théâtre de l'Ambigu. Les Jumeaux Béarnais, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, про-

изводитъ сильное впечатлѣніе, исполнена движенія и быстрыхъ переходовъ, и написана съ необыкновенною силою. Роль близнецовъ играетъ одинъ и тотъ же актеръ (Г. Альбертъ); въ немъ соединены, по двумъ различнымъ характерамъ этихъ близнецовъ, спокойствіе съ вспыльчивостію, негодованіе скрытое съ открытымъ изступленіемъ. Должно быть, прекрасная роль для нашего трагика, В. А. Каратыгина.

Тотъ же Театръ. La peur du mal, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Чтобы освободить изъ темницы брата, ранившаго на дуэли какого-то графчика, Г-жа Талеръ отправляется упрашивать Министра, и едва, едва не поплачивается дорогою цѣною, т. е. едва мужъ ея не поплачивается за то дорогою цѣною; но дѣло ограничивается страхомъ бѣды. Въ этой пьесѣ только три лица, но она слишкомъ хорошаго тона для бульварнаго театра.

Théâtre du Panthéon. Les Ressources de Qui-n'en-a, пародія въ осьми актахъ, съ тремя прологами. Встарину, пародіи въ этомъ родѣ были въ большой модѣ; нынѣ, чтобъ рискнуть ею, нужно расточить больше ума, имѣть больше таланта, нежели на сочиненіе самой пьесы. Эта пародія на новую комедію Бальзака (*Les Ressources de Quinola*) очень забавна, и привлекаетъ студентовъ, живущихъ въ кварталѣ театра Пантеона.

Cirque Olympique. Emile, ou le Chien des Pyrénées, въ двухъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ. Въ этой пьесѣ главная роль предоставлена — собакѣ, настоящей Пиренейской собакѣ, отличающейся удивительною понятливостію и красотой. Вся пьеса рассчитана для предоставленія разныхъ театральныхъ эффектовъ роли этой собаки, и нельзя себѣ представить въ какой удивительной степени она умѣетъ пользоваться ими. Весь Парижъ въ восторгѣ отъ Эмиля; собака была вызвана и вышла благодарить зрителей.

— Въ Парижѣ недавно давали въ первый разъ по возобновленіи прелестную оперу *Графъ Ори*. Роль Графа занималъ новый теноръ Пультье. Замѣтимъ, что многіе изъ пѣвцовъ-хористовъ пожертвовали своею бородой, чтобъ съ большею истинною представить второй актъ этой оперы. Это самопожертвованіе подастъ нѣкоторую надежду, что и нѣкоторые изъ танцоровъ Парижской Оперы послѣдуютъ примѣру пѣвцовъ, и бросятъ моду, вообще выходящую уже нынѣ изъ общаго употребленія.

— Въ послѣднихъ числахъ минувшаго мѣсяца, дана была на Версальскомъ Театрѣ, въ первый разъ, *Nizza de Grenade*, большая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Лукреціи Борджіи*, Доницетти, слова Этьена Монье. Для насъ любопытно это извѣстіе потому, что въ этой оперѣ пѣлъ Гюнеръ, бывший и на нашей оперной сценѣ. Дирекція приняла всѣ мѣры, чтобъ Парижскіе дилеттанты могли наслаждаться занимательнымъ спектаклемъ, что теперь и не трудно, благодаря желѣзной дорогѣ, которая превратила Версаль въ предмѣстіе Паряжа.

— Въ Лионѣ дебютировала недавно, на амбуа примадонны, дама лѣтъ подь сорокъ, вздумавшая поступить на театръ для того, чтобы уплатить долги своего мужа. Это какая-то Г-жа Саве. Голосъ ея (сопрано) еще удивительно свѣжъ и звученъ; метода пѣнія у ней превосходная. Для перваго дебюта, она выбрала *Жидовку*, а для втораго *Бѣлану*. Въ *Бѣланѣ*, она заслужила самый блистательный приемъ.

Изъ Лондона, отъ 8-го Марта (н. ст.), пишутъ слѣдующее: «Директоръ нашего театра Королева, Г. Лумлей, возвратился изъ Милана, черезъ Туринъ и Парижъ, Г-жа Альбертацци, играющая на Итальянскомъ Театрѣ въ Парижѣ, еще не ангажирована къ намъ, а Тамбурини не намѣренъ заключать ни какихъ условій, покаместъ не съѣздитъ въ Итадію. Опер-

ный сезонъ Театра Королевы начнется въ Субботу, 12-го Марта. На это время, къ этому театру ангажированы: пѣвицы: Г-жи Гризи, Персіани, Поджи, Фреццоллини, Мольтини (изъ Турина) и Ронкони; пѣвцы: Гг. Лунджи и Федерико Лаблаши, Гуаско (съ театра *Scala*), Поджи, Маріо и Джіорджіо Ронкони; танцовщицы: Г-жи Карлота Гризи, Луиза Флери, Гюп-Стефанъ и Черито; танцовщики: Гг. Кулонъ, Госленъ, Депласъ и Перро. Для представленія назначены оперы: *Clemenza di Tito* и *Cosi fan tutte*, Моцарта; *Gemma di Vergy* и *Torquato Tasso*, Доницетти; *Bravo* и *Elena di Feltre*, Меркаданте; *Beatrice di Tenda*, Беллини; *Saffo*, Пачини и *Cantatrici Villane* Фіораванти. Г. Лумлей, предполагая, что Рубини согласится поступить къ Театру Королевы на весь нынѣшній сезонъ, сначала хотѣлъ было ангажировать одну только Г-жу Фреццоллини; но, такъ какъ Рубини объявилъ въ послѣдствіи, что не желаетъ связывать себя ни какимъ контрактомъ, а Г-жа Фреццоллини соглашалась заключить условія не иначе, какъ въ такомъ случаѣ, когда будетъ ангажированъ и мужъ ея, то Г. Лумлей былъ вынужденъ пригласить и сего послѣдняго. — Марта 7-го, на Ковентгарденскомъ Театрѣ была играна новая, пяти-актная комедія автора «Prisoner of war,» Дугласа Джерольда (Douglas Jerrold), подъ названіемъ: *Bubbles of the day*. Комедія эта была принята самымъ благосклоннымъ образомъ. На томъ же театрѣ была возобновлена *Masque of comus*, Мильтона, написанная за двѣсти восемь лѣтъ предъ симъ.

— Таліони проведетъ начало Іюня въ Лондонъ. Она будетъ танцовать тамъ на Ковентгарденскомъ Театрѣ. Дублинъ и Ливерпуль предлагали ей за нѣсколько вечеровъ, первый 500, а второй 300 ф. ст., но она не приняла этихъ предложеній. Слышно, что изъ Лондона она отправится въ Соединенные Штаты.

Новая опера, написанная Рихардомъ Вагнеромъ, принята на Королевскій Берлинскій Театръ, и, какъ говорятъ, будетъ дана въ началѣ слѣдующаго сезона. Опера *Риензи*, того же автора, уже давно ставится на Дрезденскомъ Театрѣ самымъ блистательнымъ образомъ.

— Въ Берлинѣ и въ Пестѣ будетъ въ скоромъ времени представлена пьеса Генриха Левитшнига (*Lewit-Schnigg*), подъ названіемъ *Лордъ Байронъ*.

— Кунстъ все разъѣзжаетъ изъ города въ городъ. Онъ играетъ теперь гостинныя роли въ Нюрнбергѣ.

— Гуцковъ написалъ недавно двѣ пьесы; *Лаубе*—драму, подъ названіемъ: *der Mittelstand*; Юлій Мозенъ отдалъ на сцену пьесы: *Herzog Bernhard von Weimar* и *der Sohn des Fürsten*.

— Въ Вѣну ангажирована талаптливая

Германская артистка, Г-жа Фрибъ Блуммауеръ. Она въ скоромъ времени будетъ дебютировать въ пьесѣ: *List und Pflaum*.

— Г-жа Гассельтъ - Бартъ получила званіе придворной пѣвицы Императора Австрійскаго.

— Новая опера Донизетти: *La Fille du régiment*, переведена на Нѣмецкій и Испанскій языки. Ее уже давали на многихъ Германскихъ Театрахъ.

— Во Франкфуртѣ на Майнѣ нынѣ даетъ представленія Французская труппа, будто бы изъ Петербурга, находящаяся подъ дирекцію Гг. Армана и Левассера.

— Въ Неаполѣ имѣла успѣхъ новая опера композитора Моретти: *I due forzati*.

— Въ Миланѣ имѣла огромный успѣхъ новая опера: *Nabucodonozor*, музыка — Джузеппо Верди, слова Солера.

Р. S. При сей книжкѣ препровождается Гг. подписавшимся послѣдній листикъ предъидущей книжки Реп. и Пант., перепечатанный съ нѣкоторыми поправками.